

Несекретные
МАТЕРИАЛЫ-4

Петрозаводск
Verso 2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос.Кар)6я43
84(2Рос=Рус)6я43
Н 55

Автор-составитель
П. В. Странский

Несекретные материалы-4: [сборник: рассказы, стихи /
Н 55 авт.-сост. П. В. Странский]. — Петрозаводск : Verso, 2012. — 216 с.
Содерж.: Разд.: Исторические хроники; Историческая геология:
(байки карельских геологов); Поэтическая геология.

**ББК 84(2Рос.Кар)6я43
84(2Рос=Рус)6я43**

ISBN 978-5-91997-052-1

От автора-составителя

Кажется, совсем недавно вышел наш первый сборник литературного творчества геологов, чья деятельность связана с Карелией. Сегодня мы выпускаем в свет уже четвёртую книжку. Идея представить литературное творчество геологов оказалась востребованной нашими коллегами и читателями. То, что задумывалось как шутка к Дню геолога в 2008 году, выросло в серьёзный социальный проект. Изданными книгами удалось объединить разные поколения геологов, немного рассказать об истории карельской геологии, показать многогранные литературные таланты авторов. Читателям мы представляем прозу и поэзию на любой вкус: историческую, философскую, ностальгическую, лирическую, юмористическую и даже эротическую. Количество авторов и объём каждого следующего сборника у нас постоянно растёт. Надеюсь, что растёт и качество произведений. В четвёртом сборнике у нас появился ряд новых авторов. Жизнь их разбросала от Южно-Сахалинска до Украины. Но все они в разное время работали в карельской геологии. Уверен, что их произведения не потеряются на фоне творчества уже хорошо известных нашим читателям авторов, которые неоднократно публиковались в предыдущих сборниках.

П. В. Странский

Исторические
ХРОНИКИ

Рудная Горка

Впервые я услышал о Рудной Горке в 1973 году, когда наша группа в составе партии № 2 Невской экспедиции занималась оценкой перспектив ураноносности территории её деятельности. Тогда я и не подозревал, что с ней будет связано несколько лет моей работы.

Рудная Горка — скопление глыб и валунов доломитов и зелёных сланцев с высокими содержаниями урана — была выявлена в районе села Великая Губа на Заонежском полуострове Западным Геофизическим трестом при аэрогамма-съёмке масштаба 1: 200 000 в 1959 году. В дальнейшем все усилия были направлены на поиски коренного источника этих глыб и валунов и продолжались они с перерывами почти в 20 лет. Причём большинство последующих проведённых работ хотя и не приводили к окончательному результату — выявлению коренного источника ураноносных обломков, но шаг за шагом приближали его.

Первая попытка выявить коренной источник рудных глыб и валунов была предпринята ещё в 1960 году при наземной проверке аэроаномалии Северной экспедицией. Были задействованы геолого-радиометрические маршруты, горные и буровые работы, но проявлений урана в коренных породах обнаружено не было. Зато при проведении наземных геолого-радиометрических работ на Заонежском полуострове удалось обнаружить ещё один механический ореол ураноносных обломков на полуострове Шуньгский Наволок, находящийся в 40 км к северо-западу от Рудной Горки. Поэтому было высказано предположение о возможном переносе рудных обломков доломитов на Шуньг-

ский Наволок и Рудную Горку из района реки Кумса — пос. Повенец, где были развиты аналогичные работы. Но проведённые в 1961 году на этой площади геолого-радиометрические работы и валунные поиски не дали положительных результатов, это поставило под сомнение предположение о столь дальнем переносе рудных обломков.

В 1962–1963 гг. на участке Великая Губа были проведены поиски масштаба 1:10 000 с применением горных работ, ручного и колонкового бурения. В результате этих работ было уточнено геологическое строение участка, а также был выявлен ещё один механический ореол ураноносных обломков — доломитов и кварцевых брекчий с гематит-апатитовым цементом (Малая Рудная Горка), но с невысоким содержанием урана. И, самое главное, был установлен коренной источник обломков Малой Рудной Горки, который находился северо-западнее, в непосредственной близости от механического ореола. Однако ввиду малого размера рудных линз и низкого содержания в них урана авторами отчёта была дана отрицательная оценка перспектив участка для поисков промышленного оруденения. Ведь коренного источника рудных обломков с богатым урановым оруденением найдено не было. Рецензенты отчёта с этим не согласились и рекомендовали продолжить работы на участке. Справедливости ради надо отметить, что прекращение работ на участке было связано в основном с отрицательными результатами поисков урана в целом по Северной экспедиции. По решению Главка, специализированные работы на уран в Северо-Западном регионе были прекращены и Северная экспедиция была ликвидирована. На её базе была создана Полевая экспедиция № 1 ВИРГа, основной задачей которой было проведение аэрогамма-спектрометрических поисков в различных регионах Советского Союза.

В 60-е годы на Алданском и Украинском кристаллических щитах были выявлены крупные месторождения урана, что заставило пересмотреть перспективы ураноносности Балтийского щита. В 1972 году была создана Невская экспедиция с задачей возобновления геолого-прогнозных и поисковых работ

на уран в Карело-Кольском регионе. Вспомнили и о Рудной Горке. Сам начальник Невской экспедиции Г. О. Гукасян и куратор экспедиции от ВСЕГЕИ доктор геолого-минералогических наук Т. В. Билибина во время командировки в Карелию решили лично взглянуть на ураноносные обломки Рудной Горки. К сожалению, из-за недостатка времени ореол они не нашли, хотя их сопровождал один из участников его наземной проверки в 1960 году. Но интерес к ореолу у руководства экспедиции не пропал.

С целью оценки ураноносности территории экспедиции, и в частности Карело-Кольского региона, была создана группа, в которой работал и я. При изучении отчётов прошлых лет среди известных проявлений урана и аномалий были выделены перспективные на уран участки, которые необходимо было хотя бы предварительно обследовать с целью получения более полной информации по их геологическому строению, минеральному составу руд. В их число входили и механические ореолы ураноносных обломков на полуострове Шуныгский Наволок и Рудной Горке. Было решено провести на этих участках рекогносцировочные полевые работы.

На сезон 1976 года были выбраны участки в пределах Онежской структуры и её обрамления. По ряду организационных причин полевые работы удалось начать только в середине лета. По распоряжению начальника экспедиции нашей группе был выделен автобус с опытным водителем. Сначала мы провели полевые работы на ряде участков в западной части Онежской структуры, потом дошла очередь и до механических ореолов ураноносных обломков. На полуострове Шуныгский Наволок ураноносных обломков мы не нашли, там нам удалось найти только ториевую аномалию в коренных породах на берегу Онежского озера. Механический ореол на Рудной Горке мы отыскивали с большим трудом, хотя и в нашей группе был один из участников работ 1960 года. Природа взяла своё, все следы предыдущих работ исчезли. Помогли нам лишь остатки бурового оборудования: обсадные трубы, отработанные коронки. Ураноносных обломков на Рудной Горке (это была действи-

тельно небольшая горка) оказалось достаточно много, в том числе и высокорadioактивных, так что нам не составило большого труда отобрать образцы из различных разновидностей пород. После возвращения в Ленинград все образцы были сданы на анализы в лабораторию, а наша группа в полном составе ушла в отпуск. В первый же день после возвращения из отпуска меня встретил на лестнице геофизик нашей группы В. И. Ильин и сообщил, что нас срочно вызывает начальник экспедиции. Оказывается, во время нашего отсутствия были сделаны радиографии привезённых нами высокорadioактивных образцов, которые попали на глаза Г. О. Гукасяну. Они заинтересовали его, ведь это были настоящие рудные образцы, и он хотел выяснить, откуда они были отобраны. Мы сообщили ему, что образцы с Рудной Горки.

Всю зиму наша группа занималась сбором и анализом материалов по Онежской структуре, которая была выделена в качестве наиболее перспективной для проведения геолого-прогнозных работ масштаба 1:200 000. Весной 1977 года уже целый отряд выехал на полевые работы в западную часть Заонежского полуострова для проведения геолого-радиометрических поисков и литогеохимического опробования масштаба 1:50 000, а в районе Рудной Горки на площади 18 кв. км — более детальных комплексных геолого-геофизических работ. Непосредственно на самом ореоле были проведены геолого-радиометрические поиски, картирование рудных валунов, неизменных пород с их геохимическим опробованием, комплекс геофизических работ, пройден ряд канав. Осенью, в ноябре месяце, практически после окончания полевого сезона, нам прислали с Кольского полуострова самоходную буровую установку. Учитывая, что местность в районе ореола частью заболочена, удалось пробурить лишь три профиля скважин между Малой Рудной Горкой и Рудной Горкой. В процессе бурения скважин нас посетил руководство Невской экспедиции в лице начальника и главного геолога, а также кураторов экспедиции от ВСЕГЕИ. Посмотрели наши материалы, послушали сообщения, подкорректировали размещение скважин.

Бурением скважин было подтверждено наличие механического ореола ураноносных обломков не только на поверхности, но и в моренных отложениях на глубине, под ленточными глинами, что несомненно свидетельствовало о местном происхождении рудных обломков. Работами отряда была дана геохимическая и минералого-петрографическая характеристика обломков. Было установлено, что обломки с богатым урановым оруденением представляют собой альбитизированные и слюдизированные алевролиты, карбонатно-слюдистые метасоматиты, слюдиты — породы, ранее неизвестные на Заонежском полуострове. Предположительно был установлен возраст уранового оруденения и доказана необходимость дальнейшего изучения участка.

На основании анализа всех имеющихся геолого-геофизических материалов, проведённого отрядом в камеральный период, руководством экспедиции было принято решение продолжить в 1978 году геолого-поисковые работы в Онежской структуре, и в частности — на Заонежском полуострове. На всей площади полуострова и частью за его пределами были запроектированы и в дальнейшем партией № 6 проведены аэрогаммаспектрометрические, с аэромагниторазведкой, поиски, а отрядом партии № 8, который базировался в посёлке Великая Губа и куда меня перевели зимой 1978 года, были проведены поисковые работы в районе Рудной Горки, с применением методов структурной геофизики и бурения. С целью дальнейшего изучения механического ореола ураноносных обломков Рудная Горка отрядом партии № 8 были проведены валунные поиски. Это была довольно кропотливая работа. Во время геолого-радиометрических маршрутов изучались все свалы крупнообломочного моренного материала, обломки и валуны пород промерялись радиометром и визуально разделялись по петрографическому составу, с обязательным выделением доломитов, алевролитов, слюдизированных пород, то есть тех пород, к которым было приурочено урановое оруденение в обломках и глыбах механического ореола. Для каждой пробы вычислялась доля обломков различного петрографи-

ческого состава и представлялись диаграммы состава обломочного материала морены. В канавах производились замеры ориентировки длинных осей окатанных обломков и валунов, по которым строились роз-диаграммы и определялось направление движения ледника. Все эти данные выносились на карты и по их совокупности определялся разнос обломков и степень их концентрации по направлению движения ледника, что дало возможность с привлечением данных шпуровой съёмки, фиксирующей механические и солевые ореолы урана и ранее проведённого ручного бурения, установить «голову» механического ореола обломков с богатым урановым оруденением. И «голова» эта находилась в болоте, хоть и небольшом. Здесь же, в районе Рудной Горки, в юго-западной части Заонежского полуострова проводилось поисково-картировочное бурение по отдельным профилям. Одна из скважин (наклонная) была задана на самом краю болота, под механический ореол ураноносных обломков. Она вскрыла практически неизменённые доломиты, но с глубины 40–50 метров были подняты несколько мелких кусочков породы зелёного цвета, состоящей из слюдок. Они были идентичны породам в ореолах, но, к сожалению, оказались «пустыми», без повышенной радиоактивности. Закралась мысль, что ледник полностью разрушил и выпахал рудное тело и дальнейшие поиски его бесполезны. Но надежда, как известно, умирает последней. Тем более, что по результатам проведения геофизических работ (магнито- и гравиразведка) и поисково-картировочного бурения была выделена сложно-построенная Святухинско-Космозёрская складчато-разрывная зона с интенсивно проявленными гидротермально-метасоматическими изменениями, в пределах которой располагалась и Рудная Горка.

В том же 1978 году на всей площади Заонежского полуострова были проведены аэрогаммаспектрометрические поиски масштаба 1:25 000 партией № 6, в результате которых был выявлен целый ряд аэрогаммаполей и полей повышенных концентраций урана. На полуострове Шуньгский Наволок, где ранее был выявлен механический ореол ураноносных обломков,

шпуровыми поисками, а затем бурением мелких скважин было обнаружено урановое оруденение в коренном залегании — рудопроявление Святуха.

Эти находки подтвердили перспективность площади Заонежского полуострова и послужили основой для организации работ партии № 32.

С 1979 года партия № 32, в которую практически полностью был включён отряд партии № 8, проводит весь комплекс геологоразведочных работ на Онежской структуре, в том числе и поисково-оценочное бурение на участках Шуньгский Наволок (рудопроявление Святуха) и Великая Губа.

В 1979 году поисково-картировочное бурение проводилось в пределах всей Святухинско-Космозёрской складчато-разрывной зоны. Лишь ранней весной 1980 года буровой установкой удалось заехать на болото, где по результатам комплекса проведённых работ находилась «голова» механического ореола ураноносных обломков Рудная Горка. Я сидел в камералке, когда туда вошёл быстрыми шагами Володя Пичугин и со словами «поздравляю» протянул мне кусок рудного керна из только что пробурённой на болоте скважины. Коренной источник ураноносных обломков был наконец найден!

Как выяснилось позднее, рудное тело имело в длину 105 м, ширина его варьирует от 10 до 20 м, на глубину оно распространяется на 20 м.

Ещё в 1963 году были пробурены две скважины в профиле на расстоянии 20 м друг от друга. Располагались они по краям болота и, как оказалось, по краям рудного тела. Не хватило каких-нибудь двух-трёх метров, и эпопея с нахождением коренного источника ураноносных обломков растянулась на несколько лет. Так бывает.

«Геологическая» картошка

Не зря картошку называют вторым хлебом. На Руси в голодные годы она спасала людей и домашних животных от неминуемой гибели. А в Советском Союзе, на грани его развала, с помощью картошки даже пытались решить так называемую продовольственную проблему. Что из этого вышло, о том и будет рассказ.

Китайцы в своё время провозгласили лозунг: «Каждому двору — своя домна!» У нас лозунгов и так всегда хватало, поэтому власти ограничились приказом: «Каждому предприятию — своё подсобное хозяйство!» Не обошла эта напасть и геологоразведочную отрасль. Экспедициям было велено обзаводиться сельхозинвентарём, семенами, удобрениями. Приказы, как известно, не обсуждаются, а выполняются.

В Карельской экспедиции к этому приказу сверху отнеслись серьёзно и ответственно. Работа закипела ещё с осени, чтобы успеть к весне создать новое, как теперь бы сказали, непрофильное хозяйство. И нашёлся для такого дела хозяйственный мужик — Павел Григорьевич, недавно принятый на должность заместителя начальника экспедиции. Он, как всякая «новая метла», не мешкая взялся за дело. Большой, видный, он скоро стал вхож в кабинеты к местным властям. Вхож, конечно, не без «презентов». К кому с добротным овчинным полушубком, к кому с собачьими унтами или спальным мешком из верблюжьей шерсти. Тогда это всё нельзя было купить ни за какие деньги. А тут нужным людям «дефицит» шёл прямо в руки и совсем даром.

Конечно, «нужные люди» скоро откликнулись. Не только выделили в районе Старой Маньги больше десятка гектаров вполне пригодной пахотной земли, но и помогли с обустройством дорог. Работа закипела.

К весне уже рядом с полями стояли новенькие домики, складские помещения и другие хозяйственные постройки. В начале мая завезли туда хорошие сортовые семена, а к концу месяца удобренные и свежевспаханные поля были засажены картошкой. Оставалось ждать полноценного урожая.

Семян было закуплено с большим запасом, и Павел Григорьевич решил облагодетельствовать сотрудников экспедиции. Договорился с одним из совхозов недалеко от города, чтобы там дали немного земли под личные огороды сотрудников. Он думал и людям сделать добро, и «неликвидные» семена картошки использовать.

Директор совхоза не стал делить поле на мелкие площадки, а, узнав о количестве семян, сразу «нарезал» длинные борозды по краю поля на границе с перелеском. Получилось с десятков борозд. По одной борозде на каждого. Охотникам до такого своеобразного огорода оставалось только посадить даровые семена в готовые борозды и потом засыпать-заровнять их граблями.

— Семена отличные. А какие крепкие толстенькие росточки на каждой картофелине! Тут вырастет не меньше чем по мешку картошки на каждого, — заметила одна из огородниц, видно, понимающая в этом толк.

— Картошка, конечно, взойдёт сама. А потом ведь надо будет её вовремя окучивать и смотреть, чтобы колорадский жук не съел. Так что поставьте к бороздам по столбику с именем хозяина и теперь ухаживайте каждый за своей бороздой, — наставлял будущих огородников Павел Григорьевич.

Колорадский жук — известная напасть. Он каким-то образом проник даже в Карелию. Видно, потому, что в последние годы были тёплые зимы. Но наших огородников ждала другая напасть, против которой жук — детский лепет.

Недели три спустя после посадки кто-то из «колхозников» поехал на своём автомобиле посмотреть, как возшла картошка. Воскресный выходной день выдался солнечным. Ласкал душу зелёный лес по краям дороги. В большом селе, недалеко от которого была посажена картошка, народ толпился на улице. Праздновали Троицу.

В палисадниках цвела сирень, её аромат, проникая в открытую боковую форточку, наполнял салон автомобиля.

Борозды удивили сразу. Там не только не нашлось ни одного взошедшего куста. Сами борозды показались точно такими, как были нарезаны тракторным плугом перед посадкой картошки.

Новоиспечённый картофелевод вытащил из багажника лопату и стал копать. В одном месте копнул, в другом — никаких признаков посаженных картофелин не обнаружил. Пробовал копать на середине поля — то же самое. И везде чёткие прямые борозды. В иных местах глубже, чем после нарезки трактором.

Пошёл в самый конец борозд. Ближе к перелеску. И там ни одного взошедшего ростка. Хотел опять лопатой порыться. Но тут увидел на ровном, прибитым дождём пяточке почвы чёткие следы от крупных копыт. И всё стало ясно. Не успели посадить картошку, как сразу, наверное, в первую же ночь, её выкопали парнокопытные нахлебники — кабаны.

Дальше следствие можно было не проводить. Воры известны. И явно останутся безнаказанными. Потому что давно их след простыл. Буквально.

Павел Григорьевич, узнав про постигшую огородников неудачу, утешил их такими словами:

— Не горюйте. В Маньге картошка возшла дружно и уже один раз окучена. Ботва тёмно-зелёная, крепкая. Всё сулит богатый урожай. Если хорошо дружно уберём, всем хватит.

В конце сентября картошка в Маньге всё ещё густо зеленела сочной ботвой. Сроки уборки на исходе, а ботва стояла неувядаемая.

— То ли сажали не вовремя, то ли сорт оказался поздним, а может, с удобрениями переборщили, — размышлял вслух Павел Григорьевич, не зная что делать.

— Копать надо. Скоро белые мухи полетят, — приказал начальник экспедиции, лично оглядев поля.

Со следующего понедельника весь аппарат управления был «брошен» на картошку. Большинство кабинетов в здании экспедиции закрыли на замки. На картофельном поле работали, как говорится, не покладая рук, не глядя на погоду. А она, как на грех, подвела. Пошли серые холодные дожди, какие бывают только поздней осенью. Дело двигалось медленно, несмотря на объявленный аврал.

Сотрудников геологического отдела мобилизовали на картошку в выходной день 5 октября. Погода с утра стояла холодная, пасмурная. Моросил мелкий противный дождь, который, казалось, вот-вот перейдёт в снег. Все, не думая о погоде за бортом, расселись в тёплом автобусе. Когда он тронулся, Павел Григорьевич, громко и не без ехидства, сказал:

— Давно вас надо было гнать на картошку. А то в своих кабинетах сидите, без толку протираете штаны. Теперь хоть пользу государству принесёте. Да и проветритесь заодно.

— Проветримся — это точно. А насчёт пользы государству есть большие сомнения, — пробасил кто-то из задних рядов.

Как в воду глядел.

Не успели выйти на поле, пошёл снег. Мокрый, липкий. Да ещё ветер подул с севера. Суглинистая почва, и до того насыщенная влагой, на глазах превращалась в непролазную хлябь. Трактор «Беларусь» вместе с картофелекопалкой зарывался в землю под самое «брюхо». А снег всё валил и валил.

В этот день было приказано завершить уборку. Около полудня пошли в один из домиков, чтобы погреться и перекусить. Многие обратили внимание на обширный навес, под которым высилась Монбланом собранная за неделю картошка. Картофельный конус, припорошённый снегом, казался ледяным пиком. Усиливающийся ветер поднимал вдоль навеса снежные

вихри. Картошка всё больше покрывалась слоем снега. Кто-то с иронической ухмылкой заметил, что теперь под снежным покрывалом собранному урожаю не страшна даже зимняя стужа.

Однако вышло всё не так. Снег ещё усилился, а к вечеру стало подмораживать. Остались не выкопанными несколько борозд, которые уже успела заровнять позёмка.

Уехали с поля уже в сумерках. Павел Григорьевич пребывал в тоске-печали. Не знал, как теперь отчитаться перед «верхами» за невыполненную продовольственную программу. На обратном пути в автобусе он смачно матерился, проклиная погоду, начальство и замерзающую картошку.

Она, действительно, вся смёрзлась, превратившись в айсберг. С поверхности сразу, а вглубь промёрзла в ближайшие морозные ночи. Куда девать такую картошку, никто не знал. Завести свиней, для которых предназначался корм, не успели. Теперь и скоту скормить такую картошку станет проблемой. Неужели пропадёт добро? Кто-то из мужичков деревенского происхождения предложил употребить всё на самогонку.

— Тут сырья хватит на небольшой спиртзаводик. Начнём выпускать «Московскую особую». Обогатимся в первый же год. Геологоразведкой можно будет не заниматься.

Новаторское предложение осталось не реализованным. А картошка всё-таки не пропала. Её целым ледяным монолитом передали соседнему колхозу. Но и тут возникли непредвиденные трудности. Председатель посетовал, что слабосильный экскаватор на базе трактора «Беларусь» никак не может подступиться к ледяной картофельной глыбе. Просил «подбросить» взрывчатки, чтобы порушить ледяной монолит. Но начальник экспедиции на полном серьёзе посоветовал не мудрить, а поставить на погрузку мёрзлой картошки более мощный экскаватор. Совету вняли. Мёрзлую картошку постепенно скормили колхозным свиньям. Говорят, что ели они это сладкое блюдо с большим удовольствием.

В итоге можно сказать, что «геологическая» картошка всё-таки не пропала. А продовольственную проблему решили сразу после ликвидации советской власти. Правда, решили за счёт за-

границной еды далеко не лучшего качества. Теперь мытая картошка из заморского государства Израиль продаётся по той же цене, как наша грязная. А некоторые продукты из-за кордона стоят в магазинах даже дешевле аналогичных наших. Не дай Бог, если правители в центре и на местах придут к мысли, что еду и всё остальное для наших людей выгоднее покупать за границей. В обмен на нефть, газ и другие богатства недр. Неужто никто не задастся вопросом: а как быть, если заграничные «благодетели» вдруг злодейски перекроют кран? Снова возрождать подсобные хозяйства? Однако теперь даже «геологическую» картошку выращивать некому. Геологоразведочное производство совсем придушила новая наша власть.

Но не навсегда же?

«Боинг-747»

(Рассказ свидетеля ЧП)

Как-то раз пришлось ехать «Арктикой» домой из командировки. Зимней порою пассажиров мало, и я оказался один в купе. Уютно устроившись и попив чайку, который сразу принесла приветливая проводница, я собрался вздремнуть. После командировочного утомительного недосыпа за последние дни так приятно было вытянуться на мягкой постели на чистых хрустящих простынях.

На станции Кандалакша поезд резко затормозил. Остановился, наверное, на минуту и снова, дёрнувшись, стал набирать скорость. Я по-настоящему даже задремать не успел, как в дверь постучали. На пороге купе, еле втискиваясь, появился бородастый пассажир в овчинном полушубке и унтах. Поздоровались.

Вижу, он как-то странно на меня смотрит, загадочно улыбаясь.

— Не узнаёшь?

И тут меня осенило. Узнал не обличье этого человека, а его хрипловатый голос, который трудно спутать с любым другим.

— Где же тебя узнаёшь, такого бородача?

— Это средство защиты от обморожения, — с весёлой ухмылкой заявил он.

Я быстро поднялся с постели. Мы обнялись. Он стал постепенно разоблачаться. У подошедшей кондукторши сразу попросил много чаю и «пару пустых стаканчиков». Та ухмыльнулась, но просьбу выполнила.

Попутчиком моим оказался давно знакомый геофизик. Он вынул из рюкзака бутылку «Столичной», «палку» полукопчёной колбасы, буханку круглого ржаного хлеба и пару луковиц.

— Ты, как я вижу, во всеоружии.

— Дорога длинная. Да ещё такой редкостный попутчик... На такой случай надо быть во всеоружии.

— А меня, признаюсь, как оказался в тепле после вокзального холода, сразу в сон потянуло.

— Ничего, сейчас взбодримся. Я тебе такое расскажу, что и ночью спать не будешь, — интригующе-загадочно пообещал мой старый знакомый.

И он рассказал. Разговора хватило до Петрозаводска.

Вот этот рассказ в лаконичном варианте.

Геофизик, так будем называть моего знакомого, откупорил бутылку, налил в каждый из порожних стаканов водки, нарезал большим острым ножом колбасу, хлеб, лук и, подняв стакан, со словами «будем здоровы» выпил до дна. Я следом сделал несколько глотков и стал закусывать. А он, как бы оправдываясь за одномоментно проглоченные полстакана горячительной жидкости, заявил:

— Это я для разговорчивости. Ведь обещал же тебе рассказать захватывающую историю. Ну так слушай, скорее время пройдёт.

— Прокладывали мы геофизический профиль. С запада на восток, через весь Балтийский щит. Финские коллеги довели его до границы с той стороны, а мы начали почти от самой границы и продолжаем дальше по нашей территории. В тот день что-то занепогодило. Шёл снег. Мела позёмка. И это при морозе

под минус двадцать. Сугробы местами выше колена. Руки коченели от холода. Оптика приборов покрывалась инеем. Короче, не работа, а мука. Хотели уже бросать всё и пробираться на дорогу. Потом немного наступило просветление. Ну, думаем, смилостивились небеса. Решили, пока светло, пройти хотя бы до следующего пикета. И тут раздался странный звук, похожий на отдалённые раскаты грома. Скоро этот звук стал оглушительно грохочущим, как артиллерийская канонада. А несколько секунд спустя мы увидели над головой огромный, прямо-таки фантастических размеров самолёт, который плавно снижался, чуть не задевая выпущенными шасси за вершины деревьев. Мы знали, что тут нигде нет аэродрома. А потом поняли, что он шёл как раз в направлении небольшого вытянутого по курсу озера, скованного льдом. Наш отряд только что прошёл его, утопая в снегу.

Когда всё затихло, мы продолжали ещё прислушиваться и долго стояли в недоумении разинув рты. Едва очнувшись, пошли в ту сторону, где было озеро, откуда доносились последние звуки явно аварийной посадки самолёта. Мы боялись самого страшного. Думали, что гигантская машина ушла под лёд, похоронив на дне лесного водоёма всех находившихся на борту людей. И, конечно, мы не знали: чей это самолёт, как он сюда попал, что с ним случилось в воздухе? Однако, выйдя на открытое озёрное пространство, сразу успокоились. Огромная машина, распластав свои крылья чуть не от одного берега озера до другого, стояла, казалось, невредимая в самом конце «посадочной полосы». Подошли вплотную и обнаружили двухэтажную громадину: два ряда иллюминаторов и прильнувшие к стёклам лица людей. Поняли, что самолёт пассажирский. Приветливо помахали руками и увидели в ответ благодарные улыбки. А ещё мы заметили, что пассажиры в самолёте одеты в лёгкие футболки. Сразу подумалось, как их теперь спасать, как вывозить отсюда, одетых в летнее платье. Ведь мы не могли помочь в этом отношении ни одному человеку. А их там на борту, наверное, не одна сотня. Это наше недоуменное состояние быстро прошло.

Дальше коллега-геофизик подробно рассказал, что увидел сам, что стало известно от наших военных и всё, что потом долго передавали разные «вражьи голоса».

Послышался звук подлетающего вертолётa. Прибыла группа пограничников. Как потом выяснилось, они почти всё знали. За исключением самого главного — удалось ли экипажу благополучно совершить вынужденную посадку авиалайнера.

— Когда увидели, что самолёт, можно сказать, невредим, а все люди живы, то было не ясно: обрадовались этому прибывшие военные или, наоборот, опечалились, предвидя впереди большую мороку и даже множество почти непреодолимых трудностей, — рассказывал мой знакомый.

Первая трудность выявилась сразу. Люди в самолёте без верхней одежды, а на улице мороз под двадцать градусов. Да ещё с ветерком. Возникла проблема, как их эвакуировать в тёплое место? А когда узнали, что на борту двухпалубного лайнера больше трёхсот пятидесяти человек, стало совсем невмоготу. К счастью, в числе прочих прибыл очень расторопный сотрудник КГБ да ещё наделённый большими полномочиями. Он распорядился мигом. Уже через полчаса на двух вновь прилетевших МИ-8 были доставлены около четырёхсот новеньких полушубков и валенок. Всех начинающих дрожать от холода пассажиров и членов экипажа сразу хорошо, вполне по-зимнему, одели и обули.

Перед этим расторопный товарищ проверил документы наших геофизиков. Проверил внимательно. И паспорта, и пропуска, пристально сравнивая фото с обликом каждого. Только убедившись, что это не нарушители режима погранзоны, а вполне свои люди, выполняющие важную работу, он приказал им не уходить далеко, заявив: каждый может пригодиться, «пока тут всё не расхлебаем».

А прилетевшие незваные гости, по мере облачения в зимнюю одежду, гуськом выходили из салона самолёта и сразу попадали в нашу выюжную холодную зиму.

— Надо было видеть высыпавших из самолёта мелковатых желтолицых пассажиров. Вместо того, чтобы радоваться, виз-

жать от восторга (всё-таки выжили в казалось бы безвыходной ситуации), они чувствовали себя очень неловко и неудобно, а в нашей явно не по размеру зимней одежде казались очень смешными. Несмотря на драматизм обстановки, толпа корейцев (самолёт летел в Сеул) выглядела карикатурно на фоне сугробов и вместо сочувствия вызвала иронические улыбки пограничников, — рассказывал мой попутчик, не забывая подливать из бутылки в свой стакан.

Терпящие бедствие пассажиры двинулась к вертолётам. Первым же рейсом улетели сразу около сотни человек.

— Куда их увезли, мы узнали не сразу. Как потом выяснилось, в Кемь — ближайший городок, где были какие-то помещения, пригодные для ночлега. Мы прикинули: если такими темпами и дальше пойдёт эвакуация, то засветло вряд ли удастся доставить всех в жилое тёплое место. Народу на льду заснеженного лесного озера собралось столько, что, казалось, их не перевезёшь и в нескольких пассажирских поездах. Но скоро сомнения исчезли. Раздался отдалённый басистый гул. Из-за вершин прибрежного леса показалась громадная винтокрылая машина. Гигантский чудо-вертолёт, похожий на летающий вагон. Кажется, это был большегруз К-26. Не успел он мягко опуститься недалеко от ожидающих пассажиров, как появились и тоже сели сразу штук пять трудяг МИ-8. «Ещё такой один заход, — подумал я, — и все будут в тепле». Так оно и вышло. Последним рейсом улетели и мы со своими приборами. Пришлось бросить на полуслове свой профиль, свою работу. Так приказал главный распорядитель, видно, большой начальник. При этом он добавил, что мы, единственные свидетели, должны будем «давать показания». — Мой попутчик, ехидно улыбнувшись, добавил: — Я тогда с опаской подумал: как бы из свидетелей не угодить в обвиняемые. Но всё обошлось. Наши приключения на этом закончились. А у пограничников они только начинались. Не столько приключения, сколько хлопоты и почти неразрешимые проблемы.

Полушубки в Кеми нашлись. Никто не обморозился и даже не простудился. Нашёлся и хороший хирург, который удач-

но прооперировал двух раненых пассажиров. Ведь самолёт не просто так рухнул на лёд случайно оказавшегося прямо по курсу озера. Он, как нарушитель нашей государственной границы, был обстрелян истребителями. Пулемётная очередь насквозь прошла фюзеляж, произошла разгерметизация салонов и «Боинг-747» пошёл на вынужденную посадку. В результате обстрела оказались ранеными двое пассажиров, которым первую помощь оказали стюардессы, а всё остальное, что было надо, сделали врачи районной больницы. В этом отношении наши не подкачали. А вот дальше пошло, как говорится, через пень колоду.

Первое, на чём споткнулись: в Кеми не нашлось гостиниц, чтобы разместить там даже половину пассажиров. Во-вторых, их надо было накормить. Общепит маленького районного городка был не способен насытить ораву голодных ртов. Даже чаю на такую прорву понадобилось бы больше десятка вёдер. Но кормить-то всё равно пришлось. Тем, что попало под руку.

В самой большой столовой города силами всех срочно мобилизованных местных кухарей сварили около центнера трески и макарон по потребности. Хорошо, что нашлось сливочное масло, чтобы хоть как-то сдобрить это сермяжное блюдо. Даже для местных поморов не очень привлекательное. А тут холёные заграничные гости. Районное начальство с тревогой ждало реакции «небесных пришельцев».

Реакция была вполне предсказуемой. После двух-трёх жевков трапеза приостановилась. Треска с макаронами осталась почти нетронутой. Но от чая со свежими булочками — продукцией целой смены хлебозавода — гости не отказались.

На ночлег пассажиров самолёта разместили по школам. Ученикам объявили о дополнительных каникулах на несколько дней. Работники коммунальных служб сразу собрали по городу имеющиеся раскладушки и комплекты постельных принадлежностей. Так за несколько часов они превратили классные комнаты в общежития и ближе к полуночи разместили успевших натерпеться горемык.

— Потом их кормили ухой и котлетами с теми же макаронами. Ели мало. Но ели. Как говорится, голод не тётка. Самое удивительное во всём этом: безропотность попавших в беду людей. Ни одной жалобы, ни одного возмущения нашим «сервисом», — сообщил мой знакомый, геофизик. — И на все знаки внимания они отвечали вежливыми поклонами и какими-то непонятными словами. Видно, словами благодарности.

Поезд с каждым часом всё ближе подходил к Петрозаводску. Уже была осушена до самого доньшка заветная бутылка. Не раз приносила проводница по паре стаканов вполне приличного чая. А рассказ моего собеседника продолжался в том же размеренном темпе. Когда он заметил, что я поглядываю на часы, понял: надо закругляться. Тем более, что я поторопил вопросом:

— И чем же закончилась эта история?

— До сих пор я рассказал о том, чему сам был свидетелем. О дальнейшем развороте событий узнал из разных «голосов». У меня хороший реконструированный радиоприёмник «Спидола». Я разбираюсь в радиотехнике и давно перемотал катушки двух диапазонов коротких волн (75 и 60 м), заменив их запретными у нас 19- и 16-метровыми диапазонами, на которых можно было слушать зарубежные радиостанции, несмотря на вой «глушилок». То, что расскажу сейчас, узнал из этих передач. Расскажу коротко, чтобы успеть до твоей станции.

Через несколько дней после вынужденной посадки «боинга», его пассажиров перевезли на военный аэродром в Мурманши на Кольском полуострове, а затем на другом самолёте они вылетели домой, в Сеул.

Аварийный «Боинг-747», совершивший вынужденную посадку на льду лесного озера в северной Карелии, был разобран прилетевшими на вертолётах из Норвегии американскими военными специалистами. Разобран до последнего винтика. А затем на вертолётах-тяжеловозах, — что на внешней подвеске, что в грузовых отсеках, — частями переправлен на ближайшую

американскую военную базу. Всё , конечно, по согласованию с верховной властью двух стран.

— С нас тогда взяли подписку «о неразглашении». А я, вот, взял и разгласил. Но ты ведь имеешь допуск к секретным материалам. Тебе можно было рассказать. Однако помалкивай. Кажется, подъезжаем к Петрозаводску. Ты почти дома. Дорога пролетела незаметно. Для того и существуют такие байки, чтобы время скоротать.

— Спасибо тебе за интересный рассказ. Я не перебивал тебя, но всё время думал, что пилоты этого самолёта совершили подвиг и проявили высочайшее мастерство. Спасли многие сотни людей от явной гибели. У нас бы за такое наградили. А как там, не знаешь?

— Не знаю и врать не буду. Они, небось, за награду считают само спасение своих жизней и жизней пассажиров.

Я достал свой дорожный баул и, попрощавшись, пошёл к выходу. Поезд как раз остановился.

— Ты смотри, не забывай о запрете на «разглашение».

— Не забуду. Живи спокойно дальше.

Хорошо, что времена «секретных материалов» давно закончились и теперь можно всё разглашать. Вот и я позволил...

Щёлка

Строго говоря, речь идёт о маленькой щёлочке шириной в два-три миллиметра. О щёлочке между двумя оконными стёклами. А сколько суматохи она наделала! Стала сенсацией. Даже для геологов. Людей бывалых и много повидавших на своём веку.

В субботу к концу рабочего дня что-то завьюжило. И это, можно сказать, осенью. Перед самыми ноябрьскими праздниками. В посёлке Сопча замело тропинки. Появились небольшие сугробы на дороге: стало совсем почти не видно накатанной ко-

леи. Закончив рабочий день, сотрудники геологоразведочной партии гуськом направились к автобусной остановке. Спешили уехать в город, пока совсем не замело трассу. Успели.

На следующее утро мы с коллегой, бывшим однокурсником, Володей Ланевым сидели в тёплой комнате общежития, попивали чаёк со свежими сушками и слушали вой пурги.

Наше окно выходило на главную улицу города, по которой обычно днём и ночью шли автобусы в направлении комбината. Они в любую погоду подвозили в цеха рабочие смены. На этих же автобусах и мы в восемь утра выезжали на работу, а вечером возвращались домой.

Полярный день заканчивался. Все попытки разглядеть обстановку на улице через окно окончились неудачей. Как говорится, зги не видно.

— Давай выйдем на улицу. Посмотрим, что ждёт нас завтра утром, если пурга не кончится, — предложил Володя.

Я согласился.

Облачившись в свои валенки и овчинные полушубки, буквально споткнулись на выходе из коридора. Дверь, выходившая на низенькое широкое крыльцо, не открывалась. Поднатужившись, стали её раскачивать. Приоткрыв сантиметров на десять, стало понятно, что на крыльце сугроб. Еле сдвинув его вбок, вышли на улицу. Сухой снег валил сверху, вихрями поднимался снизу, будто наждачной бумагой саднил лицо. А ветер чуть не валил с ног. Отсюда и сугроб, чуть не запечатавший нашу дверь. Пришлось сперва взяться за лопаты и очистить крыльцо.

Когда вышли на главную магистраль, то сквозь снежную пелену увидели странную картину. Вместо автобусов один за другим, выстроившись лесенкой, шли грейдеры и бульдозеры, расчищающие проезжую часть.

— Если к утру метель не утихнет, как на работу будем добираться? — спросил я в надежде на оптимизм Володи.

— Утреннюю смену рабочих в любом случае повезут на комбинат. Значит, довезут и нас, — бодро сказал коллега.

Утром следующего дня, ещё до восьми часов, мы были на остановке городского транспорта. Автобусы шли вперемеж-

ку с грейдерами. Шли один за другим почти сплошным потоком. Но никого из «гражданских лиц» — не брали. А ветер, казалось, ещё усилился, крутя снежные вихри. Опаздывающие на работу люди нервничали. Многие дрожали от холода. Ведь валенки и полушубки, вроде наших, были далеко не у всех.

После часа бесполезного стояния народ постепенно стал расходиться. Ушли и мы погреться в свою комнату. Вскипятили чайник. Я высыпал туда чуть не полпачки «Грузинского».

— Ты что, чифирить вздумал? — с весёлой ухмылкой спросил Володя.

— Это я для бодрости. Чтобы не заснуть, если невзначай занесёт снегом, — в том же тоне ответил я.

Уехали мы перед самым обедом. И то с большим трудом втиснулись в переполненный автобус. Думали, что мы последние, а оказались в числе первых. Все собрались, когда подошло время идти в столовую. Начальник язвительно заметил, что на работу явились с многочасовым опозданием, а в столовую собрались дружно и точно к сроку.

После сытного обеда каждый взялся за своё дело. Подходил срок сдачи очередного геологического отчёта с подсчётом прогнозных запасов руд глубоких горизонтов. Руководители групп грозились неминуемым авралом. В кабинетах, где камеральничали геологи, воцарилась тишина.

И тут, очень неожиданно, послышался из коридора какой-то странный звук. Некая помесь вопля удивления с раскатистым беззлобным, но очень уж фигуристым матом. Это басил Женя Тарновский. Он открыл широко дверь передней комнаты и стал громко всех звать к себе.

— Скорей идите сюда! Такого чуда больше нигде не увидите.

В числе первых рядом с Женей оказался я. А Тарновский стоял напротив открытой двери общего туалета типа «сортир». В свете довольно ярко горевшей лампы под потолком мы вместо просторного помещения, где по очереди справляли нужду женщины и мужчины, увидели белую стену плотно спрессованного снега. Стену строго вертикальную и гладкую.

Эту гладь нарушал только хорошо видный с правой стороны дверного проёма рельефный отпечаток щеколды и дверной ручки.

Подошёл седовласый наш ветеран, посмотрел, поцокал языком и сказал:

— Этого быть не может. Разве что ветром за ночь вышибло раму.

Дальше философствовать у врат нужника было нельзя. Некоторым уже давно приспичило. Нашли носилки. Мужчины взялись за лопаты. Другие выносили снег на улицу. Сколько было нагружено носилок, не могли счесть. Торопились. Не только потому, что многих нужда припёрла. Всем хотелось узнать: откуда же, через какую дыру столько намело. Вопрос, как говорят, обострился после того, как увидели, что рама цела и невредима. Целы и все стёкла.

Подчистив последние снежинки с помощью метлы, стали рассматривать раму. И тут Тарновский воскликнул: эврика! В одном месте обнаружилось стекло, состоящее из двух половинок. А между половинками зияла та самая щёлочка. Снизу шириной миллиметров пять, а сверху всего два-три миллиметра. Оказывается, именно в эту щель пурга намела и спрессовала два с лишним кубометра снега.

— Всякого нагляделся я за свою долгую бродяжью жизнь, но такое чудо вижу впервые, — заметил наш седовласый ветеран.

Шпион

Его профессия в дипломе обозначена длинно и многозначно — инженер-геолог-разведчик. Судьба сделала акцент на последнем слове. А шпионом его считали только те, против кого работал. Наши же спецслужбы числили специалиста-геолога в когорте благородных рыцарей, стоящих на страже безопасности страны.

Возникает вопрос: как же мог профессиональный разведчик недр стать шпионом, разведчиком секретов иностранных государств? Тут сперва придётся рассказать длинную предысторию.

Не зря издавна считали, что в жизни каждого человека многое зависит от случая. Судьба моего героя — тому иллюстрация. Правда, иногда серия случайностей со временем выстраивается в строгую логическую цепочку, которая сродни закономерности.

Суло — имя, по которому сразу можно судить о национальности. Да, он из финнов. Из так называемых канадских финнов. Родители его верили в светлое коммунистическое будущее, а приехав в Петрозаводск ещё до войны, скоро оказались «...в темнице сырой». Но выжили. Потому и Суло выжил. Окончил геологоразведочный факультет Карело-Финского университета и первое время работал на геологической съёмке среднего масштаба где-то на севере Карелии, возле границы с Мурманской областью.

Как в крестьянском хозяйстве самой тяжёлой работой испокон веку считалась косьба, так на геологической съёмке наиболее трудными, иногда изнуряющими, всегда были многодневные маршруты. Все пожитки, включая двухместную палатку и еду, приходилось таскать на своих плечах. Да ещё образцы пород и отобранные по ходу маршрута пробы. К концу дня даже молодые здоровые ребята, что называется, валились с ног.

В тот раз они долго шли по, казалось, бесконечному болоту. Когда вдаль увидели лесистый пригорок, Суло сказал своим рабочим:

— Всё, мужики, доберёмся до сухого места, устроим долгий привал, а может, и ночлег. Лишь бы вода оказалась поблизости, чтобы хоть крепким чаем взбодриться.

Обстановка складывалась как нельзя лучше. У пригорка струился узкий ручеёк с чистой прозрачной водой, а на болоте, недалеко, стояла высокая сухостойная сосна, увенчанная гладкой вершиной.

— Вы тут, ребята, выберите получше место, наломайте елового лапника для постели и ставьте палатку. Будем ночевать.

А я пойду попробую свалить смолистую сухостоину на дрова для костра.

— Не беспокойся. Постель будет не хуже перины. Потом дров натаскаем. Ты только свали деревину, а мы её разделаем и костёр сварганим, — ответил один из рабочих.

Суло знал, какую опасность представляет сухостойное дерево. В правилах техники безопасности прямо сказано: прежде чем рубить такое дерево, надо любым способом убедиться, что вершина стоит прочно. И он, как и положено, сперва постучал обухом топора по стволу. Отошёл, посмотрел на вершину и собственными глазами увидел, что она стоит прочно. По крайней мере, так ему показалось. Тогда, плюнув на ладони, стал с маху рубить ствол дерева, оказавшийся на редкость прочным. Особенно для не очень острого топора.

Увлёкшись работой, он не столько услышал, сколько почувствовал то ли дуновение ветра, то ли какой-то шелест сверху. Задрал голову и с ужасом понял, что вся голая вершина падает на него. Мгновенно отпрыгнул в сторону. Быстрая реакция спасла от гибели, но не спасла от тяжёлой травмы. Потом в акте это назовут несчастным случаем, связанным с производством. А в тот миг Суло почувствовал острую боль в левой ноге и даже непроизвольно закричал. Рабочие подбежали сразу. И сразу обнаружили, что дело плохо. Из разорванного резинового сапога струилась кровь.

На тонком брезенте, которым собирались покрыть постель из еловых лап, притащили его волоком к предполагаемому месту ночлега. Сняли сапог и окровавленную белую портянку. На ногу страшно было смотреть. Весь низ голени и стопа превратились в сплошное кровавое месиво.

— Там в кармане рюкзака есть четвертинка со спиртом. Рану промойте и на рубаху, которой собрались бинтовать, плесните, чтобы обеззаразить. Да завяжите потуже, может, кровь удастся остановить, — сказал Суло, превозмогая боль.

— Видно, привал и ночлег отменяются? — спросил рабочий. — Сейчас ногу перевяжем и надо тебя куда-то тащить в людное место, чтобы врачам показать.

— Дай-ка полевую сумку. Там карта-зелёнка. Надо посмотреть. Вроде недалеко где-то есть лесовозная дорога. Добраться бы до ближайшей лесовозной трассы. Может, машина какая попадётся. Тогда появится шанс.

Дорога действительно оказалась в трёх километрах. Рабочие сделали из брезентового полотна что-то напоминающее носилки. Отдыхая через каждые 15–20 минут, они донесли своего начальника до хорошо заметной дороги и скоро увидели на грязи возле большой лужи чётко отпечатанные следы недавно прошедшей машины.

— Если машина шла на лесосеку, то обязательно должна за-светло вернуться в ближайший населённый пункт. Будем ждать. Вдруг повезёт... — размышлял вслух немного прибодрившийся Суло.

— Повезёт, когда вывезет, — скаламбурил рабочий.

От шофёра они узнали, что в посёлке лесозаготовителей нет даже медпункта. Договорились, что за хорошую плату он дове-зёт всех, не останавливаясь, до районной больницы.

Там вызвали хирурга, обработали раны и забинтовали ногу чуть ли не до колена. В том числе все места, где были глубокие ссадины. А потом врач сказал:

— Вас необходимо срочно доставить в Петрозаводск, в Рес-публиканскую больницу. Врачи разберутся, что делать дальше. Боюсь, что придётся отправлять вас в Москву. Тут надо думать, как спасти ногу.

На этом для Суло закончился не только полевой сезон, но и вообще карьера геолога-полевика. В Москве предстояло долгое лечение. Суло это назвал долгим вынужденным без-дельем.

Через пару недель его приехала навестить жена. И привезла только что присланную по подписке книгу на финском языке. В русской транскрипции называлась книга просто, хотя и длин-новато: «Геологический фундамент Финляндии».

— Теперь я спасён! Без работы не останусь. Пока тут по ко-сточкам собирают и лепят мою ногу, возьму да и переведу эту

книгу на русский язык. Думаю, потом её можно будет напечатать. Предложу издательству «Недра». Может быть, даже гонорар получу. Вот тогда заживём! — весело успокаивал он жену Риту.

— Ты сперва на ноги стань, а потом будешь строить наполеоновские планы, — с тревогой в голосе ответила жена.

— Как-нибудь оклемаюсь. Бог не выдаст, свинья не съест.

Так получилось, что перевод книги Суло закончил немного раньше, чем курс лечебной реабилитации. Рукопись передал издательству «Недра». Там прочитали и, пообещав напечатать, пригласили заключить договор.

В кабинете главного редактора состоялась долгая серьёзная беседа. Сначала только об издании будущей книги.

— В книге должна быть подробная аннотация на английском языке. Ума не приложу, кому поручить такую ответственную работу. Нужен человек, знающий одновременно русский, английский и финский языки да ещё и геолог по профессии. Желательно — опытный специалист по геологии и тектонике Балтийского щита. Где его взять? — спросил руководитель солидного издательства.

— Нигде не надо брать, не надо искать. Вот он перед вами, — с весёлой ухмылкой ответил Суло. Для меня, можно сказать, все три языка — родные. И в своей профессии, думаю, я вполне состоялся как специалист.

— Неужели правда? Тогда у нас разговор сегодня не закончится. Будет, как сериал.

Главный редактор издательства был не просто литератором. Как потом стало известно, он ещё негласно служил в «органах». Поэтому, не открывая себя, больше двух часов беседовал с автором рукописи совсем не на издательскую тему, интересовался мельчайшими подробностями биографии Суло и его предков. Спросил о принадлежности к партии и, когда узнал, что собеседник абсолютно беспартийный, вроде бы даже обрадовался. Задавал много вопросов о родителях. И ничуть не сму-

тился, узнав о былых репрессиях, постигших и этих представителей «нацменов».

— Будем считать, что мы продуктивно поговорили. Вам ещё предстоят беседы с другими людьми, в других кабинетах. Если они закончатся так же благополучно, то впереди у вас блестящее будущее, — закончил главный редактор, подал посетителю руку, попрощался, а потом уточнил: — Где, когда и с кем состоятся следующие ваши встречи, я не знаю. Но они обязательно состоятся, а пока лечитесь, набирайтесь сил. Вас найдут в реабилитационном центре и скажут, что и как делать дальше.

Ошарашенный таким неожиданным поворотом событий Суло медленно шёл к станции метро. Он почти забыл про свою тяжелейшую травму и даже, кажется, не хромал. Пытался угадать, какой поворот судьбы уготован ему на сей раз. И повторял мысленно последнюю фразу главного редактора: «О нашем разговоре никто не должен знать. Ни в коем случае не проговоритесь нечаянно жене, если будете звонить. Иначе всё пойдёт насмарку. Когда будет можно и нужно, жене всё сообщат».

Разговоров действительно было много. В разных кабинетах. Но в одном и том же «сером доме». Так или иначе они касались геологии, оценки минеральных ресурсов в недрах. И чувствовалось, вели их люди, понимающие в этом деле. Хотя они явно были профессионалами в другой области. Хорошими профессионалами и, к тому же, интересными собеседниками.

Продолжались разговоры больше недели. Они велись неторопливо и ненавязчиво. Местами ходили на беседы равноправных партнёров, на беседы-советы. Речь в них шла, конечно, не только о геологии. Суло посвящали в совсем неведомую сферу будущей его деятельности. Он внимательно и с интересом не только слушал, но впитывал всем своим организмом сценарий большого отрезка дальнейшей своей жизни. Он входил в роль. Погружался в продиктованную «органами» легенду, которая скоро должна была стать важной стороной его реальной жизни.

В конце содержательных бесед на «специальные» темы ему было очень заботливым тоном сказано:

— О семье не беспокойтесь. Жена ежемесячно будет получать вашу вполне достойную зарплату. Возможно, даже подарки от вашего имени. Дорогие подарки, — улыбнувшись, сообщил собеседник. — Если появится желание перебраться в Москву на постоянное жительство — это тоже со временем будет возможно. А пока мы объясним жене, что вы уезжаете в длительную заграничную командировку для выполнения важного государственного задания. Вам же по завершению реабилитации надлежит переехать на месяц в гостиницу. На время прохождения курсов «специальной подготовки». Если будет желание, можете вызвать к себе жену с детьми. Её проезд и содержание здесь будет обеспечено.

— А моя укороченная хромота не будет помехой в дальнейшей работе? — спросил Суло.

— Ни в коем случае. Скорее, наоборот. Кстати, вы получите вместо этого костыля красивую, удобную, многофункциональную трость, — загадочно и вполне серьёзно сказал в заключение наставник-собеседник.

Суло уже знал, что ему предстоит командировка в Канаду. Но он не предполагал, каким долгим и зигзагообразным будет туда путь.

По завершении курсов ему вручили документы на имя Мустонена Тойво Ивановича. Под таким именем теперь предстояло жить и работать. Но прежде чем отбыть к постоянному месту работы, вероятно, в целях конспирации, он выехал на историческую родину в Финляндию. Там надо было легализовать своё положение, определиться со статусом мелкого, но успешного торговца и только потом отправиться по делам фирмы в Канаду. Отправиться за океан вроде бы ненадолго, но, поняв выгоду для бизнеса, остаться в этой стране.

В Канаде местом жительства был избран город Садбери, недалеко от границы с Соединёнными Штатами Америки. Это крупный центр горнорудной промышленности. Он вырос

на базе одноимённого месторождения медно-никелевых руд. В дальнейшем оно станет для новоиспечённого гражданина Канады Тойво Мустонена объектом пристального внимания. Но, конечно, внимания, не заметного со стороны. А напоказ был приобретён добротный двухэтажный домик в зелёном пригороде. В нижнем этаже помещалась лавочка хозяйственных товаров и небольшая мастерская по ремонту мелкой бытовой техники, а наверху квартира хозяина и комнаты для прислуги. Во всё это необходимо было естественно и по возможности быстро вжиться недавнему простому советскому человеку. Хоть и не сразу, но у него получилось.

Вечерами в парке, где было много вполне русских берёзок, можно было видеть прогуливающегося элегантного мужчину в шляпе. Он заметно прихрамывал, опираясь при этом на свою резную трость чёрного дерева. Вокруг шумели аттракционы, бесшабашно веселилась молодёжь. А он уходил подальше от людных мест, от звонкой музыки и слушал разноголосое пение птиц.

Но не для прогулок был прислан почти на край света наш герой. Он должен был собрать как можно больше сведений о минерально-сырьевом потенциале Канады и США, о богатствах недр этих стран и, главное, о рациональном использовании подземных кладовых без серьёзного ущерба для природы. Поэтому «легенда» включала странички о его горно-геологическом образовании и даже о практической работе на этой ниве в Финляндии. Таким путём ему был обеспечен хороший приём в пивных, где после трудов праведных отдыхали горняки. Там он сразу прослыл приятным собеседником, щедрым человеком. Особенно после того случая, когда один из соседей по стойке бара объявил, что у него день ангела. Тогда Тойво Мустонен среагировал мгновенно, заказав на всех по кружке пива. И в дальнейшем, при случае, он баловал своих новых знакомых то кружкой пива, то стаканом виски. Правда, сам пил мало, очень осторожно. И говорил мало. Зато очень внимательно слушал. Задавал, казалось, невинные вопросы и ненасытно впитывал подробные ответы своих словоохотливых собесед-

ников, разгорячённых спиртным. Скоро в компании горняков он стал своим человеком.

Частенько заглядывал Тойво Мустонен в местную библиотеку. Читал свежие журналы горно-геологического профиля на английском и финском языках. Иногда брал недавно вышедшие научные монографии на ту же тему. Читал и удивлялся. У нас тогда почти все отчёты о поисках и разведке рудных полезных ископаемых, особенно руд цветных и редких металлов, не только не публиковались, но и в фондах хранились под грифом «секретно». А тут, пожалуйста, читай сколько угодно, выписывай в свою тетрадь хоть целые страницы. Он читал внимательно. Иногда делал выписки. В голову приходили простые мысли. Видимо, отголоски когда-то просмотренных «шпионских» фильмов. Мысли о том, что тут не надо проникать в запертые помещения, взламывать сейфы с секретными замками — можно многое почерпнуть, сидя в уютном кресле читального зала. Если это дополнить тем, что узнал от разговорчивых собеседников в баре, то сложится вполне стройная система. Правда, «сложить» всё в убедительную логическую цепочку надо уметь. Но с этим у Тойво Мустонена не возникало никаких проблем. Он был в достаточной степени наделён и умом и смекалкой. И, конечно, помогал в этой жизни пройденный на родине «спецкурс».

Работалось хорошо. Как говорится, хорошо на всех фронтах. Иногда накатывалась тревога за семью. Но Суло (то бишь, Тойво) знал о существовании московских покровителей на самом высоком уровне и внушал себе надежду, что с домочадцами будет всё в порядке.

По делам своей торговой фирмы Тойво Мустонену не раз приходилось пересекать границу с соседней страной. Там он по льготным ценам закупал товары для магазина и кое-что из оборудования для мастерской. Появились новые знакомые, с которыми иногда обедал в ресторане по соседству. Нравился этот ресторан ещё и тем, что там можно было купить газеты на «специальные» темы и многие научные журналы, освещающие проблемы геологии и недропользования.

В тот раз с обедом что-то не заладилось. Не было в зале знакомых ребят. Зато возле столика у входа толпилась группа чернокожих молодых людей, что-то громко обсуждавших. Они, как говорится, находились «на взводе». И явно хотели побузатёрить. Суло сделал замечание излишне шумной компании. В ответ его обругали на плохом английском языке, а один из подвыпивших парней несильно толкнул в плечо и задиристо заявил: «Я тебя запомню. Ты ещё попадёшься нам, хромоногая тварь!»

Назревал громкий скандал. Суло нельзя было в нем участвовать. Пришлось сделать вид, что ничего не произошло, и спокойно уйти. На этот раз пронесло.

У жены Риты приближался юбилей — 40 лет со дня рождения. Суло не мог воспользоваться тайными каналами связи, чтобы поздравить супругу. А явные каналы для него были закрыты. С женой они не виделись несколько лет, и за это время лишь однажды нашёл его пожилой человек, который после пароля сообщил по-русски, что семья получила в Петрозаводске большую благоустроенную квартиру на третьем этаже нового кирпичного дома. С тех пор — никаких вестей. Но его заранее предупредили, что придётся терпеть. Однако обещали уведомить о любом серьёзном событии дома. Суло не понимал — относится ли к их числу юбилей жены. И сам не мог оказать ей по этому поводу никаких знаков внимания.

Тем временем в Карельской экспедиции из кабинета в кабинет носили только что полученную Ритой посылку. Её привезли прямо на работу. Посылка из Москвы. Когда распечатали, все сослуживцы ахнули. Из большого целлофанового пакета они вынули роскошную шубу. Мутоновую, коричневого цвета с широким норковым воротником шалью. С первого же взгляда поразило высокое качество меха, его ласкающий взор шелковистый блеск и приятное, нежное ощущение при каждом прикосновении к телу. Сшита была шуба, словно на заказ. Размер, рост, фасон — всё как нельзя лучше подхо-

дило Рите. Она, как знаменитая фотомодель, крутилась-вертелась в вестибюле, а женская половина сотрудников любовалась заграничной обновой и не могла налюбоваться. Рите не завидовали. За неё радовались от души. А ещё шепотком судачили: вот, мол, что значит загранкомандировка. И мысленно прикидывали: у нас на такую шубу и за год не заработаешь.

Суло сидел в своём кабинете наверху. Он разбирал кипы газет и журналов, привезённых из Штатов. Сразу увидел, что там много интересного по его теме. Думал через пару дней подготовить очередную депешу в Центр, а потом снова намечалась поездка в США за товаром. Торговля шла бойко и требовалось, поняв содержание спроса, вовремя пополнять товарные запасы. Надо было ещё купить там газеты и журналы за последнюю неделю. Была надежда, что пресса соседней державы преподнесёт ему какой-нибудь сюрприз.

Сюрприз вышел такой, что не дай Бог никому. Но пресса к этому не имела отношения.

Он любил поездки в Соединённые Штаты. Дороги такие, что, казалось, и рулить не надо. Влился в общий поток автомобилей и через пару часов в другом государстве. Не требовалось никаких виз, никакой проверки на погранпосту. И самой границы вроде бы не существовало. Советское понятие «граница на замке» тут вызвало бы полное непонимание, а то и саркастическую усмешку.

Подъехав к знакомому ресторанчику, Суло первым делом решил пообедать. Ему нравилось немногочисленному заведению, а главное, кухня. Не совсем русская, но во многом похожая. По крайней мере, здесь всегда можно было отведать вполне нашенского наваристого супа.

Заняв ставшее привычным место в уголке у окна, Суло сделал заказ. Не успел он пригубить из большой кружки ароматного пенистого пива, как у входа послышался шум. Уже через минуту в ресторан ввалилась та же развесёлая компания.

В мозгу мгновенно мелькнуло: как будто караулили.

Его заметили не сразу. А когда это случилось, к столику пошёл уже знакомый молодой, играющий бицепсами атлет. Без всяких предисловий он заявил:

— Я предупреждал, что встретимся. Не советовал тут появляться. А ты опять прихромал. Теперь пеняй на себя.

В это время стол окружили приятели молодого человека. Все были навеселе. И все откровенно провоцировали скандал. Суло позвал официанта, рассчитался за так и не поданный обед и направился к выходу. Его кто-то грубо толкнул. Потом был удар кулаком вбок, почти в спину. Ударили не очень сильно, однако так, чтобы осталось неясным, кто это сделал. Между столиками возник затор.

— Дайте пройти, иначе я позову полицию!

Тут сильная чёрная рука сдавила ему грудь у подбородка. А кто-то другой, дыша перегаром, прохрипел в ухо:

— Убирайся! Или твой труп найдут в соседней помойке!

Последовал ещё один удар в другой бок.

Суло не выдержал и выругался. По-русски. Даже сам в запале не заметил, что натворил. Он хотел уже прибегнуть к помощи своей «универсальной» трости. Но в это время среди скандальных молодых людей внезапно появился крупный мужчина средних лет. Показал скандалистам какое-то удостоверение. Те сразу притихли и быстро покинули ресторан. А Суло услышал сказанное шёпотом:

— Пошли скорей отсюда.

Эти слова прозвучали на чистейшем русском языке и привели незадачливого бизнесмена Тойво Мустонена в оцепенение.

Потом он узнал, что где бы ни находился, что бы ни делал, всегда был рядом человек, который подстраховывал.

На этом его карьера разведчика-шпиона закончилась. Таковы превратности судьбы. Она — то злодейка, то добрая фея — сперва хорошего геолога, разведчика недр, превращает в разведчика-шпиона, а затем возвращает всё на круги своя.

Суло благополучно вернулся на родину. Дальше в его жизни многое пошло наперекосы. Но, как говорится, это уже другая история.

Неутомимый

«Было время, и цены снижали...» В это же время на предприятиях и в организациях трудящимся выделяли квартиры. По очереди, которая тянулась иногда многие годы. И выдавали не просто так. У кого очередь приближалась, тех «в порядке мобилизации» отправляли на стройки города, где всегда не хватало рабочих рук. На одной из таких строек, кстати, рядом со зданием геологической экспедиции, мне удалось хорошо познакомиться с молчаливым коллегой — Юрой Уткиным.

«В тот год осенняя погода стояла долго на дворе». Земля промёрзла почти на аршин, а снега не было. На нашу с Юрой долю выпало рыть канавки для прокладки кабелей. Узкие такие канавки. Примерно с лопату шириной и на два штыка глубиной. В летнюю пору, по талому грунту, такая работа пошла бы играючи. А нам приходилось долбить ломиком мёрзлую землю — твёрдую, как камень. Юра вгрызался в обледенелый суглинок ломиком, а я подбирал мелкое крошево совковой лопатой.

Примерно через полчаса непрерывной работы надо было поменяться. Я протянул своему напарнику лопату и попросил передать лом. А он как будто ничего не видел, никого не слышал. Вспомнились некрасовские строчки: «И механически ржавой лопатою мёрзлую землю долбит». Только вместо лопаты он долбил ломиком. Потом вдруг остановился. Как мне показалось, для того, чтобы что-то сообщить.

— Ты не тревожься. Я не устал. Я человек привычный.

— И где ты прошёл такую школу? — поинтересовался я.

— В нескольких местах. У меня было 5 лет почти сплошных тренировок. С небольшими перерывами в пути и на пересылках. Зато теперь в любой каменоломне могу работать, — с некоторым вызовом заявил Юра.

— Как же тебя угораздило попасть в места отдалённые, — кое о чём догадавшись, просил уточнить я.

— О, это долгая история. Если мы с тобой тут на недельку задержимся, то я постепенно расскажу. Такая работа на свежем

воздухе для меня не в тягость. А ты, думаю, если денёк ломом помахашь, так на завтра ложку не будет сил поднести ко рту. Поначалу и у меня такое бывало. Потом втянулся. Так что пусть будет у нас с тобой своеобразный конвейер. Я отбиваю породу, а ты лопатой выдаёшь её на горá. Через час-полтора будем делать перерывы. И я потихоньку расскажу тебе некоторые эпизоды своей криминальной биографии.

Юра оказался не только неутомимым работником, но и умелым, интересным рассказчиком. Я передаю его рассказ в сокращённом изложении.

После завершения учёбы на третьем курсе геологического факультета Ленинградского государственного университета имени Жданова студенты были направлены в военные лагеря. Ребята надеялись, что им, как будущим артиллеристам, большую часть времени придётся проводить на практических стрельбах, выполняя разные роли — от заряжающего и наводчика до командира огневого взвода или взвода управления. Увы! Началось всё с шагистики. Да с какой! Старшина роты Адамчук знал своё дело. И с первого занятия дал понять, что хоть «гимназиев не кончал», но этой необтёсанной и необстрелянной ребятне спуску не даст. Чтоб не зазнавались и не вздумали на его, бывалого вояку, смотреть свысока. Не первыми они оказались в его «ежовых рукавицах». А выходили все, как шёлковые. Никто не осмеливался перечить. Старшина всегда и во всем был хозяином положения. К этому он привык. И не думал, что может произойти осечка. Был уверен в себе. И, как выяснилось, зря. Излишняя уверенность, а точнее самоуверенность, скоро ему отрыгнулась.

Занятия «шагистикой» проводились на площадке перед Ленинской комнатой. Там, на песчаном пригорке, даже после дождя было сухо и сравнительно чисто. Поэтому самая неприятная команда — «по-пластунски!» — выполнялась безропотно и не вызывала большого неудовольствия у студентов-новобранцев. Но их везде гоняли строем. И в столовую тоже строем. Да ещё старшина зычным голосом своим после «шагом марш!»

командовал — «запевай!». Первое время дружным хором пели строевые песни. Потом стали хулиганить. Запевали что-нибудь полупохабное или студенческую — «Где подполковник не пройдёт...». Тут же раздавалась команда — «отставить!».

Скоро вольной студенческой братии всё это надоело. Артиллерийские стрельбы были всего один раз, а команды «запевай!» и «по-пластунски!» слышались каждодневно. Против старшины стало накапливаться недовольство. Оно резко усилилось, когда долго гоняли по плацу в дождь.

Как на грех, к вечеру в тот день, несмотря на дождь и грязь под ногами, опять была команда «запевай!». В ответ — молчание. После повторения команды рота интуитивно начала печатать шаг в полном безмолвии. Это стало напоминать траурный марш. Тогда раздалось грозное «ложись!» а затем — «по-пластунски!». И это по пути в столовую. Перед большой лужей на дороге.

Команду выполнили. В столовой озябшие и вымокшие солдаты-студенты второпях проглотили поданную на ужин треску с гречневой кашей и разошлись по палаткам. Назавтра во время утреннего осмотра старшина резко отчитал всех за неопрятный вид. Эти действия старшины переполнили чашу терпения.

После отбоя в одной из палаток долго полушёпотом шёл разговор. Юра Уткин подговаривал соседей по нарам. Нашлись четверо таких же, как он, крепких удальцов, твёрдо решивших проучить садиста-старшину. Приговор был суров: при первом же удобном случае надеть старшине мешок на голову, повалить на землю и дальше бить долго, но не до смерти.

Случай представился через пару дней, в ближайшее воскресенье. В клубе показывали кинофильм «Подвиг разведчика». Старшина должен был вести всех в клуб. Вот «заговорщики» и условились его подкараулить на обратном пути. Определили заранее место рядом с высокими кустами ивняка. Убедились, что в это время наступят густые сумерки и под их покровом они сумеют бесшумно, а может, и незаметно свершить «акт возмездия».

В кино они не пошли. Остались под разными предложениями в палатке. А к тому моменту, когда фильм закончился, заняли свои позиции в засаде. Потом кто-то из этих ребят успел обмолвиться, что всё прошло, как по нотам. Но утром иллюзии рассеялись. За полчаса до общего подъёма два солдата с автоматами грубо вышвырнули всех «заговорщиков» из палатки и увели на гауптвахту. Вычислить их не составило труда. Старшина поимённо знал всех, кто не пошёл в кино.

Дальше было следствие и затем суд военного трибунала. Юра взял всю вину на себя. Он знал, что так будет меньше наказание. Меньше, по сравнению с «групповухой».

— Пять лет принудительных работ на лесоповале тянулись долго и трудно. Но, как говорят тюремщики, я ни разу не пожалел о содеянном. Ведь короткая солдатчина частенько и там являлась во сне. Бывало, очнусь под утро, думаю: сейчас старшина заорёт «подъём!». А потом увижу решётки на окнах барака и сразу успокоюсь, — поведал мне Юра.

— Да. Теперь понятно, откуда сила и закалка. Но, чую, хватил ты лиха. А как же потом в университет удалось вернуться?

— Ребята-«подельники» постарались. До ректора дошли. Тогда же всё объяснили. Меня восстановили сразу на четвёртый курс. Правда, вместо пяти лет учёба у меня заняла все десять. Дополнительный курс «физподготовки», как видишь, пошёл на пользу. Верно говорят: нет худа без добра.

О работе

Удачно пролегающая дорога и название местности позаковырестее... Не знаю, где как, а в Карелии эти два фактора являются неизменными условиями нахождения рудных месторождений.

Возьмём для примера центральную часть самой загадочной геологической структуры — Онежского прогиба. Она представлена Заонежским полуостровом. Село Великая Дыр., простите, Губа, где с 1979 года базировалась наша ГРП-32, соединялось с внешним миром — Медвежьегорском — двумя дорогами. Одна дорога была похуже, но покороче. Вторая — объездная, зато в лучшем состоянии. Так вот, под прямой дорогой, у деревни с экзотичным лохмато-космическим названием Космозеро, нашли первое настоящее месторождение. А второе, самое большое, — возле объездной. И это закономерно, поскольку и дорога была получше и название позабористее. Средняя Падма... Нарочно не придумаешь!

Конечно, это не исчерпывающий перечень составляющих успеха. Что ещё необходимо? Люди? Концепции? Методики? Разумеется, и то и другое и третье. Только вот в этой области все уже как-то менее однозначно. Какого качества и в каком сочетании должны быть ингредиенты?

Эпизод 1. Люди и концепции

Готовимся к полевому сезону. Для меня это — первый. До нас коллеги поработали в режиме ревизии аномалий. А нам предстоит уже специализированное картирование.

НЕ НАШ главный геолог передаёт материалы НАШЕМУ главному. Склонились над геологической картой перспективного участка.

НАШ: Почему же здесь изображены сланцы? Мы недавно были там вместе и видели коренные выходы диабазов.

НЕ НАШ: Диабазы не вписываются в нашу концепцию...

Наш главный молча и как-то виновато смотрит на меня. Хорошо, что к этому моменту именно он был мне уже как-то ближе. Как потом выяснилось, нет ничего упоительнее концептуальной геологии. Ведь можно было и подсесть.

Эпизод 2. Люди и методика

Третий сезон. Уже исползан через 250 метров Заонежский полуостров в безнадежных поисках аномалий. Поначалу мы верили, что они ждут нас: а) здоровые, б) обнаженные и в) активные. Но постепенно накатывало безразличие, граничащее с отупением. Спасала геология, но о ней сознательно ничего не буду говорить. Все-таки поиски были геолого-радиометрическими, а в соответствии с правилами образования терминов главное слово ставится в конце.

Некоторое оживление наблюдалось, правда, в районе Толвуи, где поля знаменитых шунгитовых сланцев омываются радоновыми ручейками, вследствие чего болотные руды обладают свойством, пробуждавшим в наших радиометристах угасший было интерес к профессии.

Много позднее, после открытия Средней Падмы, я с интересом наблюдал, как жители Толвуи и окрестностей, потомки тех, кто веками проживал в этой природной аномалии, охотно верили байкам «зелёных» о белой клюкве и двухголовых телятах как символах месторождения. Чьи бы двухголовые мычали...

Третий сезон продолжал быть скучным, хотя и красивым. Наш лагерь располагался в сосновом бору на берегу песчаной бухты Онежского озера. Гости удивлялись: вам ещё и зарплату платят?

Возвращаемся из маршрута. Возле палаток накрыты столы. Возле столов в белой рубашке наш начальник отряда Андроненков Владимир Филиппович, или, по-нашему, — Андрон.

Поглаживая легендарную дедоморозовскую бороду, рассказывает нам, как спустя 20 лет его нашла награда — знак первооткрывателя месторождения.

Однажды на Алдане шесть человек с радиометрами возвращались из маршрута не как удобнее — гуськом по тропе, а как того требовала инструкция — цепью по лесу. И на подходе к лагерю радиометры дружно затрещали, зафиксировав рудное тело будущего месторождения.

Казалось бы, что такого рассказал Андрон? Нас этому не учили? Или мы инструкций не знаем? Вышел из лагеря — включи прибор, надень наушники. К точке не прилипай: поискал справа, порыскал слева. Встал на точку — сразу записывай. И не то, что знаешь, а то, что видишь. Нам известна даже заповедь старых рудознатцев: «Еже кто забыл, али заленился записать, али на стене зарубить, тот есть не мастер, а прокуда». И т. д., и т. п. ... Знаем. Вот только зачем, если все равно одна пустота?

Хотя, после рассказа Андрона аномалии вдруг почему-то начали как-то потихонечку обнаруживаться. Начало было положено прямо в лагере — на пляже. Валун, на котором радиометристка Лиза хранила мыло и зубную щётку, продемонстрировал вдруг нехарактерные для окружающей среды 740 мкр/ч и экзотический состав с признаками местного происхождения. Причём, сама же Лиза его и нашла.

Под конец сезона мы так разошлись, что выявили небольшие аномалии даже на старинном медном руднике Воронов Бор, который учёный мир всегда относил к безобидным медистым песчаникам.

Эпизод 3. Люди, концепции и методики

Пятый сезон снова провели в Заонежье. Теперь уже детальными работами мы в поте лица доказывали тщетность попыток найти с поверхности месторождения, надёжно укрытые морской болотами и озёрами.

Первую половину сезона доказывали это на примере флангов уже найденного Космозерского месторождения. Затем

перебрались в параллельную рудоперспективную зону, где разделились на две группы. Менее везучие исхаживали болота и кустарники в долине славной речки Падмы в местечке с историческим названием Медные Ямы. Как рудознатцы времён царя Алексея Михайловича умудрялись там что-то находить и добывать — уму непостижимо! Отправленных в это историческое место коллег мы называли «Бедные в Яме». Добраться до лагеря было проблематично даже на ГАЗ-66. Вода цвета кваса — в бочке из-под кваса. Зато именно там были изобретены уникальные «ватрушки-Бородушки»: по будням дырки в сушках замазывали повидлом, а по выходным — ещё и сливочным маслом. Рекомендую!

Мне и Алле — технику-геологу из славного Киева — повезло куда больше. Вверенный участок находился в устье этой самой Падмы, на южном берегу Падмозера, где в камышах уже готовились к отлёту стаи диких уток.

Сентябрь. Вместо убывших к местам учёбы радиометристов нам прислали двух студентов из университета. Не геологи, не геофизики, по-моему — географы. О том, что из этого получилось, стоит рассказать подробнее.

Итак, Евгений и Ольга, студенты.

Поскольку к тому времени я уже был два года как женат, топ-модель Ольга досталась Алле. А мне — по остаточному принципу — Евгений. Он был из тех молодых ленинградцев, кто к 20 годам успел обогатить свою память знаниями многих богатств, выработанных человечеством. И эти глубокие познания философии, истории и литературы помогали ему в любой ситуации оправдать своё нежелание что-либо делать. Начиная от утренних контрольных проверок радиометра и заканчивая вечерней заготовкой дров для печки. Впрочем, постоянные лёгкие пинки с моей стороны и вялое сопротивление с его не очень тормозили наш производственный процесс. Участок был простой. За пять лет до нас детальное радиометрическое поиски в его пределах выполняли наши коллеги из аэропартии. У Аллы с Ольгой отношения вроде бы были нормальными, и работа спорилась.

За неделю мы участок забегали, и наступил последний день, когда, согласно методике поисков, следовало сделать «контрольный маршрут». От меня требовалось проверить работу других геологов. В данном случае «другими геологами» была Алла.

Надо сказать, что участок был очень удобен в плане доступности. Лагерь располагался на юго-западной оконечности озера прямо посередине магистрали, на которой начинались и заканчивались все маршруты по прорубленным профилям. Сапогами геофизиков и нашими она превратилась в утоптанную тропу. Мои маршруты пролегали к северу от лагеря. Там кое-где встречались высыпки местных сланцев, и я всерьёз надеялся найти обнажения. А вот южнее лагеря магистраль шла прямо по гребню оза — залесенной песчаной гряды водноледникового происхождения. Красота! Поскольку эта красота, исходя из моих теоретических соображений, представляла собой осевший на морене аллювий протекавшей по телу ледника реки и не предполагала ни обнажений, ни аномалий, южную часть участка я охотно уступил Алле.

Вот по этому самому озу мы с Евгением и начали заход на контрольный маршрут.

Я дошёл до нужного пикета, подпираемого обломком сланца. Вроде бы — местного. Тут же — валун гранита. Этот точно издалека. Чего только нет в «морене вытаивания»!

Подождал студента. Здорово разозлился: мало того, что парень не торопится, он ещё и гильзу радиометра несёт на плече как лопату.

Я умом все понимаю: мы на озе, на топтаной-перетоптаной тропе, до нас на этом участке уже с радиометрами ходили. Тут в принципе ловить нечего.

И все же... Во-первых, мужик откровенно игнорирует инструкцию. Во-вторых, это же контрольный маршрут! Ну и, в третьих, неплохо было бы и проучить лодыря.

Дальше было примерно так:

— И давно ты с гильзой на плече?

— От лагеря (около 500 м).

— Тогда шуруй обратно и меряй с самого начала, как учили! Нехотя поворачивается, но не спешит.

— А можно дойду только до соседнего профиля (100 метров)? Все равно туда вернёмся на магистраль. А дальше по пути в лагерь все прослушаю самым тщательным образом. Мышь не проскочит!

В логике не откажешь! Наказания не получилось, но хоть инструкция будет соблюдена.

Хотя, по большому счёту, что тут можно найти, кроме пары гранитных валунов с активностью как на набережной Невы.

Однако Евгений тут же застрял возле обломка сланца под пикетом. Слегка «фонит». Слабовато, но пишем, берём пробу, идём дальше.

Студент старается, но больше ничем удивить не сумел. Вернулись на магистраль. Последняя запись в пикетажке — и возвращаюсь в лагерь. Конец маршрутам! Хоть и пустота, зато конец сезона. В Заонежье, к сожалению, к пустоте нам не привыкать.

— Аномалия! Аномалия!

Этот крик я услышал уже в лагере. Уже скинул рюкзак. Разозлился страшно. Что за примитивные радиометрические шуточки? Взял молоток и рванул обратно на магистраль. Хоть поорать и молотком помахать — уже какая-то разрядка.

Вижу, как Евгений старательно возит гильзой вокруг одного места, и слышу, как он щёлкает переключателем диапазонов шкалы измерений. Вот же... Грамотно издевается, делает вид, что прибор зашкаливает.

— Конец третьей шкалы!

Ещё не верю, но уже надеюсь, что парень не шутит. Сейчас такая шутка может стоить моему радиометристу здоровья. Евгений, не-е-е-ет!

О-па! Действительно, третья шкала! И ведь не сон... Или сон?

Посреди магистральной тропы лежит чёрный с медной зеленью валун размером 30–40 см. И вот что любопытно: его невозможно пропустить! Хоть на север иди, хоть на юг... Хоть справа держи гильзу, хоть слева.... В наушниках уже даже не треск, а сплошной шум. Просто музыка!

Пошарили вокруг — больше ничего. Все как обычно! Притащили это чудо в лагерь.

Вернулся из маршрута Павел — наш геофизик. Он приехал для контроля со спектрометром. На лице, как всегда, хитрая улыбка. Даже хитрее, чем обычно. Нашёл аномалию нужной нам природы на том самом пикете, подпираемом сланцем. Какой-нибудь час назад я бы его расцеловал за это сообщение. Но теперь у меня есть возможность с ещё более хитрой физиономией подвести его к нашему чудо-валуну. С помощью спектрометра пришло осознание того, что это — кусок руды. Возможно, той самой, которую мы искали столько лет.

Но почему его не нашла Алла? Ведь это как раз на её переходе между профилями?

Оказалось всё очень просто. Ольга, измученная треском наушников, просто выключала прибор на переходах. Алла ничего не смогла с этим поделаться, но упорно молчала. Что тут скажешь?

После этого наши географы вместе с несколькими более опытными товарищами пару дней плотно поработали и нашли ещё несколько рудных обломков. И опять на склонах того же оза.

Вот и разберись здесь, что из чего вырастает. Все было против руды: десятки метров морены, озы, на которых по моим представлениям не могло быть ничего интересного, два ленивых радиометриста, спешка к окончанию сезона да и безрезультатная работа коллег на этом участке несколькими годами ранее.

Такое вот получилось сочетание людей, методов и концепций. В итоге, не благодаря, а вопреки обстоятельствам, появился рудный ореол в новой зоне. По сути — максимум из того, что можно было найти в Заонежье с помощью молотка и радиометра.

Нашим «Бедным в Яме» повезло меньше. Одна болотная аномалия и один невнятный кусочек доломита. Но... по краю участка проходила дорога. Та самая, объездная «Великая Губа – Медвежьегорск». И на следующий год, первая же скважина, пробурённая на участке Медные Ямы, дала начало знамени-

тому месторождению Средняя Падма. Затем рядышком появилась Верхняя Падма. Одно месторождение красивее другого. Выяснилось также, что допетровские рудознатцы добывали руду из внешней сульфидной зоны этих залежей. А вот наши рудные валуны оказались, по всей видимости, из ещё одной Падмы. Из Нижней, которая лежит себе под озером Падмозеро, где в береговых камышах каждый сентябрь собираются утки перед полётом на юг.

Эпизод 4. Дежа-вю

Понятно, что после такой встряски нам ничего уже не стоило найти руду и в коренном залегании. Для этого в следующем сезоне достаточно было попасть в заповедную долину реки Кумсы, остановиться перед невесть откуда возникшей среди песка диабазовой горкой, похожей на подводную лодку без рубки, и остановить поток красноречия от славной девушки Светланы, следовавшей за мной с радиометром. Причём сделать это надо было нарочито грубо: мол, поговоришь потом. Пока я колочу молотком по диабазу (опять эти диабазы!), твой священный долг — соблюсти методику: пробежаться по 50 м вправо и влево.

И всё! Оставалось только подождать, когда разобиженная девушка отойдёт на двадцать метров в сторону от профиля и начнёт щёлкать переключателем диапазонов радиометра.

Ей я поверил сразу. Ведь всё опять не так. До нас возле этой горки уже был детальный участок радиометрической съёмки предшественников. Ещё раньше горку перекопали канавами, опробуя лежащие под диабазами доломиты. И вообще, это всего лишь сосновый бор на песке, где хорошо искать белые грибы, но никак не месторождения.

Опять эти неопределённости с людьми, концепциями, методиками.

А рудопроявление получилось. Красивое (процентные руды в замке антиклинали), но небольшое. Надо полагать, на его масштабах отрицательно сказались отсутствие дороги и благо-

звучное название объекта. Разумеется, Светлое. Как было можно иначе?

Эх, знать бы тогда... Назвал бы его Девсвенаоза! Девушка Света Нашедшая Аномалию Обнажённую Здоровую Активную...

Неплохой, кстати, из Светлого получился экспонат великолепного геологического музея-учебника под открытым небом под названием «Кумсинская структура». Вот куда надо ездить студентам на практику, а не в Крым! Хотя, Крым, конечно... Но это я о чем-то не о том. О геологии как-нибудь в другой раз.

А как вам словечко Гавшламная? Это недалеко от Педролампи (тоже неплохо звучит!). По-моему, с таким названием месторождение должно состояться и без дороги. Над этим надо поработать.

Историческая
ГЕОЛОГИЯ

(байки карельских геологов)

Борьба с пьянством

Жванецкий как-то сказал: «Борьбу с пьянством прекратить, ибо это не борьба и не результат».

Когда ещё 32 партия только собиралась стать экспедицией и не построила себе базу в Чёбино, жили мы все в Великой Губе в целом городке из вагончиков.

Народ на межвахтовые выходные особо не ездил, приключений меньше, а предпочитал расслабляться прямо на месте, т. е. в этих самых вагончиках. Времена были простые, аванс и получка — строго десятого и двадцать пятого числа, причём совпадали с пересменкой. Вот и получалось, что в аванс и получку на базе — почти поголовная пьянка. Причём каждый раз дня на три.

И решил наш начальник партии — Олег Зиновьевич Аронов — эту традицию прервать. Не знаю уж, сам придумал или кто посоветовал, но решил он аванс не выдавать, а выдавать только получку. Арифметика простая: в два раза реже выдаём деньги, значит, в два раза реже повод для пьянки. Итого — три дополнительных трезвых рабочих дня в месяц.

25-го числа на базе было грустно. Народ ходил трезвый, работал и незлым тихим словом поминал начальство.

И вот наступил день получки.

Арифметика не сработала, в расчёты вкралась роковая ошибка. Истосковавшись по зелёному змию, трудящиеся ударились в загул на неделю, вместо обычных трёх дней. Средь бела дня на глазах у всего руководства через всю базу брели люди с рюкзаками и авоськами, набитыми водкой. Из вагончиков доносились песни и шум разборок. Вся (или почти вся) работа на базе встала. Среди пьющих попадались люди, раньше в этом деле

особо не замечавшиеся. Словом, почти катастрофа. И тут начальство снова посетила светлая мысль.

Дело в том, что все ИТР числились в добровольной народной дружине и даже иногда получали за это дополнительный день к отпуску. И тогда начальство решило бороться с пьянством руками дружинников. Срочно было собрано заседание, и перед дружиной была поставлена задача — изъять самых отъявленных пьяниц из обращения и сдать их местному участковому для вытрезвления и наказания. Главный аргумент — день к отпуску получаете, вот и отработывайте.

Жаль, тогда не было видеокамер и мобильных телефонов. Это были бы бесценные кадры.

Спротивления никто не оказывал, просто народ уже с койки подняться не мог. Человека брали за руки, за ноги и загружали в вахтовку. Кругом стояла толпа более трезвых собратьев и, наслаждаясь редким зрелищем, выдавала кучу ценных советов, типа «ногами вперёд не несите» или «конец заноси». Была одна попытка к бегству, догонять никто не стал, человек сам в сугробе застрял, там его и оставили. Когда закончили погрузку и пересчитали по головам, оказалось, что в машине на одного больше, чем грузили. Доброжелатели с улицы объяснили, что ему на смену ехать, вот он в вахтовку и залез. От тех, кого грузили, энтузиаст мало чем отличался, но его всё-таки высадили по уважительной причине — на работу надо.

Передохнув, поехали к участковому. Бедный Петрович, увидев набитую вахтовку, только руками развёл. Никакого вытрезвляющего помещения у него не было, а стоял стол в одном кабинете с председателем сельсовета. Можно было, конечно, там всех в штабель и сложить, но председатель возражал, мол, народ ходит, места итак мало. Петрович, подумав, дал совет: «Вывезите их за деревню и пусть пешком идут назад. Пока дойдут, протрезвеют». Но мы, приняв во внимание 25-градусный мороз, его совету не последовали.

Триумфальным наше возвращение назвать было бы неправильно, но выгрузка и раскладка по койкам прошла без инцидентов...

В общем, прав Жванецкий, это не борьба и это не результат. А аванс со следующего месяца снова выдавать стали.

Случай с кассиром

Для меня, наверное, так и останется загадкой, по какому принципу выбирались и присваивались позывные для полевых радиостанций экспедиций, партий и пр. в былые времена.

Но, видимо, чем-то здорово насолила экспедиция 32 важным дяденькам, занимавшимся этим делом. Иначе за что ей в 1979–1980 гг. был присвоен позывной «Досада»?!

Буровые получили более благозвучные позывные— «Кассир», «Кассир-1», «Кассир-2» и т. д. по номерам бригад.

Великая Губа. Лето 80-го года. Время после обеда. Керн разложен на травке, работа как на пляже — и пишешь, и загорашь. Из открытой двери командирского вагончика доносится монотонный голос радиста, безуспешно пытающегося докричаться до буровых: «Кассиры, Кассиры, для вас Досада... Кассиры, Кассиры, для вас Досада...».

Народ занят делом, но при этом все прислушиваются к звукам проезжающих машин. Бензовоз увёз кассира в Медгору, ждём аванс.

Мимо меня и командирского вагончика бежит в бухгалтерию Лена Ряскова, тогда ещё маленькая девочка. Останавливается, прислушивается к радисту и бежит дальше. Через минуту из открытых окон бухгалтерии, где, конечно, тоже очень ждут кассира и обсуждают эту тему, доносится её голос: «Мама, мама, а денег не будет!». Наступает тишина, потом кто-то спрашивает: «А ты откуда знаешь?». «А я шла мимо рации, там дяденька кричал: «Кассиры, кассиры, на вас засада!». После паузы — общий хохот. А тут и бензовоз появляется, поднимая тучи пыли. Жив кассир, не попал в засаду.

Вообще с этими позывными было много интересного.

Как говорил капитан Врунгель: «Как вы яхту назовёте, так она и поплывёт». Это не про экспедицию 32, с ней было всё

в порядке. Это про радистов с позывным «Досада» и их рация. Особенно точно этот позывной подошёл бы одному из них, не буду называть его имени. Да его только Досадой и называли. Небезызвестный Володя Есипёнок про него сказал: «Если до лета доживёт — сто лет жить будет!». Судите сами.

На второй день после своего появления он среди ночи явился ко мне в вагончик с распоротой чем-то ладонью. Пока я забинтовывал руку, он мне рассказал героическую историю про то, как трое, а в конце истории — уже пятеро неизвестных пытались отобрать у него велосипед, один был с ножом, но велосипед он не отдал. Двоих покалечил, причём одного сбросил с моста, остальные убежали, но вот руку порезали. Наутро выяснилось, что он порезался о разбитый стакан.

В январскую морозную ночь вышедший на улицу по определённым причинам «полюбоваться звёздами» Юра Шведов увидел что-то непонятное, висящее на заборе и слегка припорошённое снегом. При ближайшем рассмотрении это оказался всё тот же радист, в штанах и рубашке (в минус 30!). Оттаявший у печки, он рассказал, что вышел на минутку из комнаты (это вход с другой стороны этого же дома) и заблудился.

Рация у него в основном не работала, а к весне и совсем отказала. Тогда Валентиныч (Леонид Валентинович Шевченко — начальник бурового участка), которому каждый день с утра требовалась сводка по бурению, решил, что раз связь наладить радист не может, пускай с утра по буровым бегаёт, благо они недалеко, в радиусе 2 км стояли. И вот радист с шести утра, а то и раньше, по утреннему морозцу обегал (если повезёт — объезжал) буровые и к восьми утра доставлял информацию. Бурили на Рудной Горке, на болоте. Апрель, воды море. Стоит буровая, трап, сани, всё как положено. Приезжает радист, времени в обрез, бежит от вахтовки напрямую по залитому болоту к буровой и вдруг перед самым трапом исчезает...

Когда его достали из залитого водой вровень с болотом зумпфа, Есипёнок и сказал вышеупомянутую фразу.

До лета радист дожил, даст Бог, и предсказание сбудется...

Начало большого пути

Начало моей геологической жизни полностью совпало с моими романтическими представлениями о ней и даже превзошло все ожидания, так как первый мой полноценный полевой сезон был насыщен событиями и впечатлениями и запомнился на всю жизнь. Все описать в рамках одного рассказа невозможно, в предыдущих сборниках я уже делился воспоминаниями о моём первом «поле» (рассказы «Грустная история про медвежонка по имени Мишка», «Маша и медведь», «Дикуша (Ворошиловский стрелок)»). Хочу добавить ещё парочку зарисовок, их я называю «вспышками памяти».

Итак, лето 1974 года, Нижнеамурская экспедиция, Леволульская партия, поисковый отряд, моя преддипломная практика. Отряд базировался у в междуречье рек Левый и Правый Ул, вблизи сурового Охотского моря. Отряд (как и экспедиция в целом) занимался поисками золота. Я в отряде занимался шлиховой съёмкой. Происходило это следующим образом. Выделили мне двух рабочих, карту с вынесенными на ней точками шлихового опробования, местами расположения лабазов с продуктами и прочей полезной информацией, определялись сроки возвращения на базу. В общем, всё, как в песне: « Выверен старый компас, получены карты и сроки». Получив ценные указания от начальства, брали мы палатки, набивали рюкзаки всем необходимым и весёлая компания из трёх человек, под моим чутким руководством, отправлялась в тайгу на две-три недели заниматься этими самыми шлиховыми поисками благородного металла. Отработав участок, мы возвращались в лагерь, сдавали намытые и высушенные шлихи с подсчитанным

в каждом из них количеством «знаков» золота, результаты подсчётов выносились на карту. Затем выдавалось новое задание и всё повторялось сначала. Конечным же результатом работ нашей «великолепной тройки» являлись выявленные золоторудные кварц-серицитовые жилы. В общем, романтики — хоть отбавляй!

Народ в отряде собрался интересный, неординарный, и самой колоритной частью нашего дружного, хоть и разношёрстного коллектива являлись конечно же наши работяги, в просторечии — бичи.

Как известно, одна из расшифровок слова «бич» — бывший интеллигентный человек.

Нашим бичам это определение подходило полностью, т. к. почти все они в своей прошлой догеологической жизни были моряками, инженерами, артистами, художниками и бог знает кем ещё. Поэтому в нашей десятиместрой рабочей палатке до поздней ночи не затихали дискуссии на различные темы: от любви до внешней политики. Я, естественно, принимал активное участие в этих дискуссиях, так как на время практики меня зачислили на должность рабочего на геологоразведочных работах какого-то там разряда, и я с гордостью причислял себя к рабочему классу.

В конце каждого месяца в отряде происходило очень важное событие под названием «закрытие нарядов». Вроде бы скучное мероприятие, но это где-нибудь в другой отрасли: на стройке, например, или на заводе, но только не в геолого-поисковом отряде, затерянном в дебрях дальневосточной тайги. Бичи наши к этому мероприятию готовились основательно, ставили сорокалитровую флягу с бражкой.

В день закрытия нарядов в лагерь из базы приходил вездеход, который привозил кое-что из продуктов, в состав которых входило, разумеется, спиртное, а увозил наряды, а также не выдержавших испытание тайгой и решивших уволиться рабочих.

Самое сложное в составлении нарядов заключалось в том, что перед тем как их отправить на базу, наряды должны были подписать наши работяги (на каждого составлялся отдель-

ный наряд). Заходишь к ним в палатку с нарядами, говоришь: «Подпишите, ребята», а они в ответ: «Начальник, выпей кружку бражки, пока не выпьешь — подписывать не будем». «Так деньги не получите тогда». — «Ну и чёрт с ними, с деньгами». А сами, гады, трезвые сидят, им начальника, видите ли, напоить интересно. Деваться некуда, приходится, выпив пару кружек браги (одна — это условно, после одной не подпишут), летящей походкой добираться до вездехода, чтобы наконец-то избавиться от так тяжело доставшихся нарядов.

После отбытия вездехода начальник отряда выдавал заказанное спиртное и объявлял три дня выходных, или, как их называли наши работяги, три дня «на выхлоп» (месяц до закрытия нарядов работали без выходных, со строгим «сухим» законом).

Но перед раздачей спиртного происходило ещё одно важное и шумное мероприятие — сдача огнестрельного и холодного оружия. Сдача оружия была неизменным условием получения спиртного.

А оружия, надо сказать, на руках у нас было предостаточно, так как в те времена с его получением было проще. В общем, на отряд из тридцати человек у нас насчитывалось тридцать с небольшим единиц различного огнестрельного оружия: охотничьи ружья всевозможных калибров, карабины, наганы и т. д. В общем, при необходимости, в случае вооружённого нападения, наш отряд мог бы держать круговую оборону минимум неделю. Оружие запиралось в вырытой специально для этой цели землянке в три наката, на амбарный замок.

Надо было видеть эту живописную, разношёрстную, вооружённую до зубов процессию, выстроившуюся в очередь перед «оружейной» землянкой, у входа в которую с гордым видом главнокомандующего армии-победительницы стоял наш начальник отряда Толик и, сверяясь время от времени со списком, принимал сдаваемое оружие.

Три выходных дня пролетали незаметно и на четвёртый день отряд в полном составе, слегка утомлённый отдыхом, но готовый к новым трудовым подвигам, продолжал своё основное занятие — поиски благородного металла.

Результатом многолетних работ, проведённых Нижне-амурской экспедицией в этом районе, явилось открытие одного из крупнейших месторождений, золоторудного месторождения «Многовершинное». А в моей памяти остались неповторимые по красоте пейзажи летней и осенней приохотской тайги, бурлящие от идущей на нерест кеты притоки Амура и замечательные люди, с которыми свела меня судьба в этот мой первый полевой сезон.

Начало большого пути-2, или приключения «чайника»

Как известно, в любом деле важен опыт, тем более — в полевой геологической жизни, где нештатные ситуации встречаются достаточно часто. Когда же опыта ещё нет, а уверенности хоть отбавляй, может произойти всё, что угодно. Расскажу только парочку-другую приключений, происшедших со мной в первые год–два после окончания геологоразведочного техникума, когда моя геологическая жизнь только начиналась и опыта, естественно, почти никакого не было.

Приключение первое

Что такое БДК, знает не каждый, а кто испытал это самое БДК на своей шкуре — не забудет никогда!

Для непосвящённых: БДК — это такой геофизический метод — по поверхности земли прокладывается кабель длиной километров эдак 100, затем поперёк кабеля летает самолёт с соответствующей аппаратурой, фиксирует токи там всякие, что, в конечном итоге, позволяет изучить строение земных недр в районе прокладки этого самого кабеля.

Прокладывается кабель очень просто: весной, перед началом полевого сезона, набирается отряд из крепких ребят, ребята эти со всем полевым скарбом и катушками с кабелем гру-

зятся в вертолёт, который выбрасывает их в начальную точку прокладки кабеля. Затем ставится палаточный лагерь — и начинается увлекательный процесс прокладки. Происходит это следующим образом: катушка с кабелем, длина которого примерно около 4 км, подвешивается между 2-х деревьев, самый крепкий из группы берёт палку длиной примерно полметра, привязывает её к концу кабеля и, как бурлак на Волге, начинает этот кабель тянуть в заданном направлении по профилю. Когда метров 800 кабеля с катушки сматывается, к кабелю опять же при помощи палки подсоединяется следующий и т. д. Пока весь кабель с катушки не будет размотан. Затем группа перебазируется на другой конец размотанного кабеля, подвешивается следующая катушка, и весь процесс повторяется до тех пор, пока не будет уложено запланированное количество километров кабеля.

Сложность укладки состоит в том, что кабель общей протяжённостью в многие десятки километров нужно тянуть по прямой, невзирая на встречающиеся препятствия: болота, реки, горы и т. д. Поэтому каждый из тех, кто тянет кабель, наматывает на руку небольшой его запас на случай, если придётся какие-то небольшие препятствия обходить, чтобы не тормозить впереди идущих.

И вот — очередной день прокладки кабеля. Я подсоединяюсь к кабелю третьим, первыми пошли два наших здоровячка — Вова Зырин и Витя Бусыгин. Тяну я, значит, свой участок кабеля, запасец небольшой на руку намотал, любуюсь красотами Кольского полуострова и вдруг вижу: впереди болотце метров 100 шириной, а следов на болоте нет — ребятки благоразумно (как потом оказалось) болото обошли. Я же, окинув болото опытным (как мне тогда казалось) взглядом, решил, что парни перестраховались, болото то пустышное, да и обходить лень — пойду-ка я напрямик.

Прошёл я по болоту метров 20 и вдруг начал в него (то есть — в болото это) стремительно проваливаться по самое не могу. Сделав несколько судорожных попыток самостоятельно выкарабкаться, я понял, что единственное, что может меня спасти-

это богатырская сила тех, кто тянет кабель впереди. Вцепился я в кабель мёртвой хваткой, и ребята, сами того не ведая, выдернули меня из трясины, да ещё проволокли по болоту почти до его края, где мне наконец-то удалось встать на ноги.

Через некоторое время я почувствовал три сильных рывка кабеля — это был сигнал, что кабель размотан и можно возвращаться обратно в лагерь, где нас ждёт сытный ужин и чайник с горячим чаем. Злополучное болото я на обратном пути конечно же обошёл, дошёл благополучно до лагеря и забрался в уже протопленную палатку.

Сию у печки, горячим чайком балуюсь и вдруг слышу — дикие матюки раздаются где-то поблизости от лагеря. Выскакиваю из палатки и вижу такую картину: Зырин с Бусыгиным приближаются к лагерю, дико матерясь, при этом оба они с ног до головы мокрые и в болотной тине. Когда они подошли к лагерю достаточно близко, я стал различать и отдельные фразы. Если коротко, то смысл всего сказанного можно было выразить одной фразой: «Какая б... пошла через болото напрямик!!?»

Всё мне стало ясно, и волосы на моей голове встали дыбом от страха, так как я мгновенно представил, что они сейчас со мной сделают. Всё объяснялось просто: возвращаясь вдоль кабеля назад, к лагерю, Вова с Витей увидели следы на болоте (дурачки, не обратили внимание, что это были не следы, а волок) и решили: раз кто-то прошёл, значит, болото проходимое, — и пошли по моим, так сказать, следам. Слава Богу, что не утонули, способные оказались ребята, выкарабкались как-то.

Недолюбливаю я с тех пор болота всякие, кроме тех, на которых морозка растёт.

Приключение второе

Шёл 1976-й год, второй в моей жизни полевой сезон (не считая преддипломной практики) Работал я в всё той же, теперь уже легендарной «шестёрке» (партия № 6 Невской экспедиции). Партия проводила поисковые работы на уран на территории Кольского полуострова. Меня во главе небольшой группы

забросили вертолётom на один из дальних участков. Задача: пройти, задокументировать и опробовать несколько канав и пройти энное количество маршрутов с целью заверки выявленных аэрогаммасъёмкой аномалий. Снабжались мы всем необходимым по мере надобности все тем же вертолётom, т. к. с дорогами на Кольском большая напряжёнка.

И вот, отправляю я по радиации очередную заявочку на продукты, материалы, а в ответ мне сообщают, что вертолёт улетел в Питер, на «форму», и всё заказанное нам будут сбрасывать с самолёта, знаменитого нашего «кукурузника». Для этого нам необходимо было выбрать подходящее для выброски ближайшее к лагерю болото и в назначенный день и час развести на нем костры-дымовухи. О том, что во время выброски находиться на болоте не надо, так как это опасно, нам не сообщили, решив, видимо, что мы и сами догадаемся.

Мы не догадались.

В назначенное время развели мы дымовухи, разбрелись по болоту и, задрав головы и разинув рты, стали с нетерпением ждать дары, которые вот-вот должны посыпаться с небес. Наконец, раздаётся гул самолёта. Самолетик пролетает над болотом и выбрасывает длиннющую бумажную ленту. Я подбираю ленту, на ней написано: «Группе Грейберга. Приготовьтесь к приёму, со второго захода начнём выброску». Мы тут же приготовились: снова задрали головы, ждём. Снова гул, самолёт появляется из-за леса и начинает выброску, за которой мы с интересом наблюдаем, стараясь запомнить — что куда упало. На третьем, если мне не изменяет память, заходе в воздухе, то слева, то справа, то сверху, начал раздаваться какой-то непонятный звук, вызвавший у меня почему-то ассоциацию со звуком пуль, который я, к счастью, никогда не слышал. Видимо, всплыли в памяти строчки из известной фронтовой песни: «Тёмная ночь, только пули свистят по степи». Когда, чуть позже, мы выяснили, что же явилось источником этого загадочного звука, у меня холодок прошёл по спине.

Дело в том, что в моей заявке, кроме всего прочего, оказались зубила, которые нужны были мне для отбора бороздовых

проб из канав. Вот парочка ящиков, в которых были эти самые зубила, по какой-то причине развалились в воздухе, и зубила стали разлетаться по всему болоту. Что было бы, если бы хоть одна из этих «пуль» попала в цель, то есть в кого-нибудь из нас, объяснить, я думаю, не надо.

В процессе этой выброски произошёл ещё один казус. Болото было достаточно большим и довольно сухим, было на этом болоте одно-единственное «окно» с водой, размером метра два на два. Именно в это «окно» попал мешок с хлебом. Такой вот закон подлости в действии.

Приключение третье

Третье приключение связано со вторым, так как произошло оно в конце тех самых работ, в процессе которых на нас с неба сыпались зубила.

Выполнили мы все намеченные работы, пришло время возвращаться на базу, я согласовал с начальством день, когда нас будут «выдёргивать». Подходит назначенный день, утром по связи мне передают, что вечером будет вертолёт, два, а если понадобится, то и три рейса — готовьтесь. Ну мы и приготовились: сняли палатки, собрали в кучу всё наше имущество, стали стаскивать его на болото, куда должен был сесть вертолёт. Не снятой (к нашему счастью) оказалась только моя «командирская» палатка с рацией, снять её просто не успели, т. к. раздался звук приближающегося вертолётки и мы все побежали на болото грузиться. Лихо, с шутками-прибаутками, счастливые от того, что уже сегодня окажемся в цивилизации, мы загрузили в вертолёт всё, что первым попало под руки, в том числе палатки и продукты. Ну не виноваты же мы, что они оказались ближе к вертолётке! Забитый под завязку вертолётки улетел, и мы с нетерпением стали ждать второго рейса.

Увы, второго рейса мы не дождались ни в этот день, ни на следующий, т.к. погода испортилась и мы неделю ждали окончательной эвакуации, ютась в одной палатке, питаюсь подножным кормом и остатками продуктов, заваливавшихся

в некоторых, к счастью не отправленных, рюкзаках. Когда нас наконец-то выдернули со злополучного участка, меня вызвал к себе в кабинет бывший тогда начальником партии, Юдаков Александр Назарович, и по-отечески ласковым голосом на чистейшем русском языке спросил: «Какого х... ты загрузил первым рейсом палатки и продукты?» Ну что я мог ему ответить..

Вот так, в муках, рождалось то, что потом стало называться «опытом проведения полевых работ».

«Вспышки памяти»

Загадочная штука — наша память. Часто забываем то, что случилось с нами буквально накануне, но порой в памяти нашей неожиданно всплывают эпизоды совершенно незначительные, и, казалось бы, давно забытые: своеобразные «вспышки памяти». Вот несколько таких «вспышек», вылившихся в небольшие рассказы.

Рассказ первый

Как я побывал на «волчьей свадьбе»

В зимний сезон 1980 года геофизический отряд нашей 32-й экспедиции, которым руководил Володя Тихонов, базировался в Занонежье, в деревне Поля. Я в то время жил в Великой Губе, где находилась база экспедиции, и в один из воскресных мартовских дней, который к тому же был моим днём рождения, решил я в качестве разминки сбегать на лыжах в гости к ребятам. От базы к Полям был прорублен геофизический профиль, и можно было пробежаться по прямой (километров 15), не задумываясь о направлении. Сказано — сделано. Сгонял я к ребятам, пообщался немного и под вечер собрался в обратный путь. Бегу себе не спеша, свежий снежок под лыжами скрипит, мартовское солнышко потихоньку к горизонту клонится, вокруг тишина и покой — благодать. Выводит меня лыжня на небольшое, поросшее чахлыми

сосёнками и редким кустарником болотце посреди леса. Перебегаю болотце и вдруг замечаю на снегу пятна крови. Оглядываюсь по сторонам, вижу: на кустах — клочья волчьей шерсти. И в этот момент где-то невдалеке раздаётся волчий вой! Кто хоть однажды слышал этот вой, представляет, что это такое — мурашки по коже! Оглядываюсь назад и в свете вечерних сумерек вижу промелькнувшую серую тень, пересёкшую мою лыжню. Через несколько мгновений такая же тень, но только в обратном направлении, мелькает впереди, метрах в 40 по ходу моего маршрута. Тут до меня потихоньку начинает доходить, в каком месте я оказался. А вокруг стремительно темнеет — самое время «серым» на свою свадьбу собираться и я, похоже, попал как раз на место этой свадьбы в самый подходящий (для волков, разумеется) момент, да ещё в качестве непрошеного гостя. Успокаиваю себя — может, показались мне в сумерках эти самые тени? Начинаю потихонечку продвигаться вперёд, и, метров через 40, мои надежды на то, что «показалось», рассеиваются: на снегу отчётливо видны волчьи следы. В добавок ко всему, где-то совсем рядом снова раздаётся волчий вой. До того мне обидно стало: в кармане даже ножичка перочинного нет, сожрут меня сволочи «серые» в день моего рождения и не подавятся. Что делать? Стоять дальше на месте нельзя — скоро совсем стемнеет. Делать нечего — потихоньку начинаю двигаться вперёд, постепенно ускоряясь, а воспалённое воображение рисует страшную картину: вдогонку за мной уже вся волчья стая ринулась. Как добежал до посёлка — не помню, во всяком случае, все свои предыдущие рекорды по лыжным гонкам уверенно перекрыл.

А волки меня, видимо, просто не догнали — слабо им оказались!

Рассказ второй **Как я толкал самолёт**

Произошёл этот эпизод зимой, где-то во второй половине семидесятых годов. В те времена из Петрозаводска в Великую Губу, где базировалась 32-я экспедиция, зимой летал рейсовый

самолётник — легендарный «кукурузник». Взлетал он со льда Петрозаводской губы Онежского озера и садился на лёд перед Великой Губой. Утром в воскресенье я слетал из Великой Губы в Петрозаводск по своим делам, вечером собрался обратно. Купил билет, сел в самолёт, жду взлёта. В салоне ещё несколько жителей Великой Губы. Моторы взревели, самолётник трясти начало. Минуту, вторую, третью трясёт, а мы всё не взлетаем. Проходит ещё немного времени, из кабины выглядывает один из пилотов и говорит: «Мужики, выскочите, пожалуйста, самолёт подтолкните, не взлететь никак». «Шуточка, что ли, такая у летунов», — думаю. Ан нет, смотрю, мужики потихоньку из самолёта выбираться начинают. Выбрался и я. Начинаем толкать самолётник, моторы ревут, самолётник трясётся, как в лихорадке. Наконец-то, после нескольких минут коллективных усилий, самолёт с места трогается. Мы на ходу запрыгиваем в салон — и наш «воздушный тихоход» наконец-то взлетает! Всю дорогу до Великой Губы я с опаской поглядывал на кабину пилотов — не высунется ли оттуда кто-нибудь ещё раз с аналогичной просьбой — подтолкнуть самолётник в воздухе. К счастью, долетели мы без приключений, а мужики в салоне мне растолковали, в чем было дело — просто лыжи ко льду примёрзли, без нашей помощи не оторваться было.

Рассказ третий **Сокровенное желание**

Год 1976-й, Кольский полуостров, аэрогеофизическая партия № 6, наземный поисковый отряд. Было уже начало октября, полевой сезон давно бы заканчивать пора, но в конце сентября нам неожиданно добавили объёмы по геологорadioметрическим маршрутам — надо было пройти ещё километров сорок маршрутов. Смысла в этом большого не было, просто именно этого количества километров не хватало до выполнения плана. Обычная по тем временам ситуация. Вот и начали мы добивать эти несчастные километры. Удовольствие, скажу вам, друзья мои, ниже среднего. Идешь в маршруте, тебе

в лицо заряды снеговые летят, ветер с ног сшибает, в двух шагах не видать ни черта. Какие уж тут поиски — живым бы в лагерь вернуться. Радиометристой в то время у меня была Надя Марчук, надо сказать — отличная радиометристка и на язычок остра — палец в рот не клади! Вот в один из таких маршрутных дней возвращаемся мы с Надюшей из очередного маршрута. Маршрут был тяжелейший: весь день — метель, заряды снеговые — один за другим. Да ещё, как назло, облажений полно, хочешь не хочешь — описывать надо. В общем, сам замотался и Надюху загонял. Но вот, наконец, маршрут добились, возвращаемся в лагерь, в голове мысли только о печке в палатке и чайнике с горячим чаем. Оглянулся назад: Надюша бедная за мной еле плетётся, гильза от радиометра чуть ли не по земле волочится. Решил я подбодрить немного девушку. «Надюша, — спрашиваю, — какое у тебя сей момент самое большое желание?» Уверен был, что желания у Надюши те же, что и у меня, скажет она про печку и чаёк, тут-то я ей настроение и подниму. «Надюша, — скажу я, — сбудется скоро твоё желание, до печки и чайничка всего километр остался, а то и меньше!» Ответ Надюхи оказался, мягко говоря, не совсем таким, какой я ожидал. «Больше всего мне сейчас хочется, — ответила Надюша, — трахнуть тебя гильзой по голове!». К великому удивлению Надюхи я хохотал до самого лагеря — так мне настроение уже давно никто не поднимал.

История про амазонитовую жилу, дикого кота Васю, бродячего аспиранта Андрюшу и многое другое

Случилось так, что пришлось мне в один из летних сезонов, где-то в середине лихих девяностых, поехать на заработки в Мурманскую область. В нашей родной 32-й экспедиции было в тот год полное затишье — ни работы, ни зарплаты, как, впрочем, во многих других геологических (и не только) организациях. Поэтому когда мне позвонил из Ревды (посёлок в Мурманской области) мой приятель и предложил сезон поработать геологом, я с лёгкостью согласился, а начальство с такой же лёгкостью меня отпустило. Геологическая экспедиция, в которую меня пригласили на лето поработать, ухитрилась получить лицензию на разведку и разработку амазонитовой жилы в восточной части Кольского полуострова, в Кейвских Тундрах, в районе горы Ровгора. Под этот проект была оперативно создана небольшая Ровгорская партия. Зимой на участок работ по зимнику тракторами доставили всё необходимое для работы: два жилых вагончика, компрессор, отбойные молотки для проходки разведочных канав и прочие материалы. Мне поручили организовать разведку жилы и добыть небольшое количество амазонита для промышленной пробы, совместив фактически в одном лице три должности — начальника партии, геолога и горного мастера. Но сначала надо было добраться до этой самой Ровгоры, затерянной где-то в Кейвских Тундрах, а сделать это было весьма непросто, т. к. в летнее время добраться до участка можно было либо по воздуху, либо на вездеходах. В распоряжении экспедиции было два вездехода, оба они были выделены в моё распоряжение. Позади — три дня подготовки, знакомства с материалами, отвальная (а как же без неё), вперёд — трое суток пути по тундре, со всеми её прелестями.

А дальше — снова как в песне, из которой, как известно, слов не выкинешь: «Выверен старый компас, получены карты и сроки» — и вперёд! С самого начала всё пошло не так: не прошли и пяти километров, сломался один из вездеходов. Пришлось

возвращаться на базу, искать запчасти. Ремонт занял почти сутки. Когда всё было готово к началу маршрута, выяснилось, что куда-то исчез один из рабочих. После двухчасовых поисков решили трогаться без него — время поджимало. Часа через два пути под гусеницы вездехода попала собака одного из рабочих. В общем, какая-то сплошная невезуха в самом начале пути. До участка работ от Ревды было порядка 150 км. На вездеходах по бездорожью — около трёх суток пути. Километров 30 маршрут пролегал по «дороге смерти» — дороге, которую строили заключённые в сталинские времена, или, как её ещё называли, «дорога в никуда», так как в процессе строительства выяснилось, что дорога не нужна и строительство остановили. Но это отдельная трагическая история сталинских времён. В памяти осталось только то удручающее впечатление, которое производили догнивающие остатки деревянных лагерных бараков, тянущиеся по обочинам дороги, проложенной среди бескрайних болот. Примерно через 30 км мы свернули с лагерной дороги, далее путь пролегал на восток Кольского полуострова, по тундре со всеми её прелестями: топкими болотами, зарослями карликовой берёзки, каменистыми склонами сопок. Самым сложным препятствием на пути наших вездеходов явились печально известные среди вездеходчиков Кульёкские болота, обойти которые было невозможно, это сильно удлиняло путь, делая его ненамного легче. Добрались мы до Кульёкских болот на вторые сутки пути (двигались без ночёвки, делая одно-двухчасовые остановки на отдых, благо был разгар короткого полярного лета и ночью тоже можно было двигаться). Болота полностью оправдали свою дурную славу: то один, то другой вездеход застревал в болотной жиже, гусеницы постоянно слетали, приходилось «обувать» вездеходы прямо в болоте. Я больше всего боялся, что оба вездехода застрянут одновременно, тогда вытаскивать их было бы нечем, а до ближайшего жилья — десятки километров. В довершение всего нас доводили до бешенства тучи озверевшего комарья, было ощущение, что все комары Кольского полуострова слетелись в это гиблое место. В общем, вторая ночь вся прошла в борьбе с Кульёкски-

ми болотами, полонками вездеходов и полчищами комаров. На утро третьего дня мы наконец-то выбрались из болот, немного передохнули (вездеходчикам надо было хотя бы пару часов поспать) и двинулись дальше, к конечной цели нашего маршрута — Кейвским Тундрам, или в просторечии — Кейвам, где в лабиринте сопок пряталась заветная амазонитовая жила.

День прошёл относительно спокойно, не считая нескольких мелких поломок вездеходов, и к концу дня, сверившись с картой, я убедился, что мы достигли цели — перед нами маячили вершины Кейвских Тундр. Теперь предстояло решить следующую задачу: найти в лабиринте вершин Ровгору, у подножия которой находились вагончики. Задача была не из лёгких, так как Ровгора ничем особенным не отличалась от остальных вершин, разве что слегка раздвоенной макушкой. После двухчасовых безрезультатных поисков я остановил вездеходы и, взяв карту, поднялся на ближайшую вершинку, чтобы сориентироваться. С неё-то я и увидел Ровгору, она находилась километрах в трёх от нас. На подходе к участку мы встретили первого местного обитателя — внушительных размеров лось шарахнулся от нас в зарослях карликовой берёзки. Наши охотнички замечались по вездеходу в поисках ружей, но я остудил их пыл, напомним, что нам пока не до охоты, успеем ещё погонять местную живность. Когда мы добрались до вагончиков, шёл уже двенадцатый час ночи, поэтому разгрузку отложили до утра, открыли вагончики, достали спальники и завалились спать.

Утром меня в моём командирском вагончике разбудил яркий луч солнца, пробившийся через боковое окошко. Я быстренько оделся и выскочил наружу. Стояло ясное солнечное утро, над тундрой — ни облачка. Благодать! Вокруг — тишина, ребята в вагончике спят мёртвым сном после вчерашних приключений. Выкопал я из вьючника умывальник, приколотил его к стенке вагончика, из ближайшего болотца водички набрал, разделся по пояс, приготовился к утреннему моциону. Только начал умываться, вдруг слышу: где-то рядом мяуканье раздаётся. Прислушался — тишина. Доездили, выходит, на вездеходе, испарений болотных нанюхался, слуховые галлюцинации с утра

начались. Продолжаю умываться — и снова мяуканье, уже ближе, где-то за спиной. Медленно оборачиваюсь — и глаза мои, и без того большие (как утверждают некоторые мои друзья-доброжелатели), буквально вылезают на лоб: передо мной стоит КОТЯРА. Именно котяра, а не кот, здоровый и лохматый. Шерсть клочьями в разные стороны торчит, местами совсем выдрана, видать, немало котик повидал на своём веку. Но откуда тут, посреди тундры, кот? До ближайшего населённого пункта в этой части Кольского — села Краснощелье — километров тридцать по тундре, с болотами, ручьями и прочими природными препятствиями. Может, кот дикий? Стал я вспоминать всё, что мне известно было о флоре и фауне Кольского полуострова, и пришёл к выводу, что дикие коты в списках местной фауны вроде не числятся, да и не похож этот кот на дикого (помню — видел в зоопарке). Попытался я к коту приблизиться, но он шарханулся от меня и скрылся в кустах. Когда мои работяги проснулись, я рассказал им про утреннюю встречу и услышал в ответ всё ту же, уже приходившую мне на ум версию о ядовитых болотных испарениях. Спорить было некогда, впереди ждало много дел. Дал я ребятам указания по обустройству лагеря, а сам пошёл искать амазонитовую жилу, разведку которой нам надо было провести.

Дело в том, что жилу эту уже начинали изучать в конце пятидесятых годов, но по каким то причинам работы были приостановлены. Мне предстояло найти следы разведочных канав почти сорокалетней давности, по ним определить местоположение жилы и наметить сеть новых канав. Задача казалась мне почти невыполнимой, слишком много времени прошло с момента проходки канав. Но я не учёл, что в тундре шрамы, оставленные человеком, заживают очень медленно, так что жилу я отыскал довольно быстро — по следам старых канав и высыпкам амазонита. Какое-то время ушло на то, чтобы задать первые три канавы и наметить оптимальный маршрут, по которому бульдозеру предстояло притащить от вагончиков компрессор и прицеп с солярой (всё это тоже было привезено по зимнику).

Вернулся в лагерь я уже под вечер и узнал, что кот мне не померещился, днём он ещё раз наведывался к вагончикам, но снова убежал. Вечером, во время ужина в десятиместной палатке, которую ребята установили днём под кухню и столовую, мы снова услышали мяуканье. Оголодал, видимо, котик, вот и пришёл на запах. Пришлось выделить миску, наложить в неё каши с тушёной и выставить за палатку. Без имени гостя из тундры оставлять тоже было нельзя, недолго думая, обозвали мы кота Васькой. На следующее утро, уже не таясь от нас, Вася лихо расправился с завтраком. Ближе к себе Вася нас ещё не подпускал, но из лагеря уже убежать не стал, начал обследовать территорию.

Покончив с завтраком, мы попрощались с вездеходчиками, которые должны были отправиться в обратный путь, загрузили в прицеп с бочкой, в которой было горючее для компрессора, всё необходимое для работы — отбойники, лопаты и т. д., подцепили прицеп к бульдозеру и двинулись к участку работ. На участке я распределил рабочих по намеченным канавам, ребята запустили компрессор — и началась работа. Некоторое время я провёл на участке, посмотрел, как начался процесс проходки канав, и пошёл обратно — были ещё дела в лагере, да и ужин надо было готовить (в будущем мы собирались готовить по очереди, как известно, каждый полевик должен уметь готовить, отговорки не принимаются).

Подхожу к лагерю и вижу: посреди лагеря стоит какой-то тип подозрительной наружности, довольно потрёпанный, заросший до ушей, с рюкзаком за спиной. Волосы на голове расчёпаны, торчат в разные стороны, прямо как шерсть у нашего Васьки. Да что же это творится, — думаю, — вчера кот из тундры припёрся, сегодня мужик какой-то, кого ещё ждать? Подхожу поближе, здороваюсь. Мужичок при ближайшем рассмотрении оказывается довольно молодым человеком. Интересуюсь — кто такой, откуда? И узнаю удивительную историю: зовут парня Андрей, он является аспирантом кафедры геологии Ленинградского университета. Бродит по Кольскому полуострову Андрей уже достаточно давно, отбирает образцы горных пород, описы-

вает обнажения, в общем, собирает материал для своей будущей диссертации. Добродился до того, что у него закончились продукты, до цивилизации своими силами уже не добраться. Услышав утром шум моторов, вышел Андрей к нашему лагерю, чтобы узнать, не предвидится ли у нас в ближайшее время какой-нибудь транспорт, чтобы выбраться на нем в Ревду или в Мурманск — поближе к железной дороге. Пришлось его разочаровать. Вездеходы наши сегодня только ушли, следующий рейс вездеходов предполагается минимум недели через три — не раньше, а то и через месяц, дорога очень тяжёлая, и гонять технику без крайней необходимости никто не будет. Закончился наш разговор тем, что попросил Андрей разрешить ему остаться у нас в ожидании вездеходов, палатка у него есть, а нахлебником он не будет — согласен на любую работу. Я быстро сориентировался и поинтересовался — умеет ли он готовить и согласен ли поработать у нас в качестве повара и хозрабочего. Работы на канавах было много, и отвлекать канавщиков на хозработы не хотелось. Андрей с радостью принял моё предложение, сказав, что всё умеет делать, даже при необходимости готов копать канавы. В палатке Андрею жить не пришлось, я предложил ему поселиться в моём вагончике, благо места хватало, да и вдвоём как-то веселей. Вот так появились у нас два питомца: кот Вася и аспирант Андрюша.

Васька довольно быстро освоился в новой обстановке, а недели через две после своего неожиданного появления обнаглел настолько, что самовольно поселился в моём вагончике — к начальству, так сказать, поближе. Правда, до конца домашним он у нас так и не стал, погладить себя разрешал, да и то не всем, но из рук вырывался. А через некоторое время, не помню уж какое, месяца через полтора, совершенно неожиданно выяснилась героическая история Васьки. Дело в том, что от Ревды до упомянутого мной села Краснощелье — единственного крупного населённого пункта в восточной части Кольского полуострова — тянулась телефонная линия, за состоянием которой, естественно, надо было следить, а километрах в 20 от нас в небольшой избушке жил связист со своей женой, следил

за своим участком линии. Была у связиста рация, достаточно мощная, во всяком случае — мощнее нашей, и в те дни, когда связь была очень плохой и база меня не слышала, он дублировал на базу мои сообщения и, соответственно, дублировал мне сообщения с базы. Так, по связи, я и познакомился с Николаем (так звали связиста). Собеседником он оказался интересным, был заядлым охотником и рыбаком, и когда позволяло время и качество связи, мы беседовали с Николаем на разные темы. Вот во время одной из таких бесед я рассказал Николаю про Ваську. «Ну, так это же кот нашего вездеходчика!» — воскликнул Николай и поведал мне следующую историю:

Николай с женой жили отшельниками, в цивилизацию выбирались редко, летом к ним иногда приезжали дети и внуки. Всё необходимое для жизни, в том числе и продукты, доставлялось из Ревды вездеходом, преимущественно — в зимнее время, по зимнику. Вездеходчик жил в Ревде, был у него кот Васька (надо же, с именем мы угадали!). Жил этот вездеходчик бобылём, кота оставлять было не на кого, вот и брал он Ваську с собой, когда уходил в рейс. Иногда приходилось возить продукты и в Краснощелье (туда ещё летал вертолёт, других средств сообщения с селом не было). Так вот, оказалось, что прошлой осенью, по дороге к Краснощелью, во время одной из вынужденных остановок, Васька из вездехода сбежал. Долгие поиски ни к чему не привели, расстроенный вездеходчик, сгоняв в Краснощелье, вернулся в Ревду без Васьки, по дороге заехав к Николаю и рассказав ему о своём горе. А зимой вездеходчик этот уволился и куда-то уехал. То, что это был именно наш Васька, сомнений не вызывало, Николай мне его достаточно подробно описал — всё сходилось. Как Вася сумел выжить в зимней тундре — так и осталось для меня неразрешимой загадкой, во всяком случае Васькин внешний вид в день его появления в нашем лагере говорил о том, что борьба за выживание далась Ваське нелегко. Правда уже через месяц следы этой борьбы обнаружить было невозможно, Васёк наш разжирел, оброс густой шерстью и превратился в неписаного красавца.

Аспирант Андрияша на должности повара тоже поправился, повеселел. Надо сказать, что парнем он оказался работающим, ни от какой работы не отказывался, даже помог мне немного с документацией канав. Через месяц после начала наших работ из Ревды пришли вездеходы с заказанными продуктами и материалами, Андрей с ними и уехал, поблагодарив нас за приют и получив в ответ нашу благодарность за труды.

В середине сентября мы закончили разведку амазонитовой жилы, набрали амазонита на технологическую пробу и вернулись на вездеходах в Ревду.

Конечно, в рамках одного рассказа трудно описать всё, что довелось испытать в этом полевом сезоне, как, впрочем, и в других полевых сезонах, не похожих один на другой. Отдельного рассказа заслуживает сама разведка жилы со всеми её трудностями и маленькими открытиями. Хотелось бы рассказать и о рабочих, о каждом из которых можно написать целую историю. А охота и рыбалка, которыми иногда удавалось заняться!

На обратном пути в Ревду нам снова пришлось пройти нелёгкие испытания, аналогичные тем, что выпали на нашу долю по пути к участку работ. А Васькина история закончилась замечательно: по пути в Ревду мы заехали к связисту, который сказал, что такого героического кота они с женой с удовольствием возьмут себе, там мы с Васькой и попрощались. Вот такая нехитрая история.

Как я был браконьером

Летом 2004 года работали мы в Пудожском районе Карелии, вели проходку разведочной канавы на Аганозерском месторождении хромитовых руд. Я исполнял обязанности начальника горного отряда. Места достаточно глухие, медвежий угол. Медвежий угол был в прямом смысле, т. к. в окрестностях лагеря бродил внушительных размеров мишка, даже пару раз на глаза попался, а на территорию лагеря однажды ночью за-

брела медведица с медвежонком, мы это определили утром, по следам. В общем, страна непуганых зверей. Но о медведе — в следующий раз. Неподалёку от лагеря находилось озеро Аганозеро, в котором водилось немереное количество крупной плотвы. На этом озере у меня были установлены сети, которые я с нашим водителем Володей каждое утро перед выходом на работу проверял, снимая приличное количество плотвы — надо же народ кормить. К озеру мимо лагеря проходила лесная дорога, довольно убитая. Резиновая лодка, на которой мы выходили в озеро, была припрятана в кустах у берега.

В один из вечеров, когда мы, вернувшись с работы, готовили ужин, послышался шум мотора и у моей палатки остановился внедорожник, грязный до невозможности. На боку внедорожника сквозь грязь с трудом просматривалась грозная надпись «рыбохотнадзор». Из машины вывалился пьяный в стельку мужик в камуфляжной форме и, увидев меня, грозно, заплетаящимся языком, произнёс: «К-кто т-акие? Ор-ружие, с-сетки!» — и смачно икнул. Я, стараясь быть предельно вежливым, объяснил товарищу рыбохот — и неизвестно чего ещё — инспектору, что разговаривать я с ним буду только тогда, когда он протрезвеет и покажет документы, подтверждающие его обширные полномочия, иначе я немедленно звоню в охотинспекцию и вызываю сюда ещё более крутых инспекторов — его начальников. Сказав это, я с ужасом представил себе картину — по моему звонку сюда приезжает толпа этих самых начальников в таком же состоянии. Да, забыл сказать, что инспектор приехал не один, в машине ещё оставался его напарник и собака. Напарник за всё время нашей беседы из машины не выходил, видимо, был уже не в состоянии. Собака, к моему счастью, тоже не выходила.

Как ни странно, мои угрозы возымели действие, мужик сказал: «Л-ладно, з-завтра все тут об-быщем!» — ещё раз икнул, забрался в машину, и внедорожник, подскакивая на ухабах и лихо петляя, помчался в сторону озера, где стояли наши сетки.

На следующий день, рано утром, я пошёл по дороге в сторону озера на разведку: установить местонахождение машины с инспекторами — сети же проверять надо, рыбу снимать,

иначе пропадёт. К моему огорчению, лагерь этих «защитников» природы расположился прямо у озера, рядом с местом, где была спрятана лодка. Лагерь состоял из машины и четырёхместной палатки, рядом — как положено — кострище с подвешенным над ним котелком. И — тишина, никаких признаков жизни — видимо, ещё отсыпаются, черти. Я потихонечку ретировался, в надежде на то, что к вечеру эта компания свернёт лагерь и уедет, тогда можно будет проверить сетки.

Надежды мои, увы, не оправдались, в тот день инспектора не уехали. Что же делать, как быть с сетками? Утром следующего дня я снова пошёл на озеро с твёрдым намерением проверить сетки, даже если придётся делать это на виду у доблестной рыбохотинспекции — будь что будет, не пропадать же рыбке! Подхожу к озеру. В лагере — тишина. Тихонько пробираюсь к лодке, накачиваю и направляюсь к сетям. Проверяю одну сетку, вторую, третью — что за чёрт: в сетях — ни рыбёшки! Быть такого не может, каждое утро снимали по десять килограмм и больше. Огорчённый и недоумевающий, гребу обратно к берегу и тут вижу, параллельным мне курсом, метрах в ста от меня, на «резинке» гребут к берегу мои инспектора, с собакой на борту. Почти одновременно подгребаем к берегу, здороваемся. Вижу — мужички снова поддатые, но уже не до такой степени, это, видимо, их обычное состояние. «Ну как рыбка?» — спрашивают. «Да никак», — говорю, чего уж теперь скрывать. — «Да мы видели, наблюдали за тобой, пока ты сети проверял, вон твоя рыбка, в мешке, у палатки, забирай». Тут меня такая злость взяла — издеваются ещё, гады! «Чего же не крикнули, — говорю, — чтобы зря не старался». «Ладно, — говорят, — не обижайся, забирай рыбу, мы её ещё вчера вечером сняли, видим — вы не появляетесь, а рыбка пропасть может». В общем, пригласили меня ребятки чаю с ними попить, познакомились поближе. Оказалось — нормальные мужики: один — тот, что со мной у нашего лагеря общался, требуя сети и оружие, — действительно, инспектор, а второй — его приятель, милый такой разговорчивый мужичок, месяц, как из тюрьмы вернулся, десять лет отсидел за убийство жены. Оказалось, они не просто на ры-

балку и охоту приехали, им ещё зверьё окрестное подсчитать надо — лосей там, медведей и прочую живность. Поболтали мы немного, от предложенной рюмки я вежливо отказался — рабочий день впереди — забрал рыбу и пошёл в лагерь.

Часа через два со стороны озера стали раздаваться выстрелы: сначала одиночные, потом всё чаще и чаще. Канонада продолжалась почти весь день, и я решил, что это, видимо, ребята начали подсчёт окрестного зверья, предварительно его (т. е. зверьё) отстреливая, чтобы легче считать было.

На следующее утро мы с Володей пошли снова проверять сети, теперь уже ни от кого не таясь — чего бояться, инспектора теперь — лучшие друзья. В лагере защитников природы мы застали утреннюю идиллию: костерок у палатки горит, чайничек на костре, собачка рядом, бутылочка открыта — опохмеляются ребята. Подошли, поздоровались. «Ну как охота, — спрашиваю, — канонаду вашу весь вчерашний день слушали, подстрелили ли кого?» Ответ был замечательным: «Да кого мы можем подстрелить, если из нас троих трезвая только собака».

Вечером следующего дня вновь раздался шум мотора и мимо нашего лагеря в обратном направлении, просигналив на прощание, пронёсся внедорожник инспекторов, из него раздавались задорные песни: великолепная троица, завершив свою миссию по охране окружающей среды, возвращалась домой.

Тореадоры

Всякий знает, что геолога-полевика в его работе могут поджидать всевозможные опасности: всякие там природные катаклизмы, встречи с дикими животными, свирепыми хищниками. Сколько леденящих кровь историй рассказано о встречах с одними только медведями — не сосчитать! А вот мне в моей геологической жизни пришлось встретиться с чудовищем, по сравнению с которым даже самый свирепый медведь показался бы жалким щенком. К классу диких это животное чудо-

вище не относилось и называлось оно — колхозный бык. У чудища этого, как мы выяснили у местных пастухов, даже имя было, оригинальное и очень редкое — Боря.

Обитал Боря в Заонежье, на полуострове Шуньгский Наволок, куда местные пастухи загнали Борьку вместе с подшефным ему коровьим стадом на всё лето, пастись, так сказать, на вольных хлебах.

Я в то время работал в партии № 6 Невской экспедиции и Шуньгский Наволок был одним из участков наших полевых работ.

Первыми с Боренькой столкнулись наши девушки, которые попытались сделать на полуострове «магнитку». Пошли они на участок рано утром, прибежали часа через два, перепуганные насмерть, и рассказали, что за ними гонялся невообразимых размеров бык и больше они туда не пойдут, вплоть до увольнения. Как быть, работу-то делать надо, не напишешь же в отчёте, что работы на участке Шуньгский Наволок были прерваны из-за колхозного быка. На следующий день на битву с быком Борей отправился отряд добровольцев в составе меня и начальника отряда Валеры.

Идём мы, значит, с Валерой по профилю, делаем «магнитку», озираясь по сторонам, вокруг мирно пасутся колхозные бурёнки. Поскольку в лицо мы Борю не знали, он нам мерещился почти в каждой корове, поэтому работа продвигалась медленно. Остановившись перед очередной коровой, которая своим видом вызывала у нас опасения, мы, используя свои скудные познания в области животноводства, пытались определить — корова это или бык, ведя по этому поводу полушёпотом оживлённую дискуссию.

Прошёл час, другой. Мы уже потеряли всякую надежду встретиться с Борей, как вдруг, в одной из небольших низинок, мы увидели ЕГО. Одного взгляда на Борю было вполне достаточно, чтобы не возникло ни малейших сомнений, что это именно он. На наше появление Боренька отреагировал как-то совершенно равнодушно, смерил нас презрительным взглядом — и отвернулся. Потоптавшись некоторое время на ме-

сте, мы, оглядываясь на Борю, потихоньку двинулись дальше. Со стороны Бори — никакой реакции. Стало даже как-то обидно, а Валера осмелел настолько, что предложил пойти погонять Борьку, будет, мол, вечером что рассказать в лагере. Я с трудом остудил Валерин пыл, предложив ему испытать себя в качестве тореадоров после того, как закончим участок, на что Валера с неохотой согласился. Странное поведение Бори породило в наших головах версию, что колхозные быки, как им и положено, бурно реагируют только на представительниц женского пола и Борька вчера гонялся за нашими девчонками с вполне определёнными намерениями. Ну бык же всё-таки производитель, против природы не попрёшь! Эта версия показалась нам с Валерой вполне убедительной, мы спокойно закончили профиль и по нему же стали возвращаться назад, в лагерь.

Боря топтался на том же месте, снова не удостоив нас своим вниманием, что ещё больше убедило нас в правильности нашей версии.

Как жестоко мы ошибались!

Возвращались мы по профилю в следующей последовательности: я шёл впереди, Валера с магнитометром отстал метров на тридцать. Иду себе спокойненько, летним деньком наслаждаюсь, вокруг деревенская идиллия: коровушки колхозные пасутся, мирно пощипывая травку, впереди лесок небольшой маячит. Благодать! И вдруг мимо меня на бешеной скорости по направлению к лесу пронесится Валера с магнитометром на перевес. «Куда это ты?» — кричу. В ответ Валера прохрипел что-то нечленораздельное, вроде того, что «Отстань, не до тебя», — прибавил скорости и скрылся в лесочке. Не успел я покрутить пальцем у виска, как слышу: сзади топот какой-то. Оглядываюсь, и — о, ужас! — на меня, низко опустив голову, несётся Боренька! Точнее, нёсся-то он, скорее всего, за Валерой (понять бы мне это чуть-чуть пораньше) но, потеряв его из виду и узрев более лёгкую добычу, решил разобраться со мной. Так быстро я не бегал даже в школе, когда сдавал нормы ГТО, а ведь был одним из лучших! Во всяком случае, до леса

я добежал раньше Борьки, иначе не пришлось бы мне сейчас писать эти строки. Боря в лес забегать, к моему счастью, не стал, волков, наверное, боялся. Я же пролетел по лесу по инерции ещё метров сто. Валеру я нашёл уже в лагере, он, видимо, пробежал всю дистанцию до конца.

Отрабатывали мы Шуньгский Наволок неделю, хотя работы было дня на два. Дело в том, что Боря как опытный стратег постоянно менял дислокацию, поэтому каждое утро, перед началом работы, надо было определить его местоположение. В последующие дни Боря ещё несколько раз погонял наших геофизиков, чуть не закопал живьём нашего горнорабочего: подошёл к краю канавы, на дне которой находился этот самый рабочий, и начал копытами, видимо из чисто спортивного интереса, сталкивать выброшенный грунт обратно в канаву.

Закончилась биография Бори героически: осенью местные пастухи рассказали нам, что при попытке загнать Борю на зиму в хлев он боднул рогами кого-то из пастухов, и Бореньку пристрелили.

Одичал, видимо, Боря за лето на вольных хлебах, выиграла в нем кровь диких предков и предпочёл Боренька героическую смерть жизни в неволе.

Медвежий склад

После хмурой и долгой зимы в северную Карелию наконец-то пришла весна. Март проскочил незаметно, в апреле дни стали гораздо длиннее. По ночам ещё хорошо подмораживало, зато дни стояли солнечные и тихие. Зима медленно и очень неохотно отступала на север.

Площадь работ у нас была большой, в качестве транспорта мы использовали снегоходы. В один из погожих дней мы с Виктором, моим напарником, возвращались после работы в полевой лагерь. Едем по старой лесовозной нечищенной дороге и вдруг видим, что из леса на дорогу выходит лосиный след. Причём сразу видно, что лось был ранен, так как снег в крови. Чуть дальше к лосиному следу присоединяется медвежий. Ещё утром этих следов не было.

Проезжаем ещё километров семь и видим поле битвы: снег весь изрыт, измят и залит кровью, кусты и мелкие деревца поломаны. А немного дальше прямо на дороге возвышается огромный, свеженасыпанный сугроб. В общем, ясно, что сошлись на этой полянке два лесных великана и победителем из смертельной схватки вышел Хозяин.

Остановились мы у сугроба, осмотрелись, никого не видно. Ну, думаем, ушёл Мишка, можно будет завтра свежим мясом поживиться. Ведь лось большой, возьмём себе немного мяса, медведь от этого не обеднеет.

На следующее утро мы встали пораньше, покидали в сани лопаты, секиры и топоры и поехали на работу. Подъехали к «медвежьему холодильнику», осмотрелись, вроде бы всё спокойно, со вчерашнего вечера ничего не изменилось. Стали

потихоньку раскапывать тушу. Копаем и чувствуем себя как-то неуютно, на душе — тревога: кажется нам, будто кто-то за нами бдительно наблюдает. Перестали копать, замерли, нет, тихо вокруг, видимо, показалось.

Откопали тушу и собрались её разделять. Вдруг слышим — рядом кто-то недовольно ворчит и похрюкивает. Головы поднимаем, мама родная, в десяти метрах от нас из-за сосёнки высунулась огромная медвежья башка и злобно на нас пялится. Понятное дело, Хозяин страшно недоволен нашим вторжением на его склад.

Подгонять нас было не нужно. Через пару секунд мы прыгнули на снегоходы и растворились в бескрайних карельских далях. Километров через десять остановились, облегчённо вздохнули и возблагодарили Бога за то, что всё так хорошо обошлось, что снегоходы завелись, что Хозяин за нами не погнался. А всё же жаль, что лосятины не досталось. Попили мы чайку и поехали на работу.

Отработали день, надо домой возвращаться. А дорога-то одна. Можно, конечно, и по другой поехать, но тогда крик большой получится, может топлива не хватить.

В общем, возвращаемся старым путём в надежде, что Мишке наскучит целый день свой «холодильник» охранять. А коли так, то, может быть, удастся всё же мясом разжиться... Я как-то бдительность потерял, замечтался. Весна, погожий вечер, душа поёт. Витя от меня удаляется, а я думаю о своём и еду потихоньку.

Вот поравнялся Витя с «медвежьим складом», вижу, что он рукой замахал и газ резко прибавил. Понял я — Хозяин на месте, склад свой сторожит, будь он неладен! Подъезжаю к «холодильнику», смотрю — туша опять зарыта. Медведя вроде бы не видно... Пока я смотрел, снегоход немножко съехал с дороги и зарылся в снег. С ходу не выехать, нужно либо назад отъехать, либо слезть со снегохода и выставить его на накатанную дорогу. Вити и след простыл, а одному сделать это очень трудно, да и уйдёт на это минут десять.

И тут из-за той же сосёнки выходит заведующий складом и медленно так ко мне приближается, радушно улыбаясь. Пару

шажков сделает, постоит, ещё пару, опять постоит. А улыбка у него — всё шире...

У меня, кроме топора, ничего нет. Намерения его и ежу понятны. Если я моментально снегоход не вытащу, то лежать мне в Мишином холодильнике рядом с сохатым. Уж не знаю, откуда и силы взялись, вырвал я снегоход из сугроба, дал газу и был таков.

Лосятины той весной нам не удалось отведать, Мишка жадным оказался. Больше через его владения мы не проезжали, а палатки через день сняли и перебрались в посёлок.

Весна 2002 г.

Детство в Якутии

Кот-рыболов

Летом в 1964 году мне было уже почти шесть лет. Стояла жара, на окраине геологического посёлка бежала быстрая, как девчонка, речка с прозрачной и студёной водой. Даже в жаркие дни температура воды никогда не поднималась выше 10–11 °С. Я очень любил ловить рыбу, поэтому отец сделал мне удочку. Оснастил её крепкой леской, довольно большим крючком и поплавком из бутылочной пробки.

В нашей речке, Эльконке, на оводов и мух клевали небольшие хариусы. Часами я бродил вдоль берега, выискивая наиболее уловистое место. Иногда мне везло, и мой улов достигал 15–20 небольших рыбёшек. Я складывал их в алюминиевый бидон с водой и, счастливый, бежал домой, чтобы похвастаться перед родителями моей удачей. Дома я выпускал рыбок в таз, где они плавали, вяло шевеля плавниками. В эти минуты наш кот Василий не отходил от таза, с горящими глазами он следил за добычей. Иногда Васька пытался выкинуть какую-нибудь рыбёшку из таза. Для этого он делал резкий взмах лапой с выпущенными когтями. Лапа погружалась в воду, но быстрые рыбки всякий раз ускользали. Кот сидел перед тазом и обиженно тряс мокрой лапой. Он мог даже уйти на минутку-другую, однако азарт был сильнее, и кот снова занимал свою выжидательную позицию перед тазом. Потом всё повторялось.

Когда хариусов было много, мама жарила их на большой сковородке. Но все равно хотя бы несколько штук доставалось нашему коту, который рыбу очень любил. Если мой улов был не-

велик, все хариусы переходили в безраздельное пользование кота.

Однажды я проходил всё утро, но поймал всего четыре рыбёшки. Дома, привычно выпустив их в таз на кухне, я пошёл в комнату, чтобы позвать маму. Не успел я подойти к ней, как мимо меня промчался кот, унося зажатую в зубах рыбку под кровать. Там он немедленно принялся с хрустом пожирать её.

Заинтересованные, мы с мамой пошли на кухню. Кот появился в дверях и с деловым видом подошёл к тазу. Не медля ни минуты, он быстро сунул в воду две лапы и голову. Схватив вторую рыбку зубами, кот снова удалился с добычей под кровать. С остальными хариусами было покончено так же быстро.

Мы были удивлены: до этого дня кот был ярким противником воды. Если он приходил с улицы грязным и его нужно было мыть, кот проявлял чудеса изворотливости. Он бегал по комнатам, вырывался, а пойманный, шумно протестовал и потом, мокрый, долго не выходил из-под кровати, обижаясь на нас.

С тех пор оставлять рыбу в тазу стало опасно. Если мы не хотели, чтобы вся рыба доставалась коту, нужно было позаботиться об её сохранности.

Наш шалаш

У меня была верная подружка, Оленька. Она была на несколько месяцев младше меня. Наши родители работали вместе и почти всегда оставляли нас с Оленькой вдвоём. Мы играли, рисовали, бегали на речку и в ближний лесок, за ягодами...

Недалеко от моего дома когда-то давно росли рядом друг с другом четыре дерева, потом их спилили и, используя стволы как ножки, построили верстак. Потом посёлок расстроился, верстак стал никому не нужен и про него благополучно забыли. Однажды, бегая по округе, мы с Оленькой набрали на этот верстак и увидели, что если его обшить с трёх сторон досками, а с четвёртой приладить дверцу, то получится чуд-

ный домик. Мы натащили всяких обрезков от досок (благо пилорама была не очень далеко) и довольно быстро построили домик. Со временем мы, как могли, благоустроили наше «жилище». Я даже умудрился с одной стороны выпилить в стене дыру и вставить туда кусок стекла. Получилось великолепное окно, в шалаше стало гораздо светлее. Потом я сколотил две лавочки, Оленька принесла куклу, я — две кружки и подаренную буровиками бутылку лимонада, и мы справили новоселье. Часто мы сидели в нашем шалаше и играли или смотрели книжки.

Мой отец в те времена курил сигареты «Джебл» и «Новость». Они хранились в фанерной посылочной коробке на углу печки. Мне очень нравилось наблюдать за процессом курения: изо рта отца появлялись замысловатые колечки и голубоватые облака дыма. Мне это казалось каким-то особым таинством, почти что волшебством. И вот однажды я утащил из папиной коробки пачку сигарет и принёс её в наш домик. Там я с видом знатока открыл сигареты, на изумлённых Олиных глазах достал одну и закурил. Но поскольку курить я не умел, то я не вдыхал дым, а просто набирал его в рот и выпускал. Колечки никак не хотели получаться, но я был упрям и закурил вторую сигарету, потом третью. Облака дыма вырывались из щелей нашего шалаша...

В это время мои родители шли на обед и вдруг, подходя к дому, они увидели странные дымы. Отец бросился к шалашу и заглянул внутрь. Последовало короткое объяснение, после чего я пошёл вслед за отцом к дому.

Надо сказать, что в те годы я приносил родителям немало хлопот. У них на вооружении было много различных средств борьбы с моими безобразиями. Так, например, у отца был ремень с якорем, в кругу нашей семьи он носил романтическое название: «Ремень с морякорем». Когда я был сильно в чем-то виноват, наша с ним встреча была неизбежна. Но в этот раз папа нашёл другой способ. Он спросил у меня, правда ли я хочу курить. Я ответил утвердительно, тогда отец сказал, что сигареты курят уже опытные курильщики и что начинать

нужно с «козьей ножки». Он быстро свернул из бумаги тонкую воронку, загнул её и положил в раструб кусок ваты. Я взял «козью ножку» в рот, отец зажёл спичку и... Жесточайший кашель потряс меня, из глаз покатались слёзы, мне было так плохо, что долгое время я не мог прийти в себя. Потом у меня болела голова. Короче говоря, «козья ножка» надолго отбила у меня охоту курить.

Не курил я до поступления в институт.

Оружие

В те времена мой отец работал главным инженером партии № 64 Приленской экспедиции и отвечал за весь процесс производства. При прохождении маршрутов геологи частенько встречались в тайге с медведями. И несколько таких встреч были со смертельным исходом. После этого из главка пришёл приказ — в маршруты брать с собой оружие. На выбор предлагалось взять карабин либо пистолет.

Оружие хранилось в кабинете моего отца, в сейфе. Отец считал, что настоящий мужчина должен уметь обращаться с оружием, и я был благодарным учеником. Иногда отец брал «мелкашку», пару каких-нибудь пистолетов, и мы шли на стрельбище (так назывались брёвна, сколоченные между собой скобами и расположенные в километре от посёлка, возле крутой сопки). Обычно на стрельбище опробовалось оружие перед выходами в маршрут. Патронов в то время никто не считал...

Для меня такие походы были праздниками. Мишенями для нас были, как правило, мои старые поломанные машинки, мы расставляли их и с упоением расстреливали. Короче говоря, я научился обращаться с самым разнообразным оружием.

Однажды мы с Оленькой гуляли по посёлку и она обратила моё внимание на то, что к бревенчатой стене дома нашего «главного охотника» — дяди Вани — приколочена шкура огромного медведя. Тут она и говорит с мечтательным выражением на лице: «Вот бы нам такую шкуру, мы бы постелили её на пол

в шалаше, и было бы здорово». Я согласился с ней и предложил: «Давай завтра пойдём на охоту, я возьму у папы пистолет!»

Сказано — сделано. Оленька по-женски хозяйственно собрала нам с собой узелок с хлебушком, котлетками, конфетами и печеньем. А я спёр у папы ключи, прокрался в кабинет, открыл сейф и... стал счастливым обладателем пистолета ТТ и запасной обоймы к нему.

И вот мы уже шагаем по дороге, уходящей прочь из посёлка. Впереди нас ждут волшебные приключения и в финале — дивная медвежья шкура, которая украсит наш шалаш. За поясом у меня заткнут пистолет. Я держу за руку Оленьку и кажусь себе мужественным, опытным охотником, сильным и очень добрым.

Однако счастье наше было недолгим. Из-за поворота дороги показалась вахтовка, которая везла в посёлок буровиков, отработавших свою смену. Поскольку народу в партии было не очень много, то все знали друг друга. Машина остановилась, из неё выскочил друг моего отца дядя Коля и поманил меня пальцем. Я доверчиво подошёл к нему и был мгновенно схвачен и разоружён. Оленьку тоже «пригласили» в вахтовку. Ещё несколько минут, и Оленька была передана в руки своей мамы, а я предстал пред очи моего доброго отца. Произошёл мужской разговор, я пообещался с «ремнём с морякорем» и был посажен под домашний арест на три дня.

Правда, отец счёл мои аргументы весомыми (как же нам с Оленькой обходиться в тайге без медвежьей шкуры на полу?!) и нам был подарен изрядный кусок старого, драного полушубка, который с успехом заменил в нашем шалаше медвежью шкуру.

Перелётные птицы

На окраине посёлка была вертолётная площадка. Там стояло три вертолёта. Два из них были геофизические, с далеко выступающими вперёд гильзами и какой-то сложной аппаратурой внутри. Вертолётчики и геофизики были моими хорошими зна-

комыми. Частенько они брали меня с собой. Летать повсюду было моим любимым занятием.

Помимо этого, вертолётчики дарили мне опостылевший, но положенный им горький шоколад в тубиках, который мы с Оленькой очень полюбили, несмотря на его горькость. А когда нам хотелось по-настоящему полакомиться, мы выдавливали шоколад из тубика в кружку и смешивали его с сахаром или со сгущёнкой, получалась замечательная штука, которую мы ели ложечками и запивали чаем.

Мне очень нравилось обилие в вертолёте всяческих тумблеров, переключателей и ручек. Когда дядя Вася включал их, мигали цветные лампочки, винт начинал медленно вращаться. И вот тихий свист мотора переходит в пронзительный визг, дядя Вася крутит туда-сюда большую ручку, и мы отрываемся от земли. Это было настоящее блаженство. Иногда мне позволялось включить пару-тройку тумблеров самому. Я был очень горд таким доверием.

Однажды под осень мы с Оленькой сидели возле нашего шалаша и смотрели на стаи птиц, пролетающих над нами. Оленька мечтательно зажмурилась и сказала: «А вот представь, как было бы здорово полетать, как птицы...» Я, конечно, закрыл глаза и начал представлять. И тут мне пришла в голову счастливая мысль: «А ведь можно Оленьку покатавать на вертолёте, при этом мы будем лететь почти как птицы...»

И вот мы уже идём к вертолётной площадке и залезаем в кабину. И я включаю тумблеры, и винт начинает медленно вращаться, а мотор завывает...

На самом интересном месте наши эксперименты были грубо прерваны внезапным появлением почему-то сильно разгневанного дяди Васи. Он заглушил двигатель, грубо схватил нас за шиворот и выволок из вертолёта. Далее всё шло по заранее известному сценарию. Мы попали в добрые руки наших родителей. Появился на свет «Ремень с морякорем» и опять же на несколько дней мы были с Оленькой разлучены...

Каприз погоды

В ту осень морозы пришли рано. Я со своими друзьями любил кататься на коньках. Коньки тогда были совсем другие, не такие, как сейчас. Назывались они «снегурки» и крепились к валенкам при помощи верёвки и палочки, которой нужно было эту верёвку крутить до полного затягивания верёвки вокруг валенка. В посёлке был каток, который заливали, когда уже наступали суровые холода. Но нам, как правило, не терпелось, и поэтому мы начинали кататься на речке. Там в одном месте был довольно широкий разлив, течения в этом месте практически не было, поэтому лёд там образовывался очень быстро. У нас был кусок фанеры с двумя ручками, им мы счищали снег со льда, назывался он красиво — «чистилка».

В то утро мы решили, что уже пора, так как неделю перед этим стояли морозы под 30 градусов. Мы разыскали нашу «чистилку» и принялись счищать снега, выпавшие прошлой ночью.

Мы старались изо всех сил. Постепенно снег на льду убывал. И вот уже лёд гладок. Вдруг я поглядел не на поверхность льда, а вглубь его. Моим глазам предстала чудная картина: в лёд вмёрзла целая стая хариусов. Они стояли головами вверх по течению, причём «в голове стаи» были крупные хариусы, а в хвосте — помельче. Видимо, в одну из ночей мороз был особенно суров, поэтому стая не успела уйти вниз по течению, где наверняка укрылась бы на зиму в реке Алдан.

В том году нам так и не довелось покататься на коньках на том разливе, потому что взрослые ходили на реку, как в магазин. Они вырубали изо льда хариусов сообразно своим вкусам и желаниям. На долгое время все были обеспечены отменной свежемороженой рыбой. А мы, пацаны, нашли себе другой разлив, где рыбы не было...

Костерок

Был канун ноябрьских праздников. В те годы эти праздники отмечались по-настоящему: народ, вопреки всяким приказам из Главка, собирался в камералке. Женщины готовили всякие вкусности (салаты закуски и заедки, даже горячие блюда). Застолье продолжалось долго, расходились за полночь.

Но на этот раз всё было не совсем так. Дети, как правило, не допускались к общему столу. Обычно нас собирали в чьём-либо доме, где был кто-то постарше. Читали книги вслух, играли в какие-нибудь игры. Потом приходили мамы, дети разбирались по домам и укладывались спать. Часто нас оставляли с Оленькой вдвоём, читали мы ещё плохо, зато любили смотреть книги с картинками. Книг было много, игрушек тоже. Но в этот раз мы по чьему-то недосмотру крутились вокруг взрослых. Нам даже удалось перехватить чего-то со стола. Потом мы вышли погулять на улицу.

В это время приехала машина, крытая брезентом. Как оказалось позже, машина привезла взрывчатку. Склад взрывчатых веществ (ВВ) находился примерно в трёх километрах от посёлка. Усталые шофёр и сопровождающий зашли в камералку, где веселье было в разгаре. Конечно, нужно было сначала отвести машину на склад ВВ, а уж потом примыкать к веселию. Но они этого не сделали.

Нагулявшись, мы с Оленькой изрядно замёрзли и решили погреться. И не придумали ничего лучшего, как залезть в машину. Сзади была маленькая лесенка. Мы залезли по ней, открыли дверцу и оказались внутри. Там плотными рядами стояли какие-то ящики, за ними было немножко свободного места, где мы и разместились. В закутке валялась плотная коричневая бумага и несколько щепочек. Костерок получился хороший...

Когда взрослые вышли покурить на крылечко, их взору предстала дивная, почти идиллическая картина: перед камералкой в неверном свете луны стоит машина, крытая брезентом, слегка припорошённая снежком. Вокруг тишина и покой. Из-под брезента валит сизый дымок и видны слабые всполохи огня...

Мой папа бросился в машину, со страшным криком вышвырнул нас с Оленькой наружу, ногами разбросал костерок.

Только матери спасли нас в тот вечер от жестокой расправы. Злосчастная машина очень быстро укатила на склад ВВ. А веселье как-то само собой затухло. Все разошлись по домам, тихие и задумчивые.

1964 г.

Крылатая фраза

Лето в том году выдалось жарким. Наш маленький отряд должен был за сезон сделать двойной объём работ, чтобы выйти с маршрутами на планшеты соседней экспедиции. Но мы — люди к авралам привыкшие, а потому практически никогда не ропщем. Хотя, раз работы много, то и кушать нужно хорошо, а то ведь с голодухи — какие там тяжести таскать, ноги протянуть можно... Единственное, о чем тогда попросили: пусть повариха, которую должны вот-вот прислать в отряд, будет умелая и с чувством юмора. Народ у нас простой, а потому без подколок жить не может, но на это нужно уметь реагировать адекватно.

Могут прозвище какое придумать или просто пошутить неловко. Вот, например, в прошлом сезоне была в отряде повариха по прозвищу Графиня. Я тогда приехал в это место в первый раз, а потому многого не знал и поинтересовался, за что же такое аристократическое имечко девушке дали? Может, изъясняется излишне интеллигентно? — Да нет, объяснили мне, в прошлом году отмечали конец сезона в ресторане, а там, в пьяной драке, ей случайно графином по голове попали...

Итак, начальство пообещало прислать ценного кадра в ближайшие дни, и ведь не обманули, прислали молодую специалистку или из кулинарного техникума или из училища. Девушка хоть и весёлая (над любой шуткой смеётся так, что сам смеяться начинаешь), но очень скромная и стеснительная. Звали её Люся.

Однажды Люся постеснялась начальнику отряда сказать, что у неё на кухне лук кончился, так целую неделю без лука сидели. Хорошо, что на одном лужке росла дикая черемша, только этим и спасались. В отряде и так жизнь пресная, специй практически никаких, а без лука — вообще...

Молодая специалистка готовила плоховато, к тому же, сами понимаете, из скудных припасов, которые присылались полевикам, довольно сложно приготовить что-то действительно вкусное, потому помогали ей все. Кто рыбы принесёт, кто глухаря подстрелит... Конечно, пришлось немного помучаться, ну да ничего, недельку потерпели, зато потом у нашей девушки начали появляться шедевры кулинарии.

Больше всех радовался этим успехам начальник отряда. Человек не очень молодой (по нашим меркам, конечно, нам-то самим по 22–25 лет). Жена у него в городе осталась. А про то, как она готовит, знал весь наш отряд не понаслышке. Дело в том, что не так давно было Стасу сорок пять лет, и приглашал он нас к себе в гости. Многие после этого юбилея еле живыми ушли: такую вкусноту жена его приготовила, что просто оторваться невозможно. Поэтому Стас очень любил вкусно покушать. А ещё он очень любил похвалить человека, особенно если у него что-то очень хорошо получается. И была у Стаса одна крылатая фраза, которую каждый из нас слышал от него великое множество раз.

Когда кто-нибудь отличался, Стас, довольный этим, всегда говорил: «Ну, молодец, готовь дырочку». Типа для ордена. И тут Люся сготовила грандиозный ужин из пяти блюд, и он её так же похвалил...

Большие удивлённые глаза, невнятное бормотание, осторожный тихий вопрос: «Что вы имеете в виду?!» После этого мы от Стаса его любимой фразы больше никогда не слышали...

Лето 1981 г.

Свердловск

Театр

Со школьных лет я увлекался рок-музыкой и играл в ансамбле. После поступления в институт я решил продолжить эту практику. Оказалось, что там уже существовало несколько вокально-инструментальных коллективов. Я гармонично влился в один из них, он, кстати, назывался «Гармония». Поскольку со школьных лет я сочинял стихи и музыку, то частенько на вечеринках и танцах мы играли эти «вещички». Я не заканчивал никаких музыкальных школ, зато в новом коллективе было два человека с музыкальным образованием. Они помогали сделать хорошие аранжировки. Можно было просто насвистеть им мелодию, пришедшую на ум, и они делали из неё музыкальный шедевр.

Кроме того, в нашем горном институте был СТЭМ (студенческий театр эстрадных миниатюр). Иногда на сцене ставились спектакли, в которых требовалось музыкальное сопровождение, его-то мы и обеспечивали. Во время репетиций наш ансамбль неизменно присутствовал в зале, внося разнообразие в монотонность действия.

Незадолго до Нового года ставился как раз такой спектакль. Я не помню его названия, да это и не важно. Сейчас жаргонно я бы его назвал так: «Из жизни господ офицеров». По ходу дела там эти самые «господа офицера» сидят за столом и играют в карты. В этот момент девушка в роскошном вечернем платье выходит на сцену, проходя мимо стола, она останавливается, смотрит в карты одного из них и произносит сакраментальную фразу: «Пики козыри!». Потом, покрутившись минутку на сцене, исчезает.

В этой роли дебютировала девчонка из параллельной группы, звали её Юлька. Она получила свою роль примерно за месяц до спектакля. Каждый день Юлька репетировала, при этом она изнурила всех, внезапно появляясь в самое неподходящее время и с необычайной страстью восклицая на все лады: «Пики козыри!». Короче, за этот месяц она утомила своей ролью всех. С нетерпением мы ждали дня спектакля. Генеральная репети-

ция пришла без сучка и задоринки. И вот он наступил, долгожданный день премьеры!

Большая часть спектакля была сыграна. Появился стол с игроками. Ещё минута, и вот она, Юлька, торжественно шествует по сцене в великолепном платье. Подходит к столу, изящно перегибается через плечо одного из игроков и громко, с тщательно отрепетированной интонацией, произносит: «Коки пизари!». На мгновение зал замер, а потом взорвался оглушительным хохотом.

С тех пор бедную Юльку подкарауливали в самых неожиданных местах и шептали на ухо: «Коки пизари». Но со временем это надоело. Тем не менее фраза прочно вошла в жизнь института. Теперь при игре в карты студенты частенько с чувством вопрошали: «Пики козыри? Нет! Коки пизари!».

Зима 1976 г.

Подмосковье

Политика партии

Мой друг, Вовочка Семеняко, давно не бывал в деревне, откуда шли его корни по материнской линии. Приехав к своей бабушке, он увидел, что за последние годы, пока его здесь не было, ничего не изменилось. По-прежнему процветало беспробудное пьянство и воровство. Даже безжалостная погода за эти годы не изменилась: запланируют в правлении колхоза получить богатый урожай, так ведь нет! То дожди льют всё лето, то засуха душит, то ветер непослушный дует не с той стороны. Вот урожай и нет никогда!

Даже политические перемены не влияют на жизнь в родной деревушке. Разве что выездные суды над «расхитителями социалистической собственности» отменили. Раньше, бывало, поймают злодея, укравшего ведро мороженой картошки, да и впаяют ему лет 10 для всеобщего устрашения.

Да, может, ещё не стало компаний «против акул американского капитализма», «за свободу Анжелы Дэвис и Луиса Корвалана», когда голосовали всё «единогласно».

Зато Вовочке удалось поучаствовать в компании против пьянства и самогоноварения. Бабушка у него была хоть и старенькая, но шустрая. И самогонку гнала всегда, приторговывая ею и приговаривая при этом: «То к пенсии моей хоть и малая, а всё ж — подмога». Получала бабушка 61 рубль 43 копейки, и было ей мало. Вот Вовочка и разъяснил ей политику партии: «По новому закону аппарат и продукт, который он производит, необходимо регистрировать в милиции». Что бабушка и сделала. Но тогда Вовочка ещё не знал, что из этого получится.

У участкового от такого — глаза на лоб. Регистрировать он, понятное дело, ничего не стал, он просто всё конфисковал. Несчастливая бабушка с печальным плачем гонялась за Вовочкой полдня, при этом норовила огреть его лопатой промеж лопаток. Однако Вовочке удалось спастись.

Зато областное начальство было довольноно. Уже через пару дней они попросили приехать в деревню корреспондентов из «Правды» и ещё каких-то газет и раструбили об этом случае по всей стране. Называлась статья: «Народ и партия едины», там был портрет бабушки в её единственном приличном платье. Через некоторое время приехал секретарь районного комитета и наградил бабушку медалью «За трудовую доблесть». В довершение всего в газетах появилась вторая хвалебная статья, после которой «доблестной, сознательной, политически грамотной крестьянке» дали персональную пенсию, аж 120 рублей!

Бабушка радовалась неимоверно. Ведь теперь участковый к её избе и близко не подходил. На первую же пенсию «сознательная, идейная крестьянка» купила себе новый самогонный аппарат и начала его напряжённо эксплуатировать.

Так, благодаря Вовочкиным стараниям, зажила бабушка хорошо.

1984 г.

Трудовые рубли

Дело было в восьмидесятые. В то время мой друг, Вовочка Семеняко, учился в геологоразведочном техникуме на вечернем отделении. Днём же он работал на заводе, где производилась гидрометеорологическая аппаратура.

На улице царила весна, настроение было воздушное. Хотелось летать, знакомиться с девушками и объясняться им в любви... Но наступал вечер, и приходилось плестись в этот техникум, будь он неладен.

Одна была радость: сегодня Вовочка получил зарплату, правда, выдали её одними рублями. Вовочка надел свой чудный болоньевый плащ с накладными карманами, так как на улице шёл дождь. А деньги (целую пачку рублей!) положил в карман.

Дойдя до дома, Вовочка обнаружил, что сам-то он сухой, зато деньги промокли насквозь. Вовочка прошёл на кухню и развесил деньги на бельевых верёвках, чтобы они просохли. Переодевшись, Вовочка стал собираться в техникум. Осталось перекусить, и можно было выходить из дома.

В это время позвонили в дверь. Вовочка открыл и обнаружил на пороге соседа с нижнего этажа, у него кончился хлеб, а идти в магазин было лень, вот он и пришёл одолжить пару кусочков. Они прошли на кухню, где щедрый Вовочка отрезал соседу изрядный кусок булки. Сосед поблагодарил, потом на секунду замер и, глядя на деньги, висящие на верёвке над головой, спросил заговорщицким шёпотом: «Откуда столько рублей?..» Вовочка по природе был юморным парнем и таким же шёпотом, подкатив глаза, ответил ему: «Это я только что напечатал, видишь, сушу. Только ты не проболтайся никому!» Сосед понимающе закивал и быстрой рысью скатился вниз по лестнице к себе.

Через некоторое время, когда Вовочка уже совсем было собрался идти в техникум, в дверь его квартиры снова позвонили. На пороге стояли люди в форме, со стальными глазами меловых крокодилов*.

* Примечание. В меловой период (примерно 144 млн лет тому назад) на Земле обитали крокодилы, страшно свирепые и кровожадные. По словам очевидцев, у них были стальные глаза.

«Где деньги?» — спросили они зловещим голосом. «Пройдёмте на кухню» — отвечивал Вовочка.

«А где же печатный станочек?» — ласковым голосом спросил один из них. Вовочка уже обо всём догадался, потому без зазрения совести сказал: «Он внизу подо мной, этажом ниже спуститесь, там он, в полной сохранности». Один остался составлять протокол и слушать Вовочкины объяснения, а двое других рьяно ринулись вниз.

В это время добрый сосед Вовочки, ни о чём не подозревая, гнал самогон...

Время было суровое. У власти стоял Андропов. По стране шла суровая и непримиримая борьба с пьянством и самогонварением...

Весна 1983 г.

Москва

«MADE IN JAPAN»

Третий курс института, зимняя сессия, общежитие «Рудознатцы». Во время подготовки к экзаменам мы обычно не курили в комнате. Если заниматься в прокуренной комнате, быстро начнёт болеть голова, тогда уже не до занятий. А так — учишь, пьёшь чаёк и выходишь покурить в коридор.

Был второй час ночи. До очередного экзамена оставалась пара дней. Я решил: ещё одна сигаретка, повторяю пару билетов и ложусь спать.

Сажу на корточках в коридоре, курю. Вдруг в конце коридора показывается нелепая фигура, ко мне медленно, походкой нетрезвого человека приближается араб из параллельной группы. Но это бы ничего, явление отнюдь не редкое, вот только араб волочит за ногу абсолютно голую девицу. Девица при каждом его шаге трясётся, как сосиска, голова её колыхается, рас-

трёпаннные белокурые волосы волочатся по полу. При этом девица даже в слабом свете ночного коридора очень красива.

Араб медленно приближается ко мне, во рту у него незажженная сигарета. Поравнявшись со мной, он легко берёт девицу под мышку, как будто та ничего не весит или араб вдруг стал необычайно сильным. Просит прикурить, я щёлкаю зажигалкой и в этот момент вижу на девичьей ягодице штамп: «MADE IN JAPAN». Тут до меня доходит, что это резиновая игрушка, причём высочайшего качества: глазки, ногти, реснички и прочие волоски, словом всё, что нужно, присутствует в нужных местах. При этом у девочки этакая полуулыбка на устах, как у Моны Лизы. Я о таком натурализме только слышал когда-то, но увидел в первый раз.

Прикурив, араб удалился в свою комнату. С девицей. А я пошёл к себе. Дальше всё закрутилось. Консультация, подготовка, экзамены. Об этом случае я почти забыл.

Мы с несколькими моими друзьями экзамены всегда сдавали в первой пятёрке. Чего тянуть, перед дверью дрожать, недаром же говорят: «Перед смертью не надыхишься!» Иногда сдавали хорошо, а чаще — отлично. Так было и на этот раз.

Сдав экзамен, мы решили отметить это событие. Бодрым шагом мы направились в «Яму», нашу любимую пивнушку. Посидев там часа два и опрокинув по три-четыре кружки пива, мы разошлись по домам. Наши москвичи поехали к себе, а мы с Олегом — в общагу. По дороге решили продолжить праздник и купили пару бутылочек винца и кусочек мяса. Приехав в общагу, мы стали ждать нашего третьего товарища, который обычно сдавал экзамен «в последних рядах». Приготовили ужин и не спеша сели за стол, решив оставить Шурику его пайку, если он совсем опоздает.

Покушали, а Шурика всё нет. Тут мне в голову пришла мысль его разыграть. Я рассказал Олегу про резиновую куклу, «MADE IN JAPAN» и про мой план. Идея ему понравилась, и мы попросили игрушку у араба. Поскольку Шурик необычайно стеснителен и с женщинами дела никогда не имел, предложено было голую куклу положить к нему в постель, а ему сказать, что внезапно к нему приехала его знакомая (так, по крайней мере, она нам сказала). Но поскольку она не трезва, то просила её не будить.

Мы положили девочку Шурику в постель. Я одолжил у знакомых девчонок всю необходимую одежду и обувь, и мы разбросали всё это, будто девушка, пришедшая под хмельком, беспорядочно разделась и легла в кровать.

Вскороности пришёл Шурик, мы шёпотом объяснили ему ситуацию. Шурик не захотел будить незнакомку, наскоро перекусил и пошёл к кому-то в гости. Приходил он раза три, осведомлялся, не пробудилась ли гостья, и снова удалялся.

Во время его отсутствия мы переворачивали куклу, будто она ворочается во сне, обнажали ей то ножку, то грудь. Выглядела она очень соблазнительно, однако Шурик шарахался от неё, как чёрт от ладана. Под конец нам всё это надоело, и мы совсем уже было собрались открыть ему наш секрет, когда он пришёл с твёрдым намерением лечь спать и стал тихонечко расстилать на полу свой спальник.

Тут мы возмутились и сказали ему, чтобы он ложился к ней. Однако Шурик никак не соглашался. Тогда мы «стали будить» куклу, содрали с неё одеяло и даже попытались подвести её к Шурику. Когда Шурина рука случайно коснулась обнажённого тела, он страшно испугался её холода и закричал, что она умерла.

Мы не выдержали и рассмеялись. До Шурика дошло, что он гнусно обманут, и он погнался за нами. Вот так и заботься о друзьях, а ведь какую девочку ему нашли...

Январь 1980 г.

Первый день весны

(юмористический рассказ)

Сегодня первый день весны. Радуйся! Настроение — чудо!!!
Всё так прекрасно, ведь Жизнь Полна Неожиданностей!!!

Клетка. Прочные прутья. Засовы надёжны, из неё не убежать. Эта клетка — мой мир. А прутья — это мысли, которые роятся в моей голове. Все они говорят, кричат, шепчут: «Ты один в этом мире, парень...».

Надежды на вызволение из клетки напрасны. Что, сколько раз пробовал убежать на волю? Несколько... Попробовать ещё раз? Нет уж, спасибо, слишком больно биться о сталь, и так уже несколько клыков выломал...

...Идёт Она, пришла в зоопарк, посмотреть на диковинного зверя. Право, как интересно. Люди, посмотрите-ка, какие у него глаза. Зелёные. Зверь с тоской взирает на весёлую толпу. Хочется на волю. Так надоела эта мерзкая клетка. Но что это? А, у Неё в руках ключ от клетки, о чудо, Она идёт сюда. Ближе, ещё один шагок. О, Боже, ну что же Ты медлишь, отопри скорее эти постылые замки, выброси их, и я вознагражу Тебя лаской. Я буду предан Тебе одной до конца дней. Я вцеплюсь в горло любому обидчику. Верь, ты не пожалеешь о своём поступке.

Зверь мечется по клетке, а что Она? Подошла поближе, помахала ключом возле морды, прошептала несколько забавных словечек и... пошла.

Зверь сначала не понял, что же произошло? Ведь вот же Она, только что была здесь. Даже запах духов ещё не успел унести ветер. Бросок, ещё, ещё... Всё горит внутри от отчаяния. Потом — апатия ко всему, глаза, полные тоски.

Клетка. Прочные прутья. Засовы надёжны, из неё не убежать. Сегодня первый день весны.

1.03.82 г.

Приморье

Случай на берегу

...во время перебазировок всегда храните ружья и патроны в доступном месте...

Вертолёт долго ждали, но он, как водится, прилетел внезапно. Погрузка была короткой, но очень нервной. Хотя отряд и состоял всего из семи человек, но вещей было на все двадцать. Нам желательно было высадиться недалеко от берега моря, но так, чтобы таскать вещи по минимуму. Мы присмотрели чудную полянку, её пересекал маленький прозрачный ручеёк. Одна беда: вертолёт там сесть не мог, т. к. деревья росли слишком близко друг к другу и к краю этой небольшой прибрежной равнины. Пришлось сажать вертолёт на узкую прибойную полосу. Хотя подъём наверх был не очень крут, но таскать вещи наверх никому не хотелось. Однако пришлось быстро разгрузиться, чтобы не задерживать вертолёт. Вещи лежали беспорядочной кучей. Вертолёт улетел. Народ осматривался.

Вдруг кто-то заметил медведя, не спеша бредущего по прибойной полосе в нашу сторону. В народе возникла некоторая суета. Кто-то лихорадочно искал в куче вещей карабин, кто-то патроны к нему. Кто-то нашёл ракетницу, прицелился и выстрелил в сторону медведя. Ракета упала перед ним и стала плясать на камнях, шипя и разбрасывая в разные стороны искры. Медведь повернулся и побежал от нас со страшной силой.

Эти идиоты с торжественными воплями припустили за ним следом, вообразив себя индейцами. В припадке счастья первый преследователь выстрелил из ракетницы снова. Описав длинную дугу, ракета упала перед мордой зверя.

Медведь ударил по тормозам, развернулся и, обезумев от страха, поскакал в нашу сторону. Преследователи остановились, больше патронов не было...

Я впервые увидел, с какой ловкостью и быстротой люди лезут на неприступную в том месте стену. В том же месте, где стоя-

ли мы, подъём был относительно пологим, поэтому мы без труда взобрались наверх.

Медведь пробежал мимо наших вещей и скрылся вдалеке, за поворотом прибрежной линии...

Только через час народ пришёл в себя и смог поднять вещи наверх. Палатки ставили в молчании. Урок был хорош.

07.79 г.

Монголия

Откачка

Перед отъездом из Карелии московские начальники прожужжали мне все уши про то, что в Монголии меня давно ждут, что всё готово для проведения откачек и компрессор уже стоит под парами. Они звонили несколько раз и говорили, что нужно срочно ехать и возглавить всё это дело, так как своих специалистов у них нет. По приезду в Монголию выяснилось, что хотя меня здесь и ждали, но никакого «компрессора под парами» у них нет. И даже более того: как проводятся откачки и что для этого нужно, они не знают. А уж про то, что для этого необходим какой-то мифический компрессор, вообще слышат в первый раз. Пришлось быстренько написать коротенький проект и составить перечень необходимого оборудования.

Мне безотлагательно вручили большой баул с тугриками, дали русскоговорящего монгола в сопровождающие, и мы поехали... Носились по всей Монголии, без перекуров, купили трубы, шланги, всяческое железо и, конечно же, новенький компрессор. Словом, всё, что необходимо для работы. Оказалось, что здесь можно торговаться, и когда я отчитывался перед своим новым начальником за израсходованные деньги, он очень удивился тому, как я дешёво всё купил.

Потом ещё неделю сварщики по моим чертежам варили необходимое оборудование, а я вручную мотал фильтры. Скучать не приходилось.

И вот наконец-то приготовления закончены. После торжественной погрузки оборудования на грузовик мы отъезжаем в бескрайние просторы.

Часа через четыре мы подъехали к группе юрт, стоящих посреди степи. Рядом с ними возвышались три буровых станка. Немножко поодаль располагался голубой вагон, в котором жил мой новый сокоешник, вернее, сораскладушечник, участковый геолог, Алексеевич.

Степь — название условное, скорее это бескрайняя равнина, полого опускающаяся к реке Туул с одной стороны и так же плавно поднимающаяся вверх и окаймлённая далёкими горами с другой стороны. В этом живописном местечке наши специалисты обнаружили месторождение золота, компактно залегающее на небольшой глубине.

После отъезда начальства Алексеевич отправил меня знакомиться с буровиками, сказав напоследок, что сам он для общения с ними уже стар (хотя на вид ему было не более 60 лет). Позже я понял, что он имел в виду.

К счастью, большинство монголов худо-бедно говорят по-русски. В дальнейшем это сильно упростило дело.

Все буровики были монголами. Возле юрты их было трое. Их имена оказались просто замечательными: одного звали Баян Жаргал, а двух других Эрден Хуяк и Бат Хуяк. После короткого разговора о жизни я достал из сумки бутылку «Архи» — монгольской водки, при этом Баян Жаргал удалился в юрту и принёс довольно грязную, но обширную пиалу. А два Хуяка закурили по сигарете, привезённых мною из Москвы. Водку налили в пиалу, и она пошла по кругу. При этом никакой закуски предложено не было. После нескольких «кругов» подошли ещё три буровика, их имена, ещё более замысловатые, я приводить не решаюсь. Один из них принёс литровую бутылку спирта и луковицу, после чего угощение продолжилось... В голубой вагон я пошёл при слабом свете догорающего дня, ступая по степи неуверенной походкой.

Утро началось с обхода буровых. Наши друзья, монголы, бурили скважины древними станками 50-х годов ударно-канатным способом. Всё оборудование буквально дышало на ладан. Электрические провода были скручены не изоляцией, а какими-то грязными тряпочками. Вместо потерянных болтов были опять же эти пресловутые тряпочки. На мой вопрос, часто ли техника ломается, я получил замечательный ответ: «О, почти всё время! Мы уже привыкли». В том, что они привыкли, я убедился позже: осенью они безропотно стояли под дождём, при этом их немилосердно долбало током. (К счастью, у меня было закуплено несколько мотков изоляции, которой мы перемотали особо важные контакты.)

Мне необходимо было произвести 6–8 откачек из скважин, чтобы рассчитать ожидаемый водоприток в будущий карьер. Началось бурение.

Монголы — очень интересный народ, их любимое время препровождения — наблюдать за работой других. Так было и сейчас. Пока два буровика неумело наворачивали одну трубу на вторую, двое других мирно присели на корточки, покуривая и переговариваясь, наблюдали за этим занимательным занятием своих товарищей.

Рядом с буровой проходила дорога, по которой мы сюда приехали. По дороге быстрой и целеустремлённой походкой шёл монгол с рюкзаком. Поравнявшись с буровой, он остановился и стал внимательно наблюдать за сложным процессом скручивания труб. Потом он закурил и присел на корточки. Ещё минут через десять он подошёл к нашим буровикам и о чём-то с ними заговорил. Потом он снял рюкзак и куртку и стал помогать нашим буровикам. При этом те два буровика, которые курили поодаль, продолжали всё так же сидеть. Потом наступило время обеда.

«Чужой» монгол пообедал с буровиками, покурил и тронулся по дороге в обратный путь. Я спросил у наших монголов, куда он шёл и почему пошёл обратно.

— Да жена его в город за презервативами отправила, сегодня он не дошёл, завтра снова пойдёт, — ответили мне буровики...

Наконец, скважину пробурили до нужной мне глубины, я размотал шланги и опустил их в скважину. Сначала нужно было сделать прокачку, чтобы удалить со дна лишний песок и мелкие камушки. Обычно этот процесс занимает несколько часов. Все прочие приготовления заняли оставшееся до вечера время, поэтому основные работы решено было начать с утра.

Каково же было моё удивление, когда утром я обнаружил человек пятнадцать монголов и монголок, стоящих недалеко от скважины с различной посудой (вёдрами, бидонами и даже тазами). Я спросил: «Что делают здесь все эти люди?» Оказалось, они собрались со всей округи, потому что наши монголы распространили слух о том, что завтра будет «откачка». Будет много чистой воды.

Дело в том, что с питьевой водой здесь плохо, поэтому монголы для всяких целей берут воду из реки, а она очень мутная. Пришлось прибегнуть к помощи переводчика и объяснить им, что чистая вода будет завтра, а сегодня нужно разойтись по домам, набравшись терпения. Но то ли перевод был неточным, то ли люди просто не поверили, только никто не ушёл. Я попросил, чтобы они хотя бы отошли подальше, на безопасное расстояние, потому что сейчас будет очень грязно. Однако и эти слова не возымели своего действия.

Тогда я командовал дизелисту: «Давай!» Компрессор возопил на всю степь, шланги начали распрямляться, из скважины ударил фонтан воды, перемешанной с камнями, грязью и песком. Всё это поднялось в воздух метров на двадцать и со страшной силой обрушилось на мирных скотоводов. Крик ужаса вырвался из их глоток, они повернулись и бросились наутёк. В это время шланг сорвался с проволоки, на которую был прикреплён, видимо, не очень надёжно, и, извиваясь в воздухе как гигантская змея, упал сверху на убежавших, добавив в их нестройные ряды паники.

Компрессор заглушили, шланг вернули на своё место, прокачка началась вновь, на этот раз более успешно. Скважина ещё некоторое время поплевалась, затем всплески стали не такими высокими. Постепенно вода пошла чище и чище, грязь

пропала, количество песка уменьшилось. Я остановил прокачку, буровики помогли мне накрутить оголовок, присоединить толстые гофрированные шланги к баку-успокоителю. Откачка началась вновь. Только на этот раз вода бежала спокойной струёй. Постепенно она осветлилась и стала почти прозрачной.

Убежавшие вдаль монголы стали робко приближаться к месту некогда «военных» действий. Несколько наиболее представительных из них подошли ко мне и сказали: «Откачка — му!» Что значит, по-монгольски, плохой.

Ещё через некоторое время вода стала совсем чистой, осмелевшие монголы наполнили свою посуду водой и уехали (кто на повозках, кто на лошадях, навьючив на них бидоны).

Сентябрь 1994 г.

Ленинград

Удачный полёт

Жизнь на Севере, в Архангельской области, нравилась мне ещё и тем, что в то время было много работы, которую мы выполняли с удовольствием. Мы были молоды, полны оптимизма и сил. Приходилось работать без выходных, часто по 12 и более часов в день. За это мы получали отгулы, во время которых я любил встречаться со своими друзьями в Ленинграде и в Москве.

Обычно поездка начиналась с Ленинграда и заканчивалась Москвой. Шло лето 1984 года, мне необходимо было попасть в Москву, возникли какие-то проблемы с моей московской пропиской. Я решил на пару дней заскочить в Ленинград к моим друзьям Галицким. При этом билеты в Москву я купил заранее.

Мы очень весело пообщались эти два дня. Причём в последний перед моим вылетом вечер просидели часов до двух ночи. Как всегда бывает в таких случаях, утром я проспал. Друзья быстро заказали мне такси, пока я лихорадочно умывался и пил чай.

Машина пришла довольно быстро, и я, попрощавшись, выскочил из дома. Несмотря на скорость, с которой мы ехали, я всё равно безнадежно опаздывал. Вылет был в 8 утра, а когда я выскочил из машины, было уже без десяти 8. Понятно, что регистрация уже давно закончилась. Я был в костюме и с дипломатом в руке, другого багажа у меня не было.

Когда я с умоляющими глазами и паспортом в руке подбежал к стойке регистрации, над ней горела табличка: «8:00 МОСКВА», номера рейса не было. Девушка в униформе, завидев меня, с радостной улыбкой сказала: «Так это вас так долго ждут!» Я сказал, что, конечно, меня! Мне было велено быстро бежать к первому выходу, где меня ждал автобус. Ни паспорт, ни билет у меня даже не смотрели.

Добежав до выхода, я был немедленно посажен в автобус, который довёз меня до трапа самолёта. Возле трапа стояла довольно большая толпа народа, которая медленно просачивалась внутрь лайнера ТУ-154. Я сразу же уловил странность, с которой люди попадали в самолёт: их выкликивали по фамилиям, причём фамилии были явно не русские. Выяснилось, что это туристы из Италии. Тут я вспомнил, что в Москве идут Игры доброй воли, поэтому много иностранцев.

И вот уже остался один я. Две девушки-бортпроводницы сначала посмотрели с недоумением на меня, потом друг на друга. На лице у них застыл немой вопрос... Тут я нашёлся и быстро сказал: «Спокойно, товарищи, я с этой группой». Девушки понимающе закивали головами и проводили меня внутрь салона.

Там они усадили меня в кресло в первом ряду. В некоторых самолётах был такой ряд, расположенный спиной по ходу самолёта и лицом ко всем остальным пассажирам.

Самолёт пошёл на взлёт, я достал газетку Morning Star, случайно оказавшуюся в моём дипломате, и принялся перелистывать её, временами кидая строгий взгляд на людей в салоне.

Через некоторое время стали разносить прохладительные напитки, а также разнообразный алкоголь в невиданных в те времена в Советском Союзе маленьких бутылочках. Я взял себе пару соков, предусмотрительно отказавшись от алкоголя, в лице разносившей алкоголь стюардессы я заметил полное понимание

и одобрение: человек на службе. На самом деле я просто убоился: вдруг потом валютой расплачиваться, а где её взять?

Долетели мы быстро и благополучно. К трапу самолёта подкатил шикарный автобус, я вышел последним. Встав рядом с водителем, я дождался, пока автобус не выкатился за пределы аэропорта. Здесь я немедленно попросил остановиться, пожелал всем счастливого пути, помахал им на прощание ручкой, и автобус умчался. Тогда я с облегчением поймал такси и поехал к себе домой. Путешествие закончилось благополучно.

Лето 1984 г.

Архангельск

Из жизни индейцев

Зима в 1989 году была не очень суровой, поэтому наша дочь Аня часто посещала садик. Во время зимних каникул по телевизору часто показывали фильмы про индейцев. Иногда кое-какие фильмы ребятам удавалось посмотреть, что называется, через головы воспитательниц, молодых девчонок, которые работали в садике. Я и сам с удовольствием смотрел такие фильмы в те времена.

Гойко Митич бегал с томагавком, скакал на коне, совершал разные подвиги во имя добра и справедливости.

Однажды мы с дочкой сидели на кухне и смотрели кино про индейцев вместе. Ей было четыре года, она росла очень любопытным ребёнком и частенько задавала нам вопросы. Некоторые из них ставили нас в тупик, а некоторые очень веселили.

Так вот, Аня сидела у меня на коленках и внимательно смотрела, как индейцы разукрашивают себе лица. Этот процесс её необычайно заинтересовал, она спросила у меня с изумлением: «Зачем они это делают?» Я, не задумываясь, ответил, что они готовятся выйти на тропу войны.

Видимо, дочка запомнила это. Прошло несколько месяцев, наступила весна. Мы всей семьёй собирались в гости к друзьям. Мои девчонки прихорашивались. Я сидел на кухне и ждал их. Аня бегала туда-сюда, довольная, что её тоже берут в гости. Внезапно она прибежала ко мне с тревожно-удивлённым криком: «Папа! Иди скорее сюда! Смотри, мама готовится выйти на тропу войны!»

В это время наша мама просто красила себе глаза и губы...

Весна 1989 г.

Кольский

Волшебная лампа

Долгое время я не хотел рассказывать никому эту историю. Однако промчались долгие годы и многое изменилось...

В связи с тем что в геологии все друг друга знают, я не буду называть имени моего товарища. Но наверняка многие узнают его и так.

В юности у моего друга была одна очень странная знакомая. Правда, странность её проявлялось лишь в одном. Даже не знаю, как сказать... В общем, она очень любила комментировать некоторые особо острые моменты их близости. Причём прямо в эти самые моменты. Всё было бы ничего, но она употребляла интонации спортивного комментатора. Что интересно, и себя и его она именовала в третьем лице. Или называла именами каких-либо полюбившихся ей литературных героев. Или вообще безлично. Часто качество комментариев приносилось в жертву количеству. Тогда вовсю в ход шли штампы.

Например: «И вот наконец-то два молодых тела сплелись в страстных объятиях».

Или: «И вот измученный жаждой путник готов захлебнуться влагой священного источника».

Надо сказать, что иногда «путнику» от делового тона таких комментариев становилось не по себе, и только его могучая неизбалованная энергия вкупе с редкой красотой подруги позволяла довести до конца историю со священным источником.

И вот однажды в самый разгар страстей он был назначен Аладдином, а сама она стала на время волшебной лампой, которую Аладдин должен был тереть до появления джинна. Всё шло неплохо, и, судя по комментариям, доносящимся до Аладдина, джинн уже был совсем близко. Во всяком случае, шёл такой текст: «Нелегко пришлось Аладдину. Но он почти у цели. Ещё несколько взмахов, и волшебная лампа взорвётся и подарит Аладдину секрет блаженства...»

В этот момент хилое фанерное дно старого топчана выскочило из пазов и Аладдин вместе с лампой со страшным треском обрушились на пол. В полёте он врезался носом в раму топчана, от боли в голове у него всё помутилось. В этот момент он услышал спокойный голос: «Сезам открылся...» Он не верил своим ушам. Девушка продолжала: «...но ключюч, ключюч... из двери надо вынуть, а то очень больно...» Мой друг не мог понять, о чем она говорит? Он был уверен в том, что ключ уже вылетел сам собой в процессе катастрофы. И только в момент, когда он помогал ей подняться, он смог оценить всю самоотверженную силу женской фантазии. Оказывается, в момент катастрофического падения с небес в изящный зад его волшебной лампы воткнулся невесть откуда взявшийся шуруп...

Интересно, найдётся ли хоть один мужчина в мире, который скажет что-нибудь подобно-романтическое, если ему в минуту любовной страсти в задницу внезапно воткнётся кривой гвоздь?

А Аладдину пришлось осыпать волшебную лампу поцелуями и наливать ей шампанского...

1982 г.

Во времена развитого социализма с человеческим лицом (интересно, с каким лицом «неразвитой» социализм был? Олигофрен, дебил, даун?) производственная деятельность любых отраслей народного хозяйства не обходилась без руководящей роли КПСС. И апофеозом всесоюзного маразма явилось внедрение в практику написание личных творческих планов работников различных предприятий. Трудящиеся должны были принимать их ежегодно вместо социалистических обязательств, которые как-то незаметно исчезли из поля зрения (принципиальной разницы не вижу). Выполнение этих планов учитывалось при подведении итогов работ и в конечном итоге влияло на размер премии, которая выплачивалась нам, как правило, по завершению полевых работ ежегодно. Об одном из эпизодов этой грандиозной эпопеи я и хочу вам рассказать.

Керноскоп

В январе 1984 года нужно было представить личные творческие планы. А поскольку я был тогда главным геологом аэрогеофизической партии № 6, то партбюро потребовало от меня написать рационализаторское предложение. Нужно сказать, что приличные премии за внедрение этих предложений получали наши руководители, а рационализаторы получали рублей по 10–15. Поэтому прессинг с их стороны был довольно ощутим.

Основной работы было много, и придумывать что-то серьёзное не хотелось:

«Отпишусь, чтобы отстали», — решил я. Взял в техническом отделе «типовую межведомственную форму № Р-1», утверждённую ЦСУ СССР 18.08.76 № 681, и сел писать предложение.

ЗАЯВЛЕНИЕ НА РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Подумал и написал:

КЕРНОСКОП (приспособление для первичной документации керна скважин) ОПИСАНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(Привожу документ дословно, поскольку само предложение осталось у меня на долгую добрую память.)

«До настоящего времени первичная геологическая документация керна, его описание и целенаправленное опробование затруднялось из-за того, что поверхность керна в результате загрязнения шламом, глинистым раствором и т.п. приобретала неестественный для породы цвет, а текстурные элементы были практически неразличимы. При первичной документации керна приходилось отбивать отдельные куски керна длиной 10–20 см, вынимать их из ящичков, отмывать в ёмкости с водой и затем, после описания и опробования, опять укладывать в ящички.

Таким образом, производилось неоправданно большое количество подобных операций (особенно при документировании однородных монотонных толщ), отнимающих большое количество времени.

Настоящее приспособление позволяет производить быстрый просмотр керна и наметить для описания интервалы глубин наиболее представительные и интересные в геологическом отношении.

Приспособление КЕРНОСКОП представляет собой ЛЫКОВОЕ МОЧАЛО, ЗАКРЕПЛЁННОЕ НА ДЕРЕВЯННОЙ РУЧКЕ, И ВЕДРО С ВОДОЙ.

С помощью КЕРНОСКОПА представляется возможным быстрое смывание с поверхности керна шлама и других загрязнений, после чего kern становится пригодным для просмотра и документации.

17 января 1984 г.

Автор: А. Снытко

Мои друзья-коллеги написали заключение по предложению, был составлен АКТ ВНЕДРЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ за подписями начальник цеха, ответственного по БРИЗу, и моё предложение пошло на комиссию.

Председателем комиссии был главный инженер ПГО «НЕВСК-ГЕОЛОГИЯ» Анатолий Васильевич Куликов, колоритный мужчина, длительное время работавший в геологии. Его громогласный голос брал за душу, а иногда и до печени добирался. Столь жизнеутверждающий эффект достигался ещё и энциклопедическими знаниями идиоматических выражений великого и могучего русского языка.

ИЗ РАССКАЗОВ ОЧЕВИДЦЕВ — ЧЛЕНОВ КОМИССИИ:

Вялотекущий процесс дележа премиальных за «рацуху» приближался к финишу. Встаёт «спикер» и зачитывает преамбулу.

Ауль Ю. Ф., главный геофизик, спит, остальные скучают...

Когда же дело доходит до изложения устройства КЕРНОСКОПА, лицо главного инженера начинает резко краснеть и зал заседаний оглашается тирадой определённого свойства в мой адрес. Дословно не привожу, поскольку сам не слышал!

Позже, при встрече, мы с Анатолием Васильевичем переговорили лично, но уже в мирном благожелательном русле. И я его заверил, что на следующий год подам рацпредложение на внедрение МОДЕРНИЗИРОВАННОЙ МОДЕЛИ «КЕРНОСКОП-2».

«Приспособление КЕРНОСКОП-2 представляет собой лыковое мочало, закреплённое на деревянной ручке. В центре ручки по продольной оси продельвается сквозное отверстие и с одного её конца крепится лыковое мочало, а противоположный

конец завершается грушевидной клизмой-спринцовкой, желательного наибольшего объёма. Новая модель избавляет оператора от частого обмакивания агрегата в ведро с водой, что ещё больше сокращает временные затраты на документацию керна».

Тяжела судьба изобретателя-рационализатора в СССР (да и в России тоже)!

Пахота и мода

Дело было в конце 70-х годов. Наземный отряд проводил работы на одном из перспективных участков Карелии. В то время к нам на практику приезжали студенты из Киевского техникума и из Старого Оскола. Киевские практиковались по специальности «радиометрист». В то время я работал старшим геологом поискового отряда и руководил всей геолого-поисковой службой.

Ко мне в отряд приехала одна очень симпатичная, умная девочка, и звали её Катя. Девочку очень интересовали загадки нашей профессии и скрытые тайны ремесла. Она в качестве радиометриста ходила в маршруты, выполняла камеральные работы. Нужно сказать, что всё проходило на высоком уровне.

Когда настала осень, пошёл ягодный сезон и в магазины Карелии стали завозить импортные шмотки и обувь, которые продавали на талоны, полученные за сдачу ягод. Но геологи, как надежда местных жителей на развитие региона, могли себе позволить покупки и без талонов. Вот и наша Катя купила себе прекрасные модные туфли-лодочки. Весь писк модели заключался в том, что большой палец ноги, при всей эстетике изделия, высовывался наружу, что и явилось предметом случившейся коллизии.

Начальник отряда Артём Александрович (Тёма) Морозов, «монстр» урановой геофизики, узрев эту обувь, без всякой злобы спросил Катю: «Зачем же ты, девонька, купила туфли с дыр-

ками? Как же ты будешь в них ходить? Холодно же будет осенью в Киеве?» И всё остальное в том же духе. В итоге после пары недель такого «доставалова» девочку довёл до слёз.

Катя пришла ко мне в слезах и стала жаловаться, что уже не может присутствовать в столовой, и собралась уезжать домой. Еле уговорил её остаться, но при этом взял с неё обещание, что она всё сделает так, как я скажу. На этом и порешили.

На следующее утро в столовой, под которую была занята десятиместная палатка, всё и случилось. Приходит Катя, работяги, все геологи и геофизики. Народ садится и исподволь ждёт начала Тёмных «шуток».

«Катя, а зачем ты купила себе туфли с дырками?» — Присутствующие привычно ждут продолжения экзекуции, но вдруг замеченная «доставалой» девочка, начинает вдруг говорить: «Понимаете, Артемий Саныч, у меня страшно потеют ноги. И когда они потеют, они воняют. Запах стоит тошнотворный! А когда в туфлях есть дырки, то вонь выходит наружу постепенно, концентрация становится меньше и никто её уже не чувствует, поскольку запах почти исчезает, вот!»

Немая сцена, достойная гоголевского ревизора!

Больше разговоров о злосчастной обуви не было.

Цезий и вишни

В этом году гроыхнуло, гроыхнуло здорово. И отзвуки этого грома прокатились по всей округе, захватив не только территорию Союза, но и ближние страны Европы. Впервые на устах зазвучало слово «Чернобыль».

Поскольку Невское ПГО много лет занималось аэропоисками урана, обладало огромным опытом проведения аэропоисковых работ, специальной аппаратурой, то не стало неожиданностью привлечение наших специалистов и к работам по чернобыльской тематике. Мне запомнился один эпизод этой эпопеи, о котором и хочу вам рассказать.

Мы работали в это время в Карелии. Аэропоисковый отряд № 2 Центральной экспедиции, начальником которого я в то время был, стоял в посёлке Нурмолицы, на базе бывшего военного аэродрома.

Все возможные последствия чернобыльской катастрофы были обсуждены, все высказывания по поводу действия официальных лиц, правительства и «рулевого перестройки» произнесены, оставалось узнать: что же дальше?

А дальше — больше. Приходит распоряжение ПГО: направить наш борт АН-2 на Украину и провести аэросъёмочные работы, оценить загрязнённость территории радионуклидами и оконтурить наиболее заражённые площади.

Вся моя команда впала в глухую тоску... Шутки про свинцовые трусы сыпались со всех сторон! В начале июля мы вылетели в Кировоград. Предварительная оценка загрязнённости территории была проведена до нас, и Кировоград оказался относительно «чистым». Провожать нас на Ржевку прибыл лично Юрий Фёдорович Ауль, главный геофизик нашего Невского ПГО. Видимо, ему не спалось.

В преддверии выполнения гражданского долга весь день перед отлётом прошёл в довольно экстремальной обстановке: наливай да пей! Поэтому напутственные слова главного геофизика кошкой скребли где-то под диафрагмой, а в голове свербила мысль: какого хрена его принесло на аэродром?

Бессмысленные, но пафосные слова главного геофизика тяжёлым колокольным звоном отзывались в черепной коробке и не давали возможности постичь всю глубину и торжественность момента.

Мы — это бортоператоры: Егоров Сергей, Куликов Женька, ваш покорный слуга и экипаж АН-2, а с ними представители авиаотряда, как и предписывалось в ту пору инструкциями. О подробностях перелёта говорить не буду. Это совсем другая история!

Наш борт приземлился в аэропорту Кировограда и вырлил на специально отведённую ему стоянку. Двери открылись, и пьянящие ароматы украинского лета наполнили наши пропитанные радиофобией лёгкие. Первое, что сделали, достав СРП-2 и нацепив «ухо», проверили фон. Он оказался вполне приемле-

мым, учитывая место, куда мы прилетели. Сравнив показания прибора с той информацией, что прислали нам из Кировского ПГО, немного расслабились, а потом и просто решили оставить измерительную аппаратуру на борту.

Геологический УАЗ доставил всех на базу экспедиции № 35 Кировского ПГО. Встречал нас здоровый, толстый хохол, завхоз всего экспедиционного хозяйства. Сияя своей добродушной улыбкой, он произнёс:

— Здоровеньки булы, москали питерские! Чё робить будем? Уси киевски жиды разбежались кто куды, а мы, украинци, така нация, шо нам до сраци радиация!

Мы переглянулись: думали свежи, а тут всё те же, опять про самостоятельность будут нас доставать!

В то время всей кухней по подготовке материалов на заражённой территории заправлял Сергей Терминасов, выпускник Горного. Он уже давно торчал там, в хохляцком раю, и строил в единственном экземпляре «секретную» карту загрязнённости территории для чиновников Совета Министров УССР.

Сидим, дожидаемся указаний. Ну, всё как всегда: ждите ответа. От скуки наши пилоты решили по рынкам прогуляться, вишни южной домой привезти.

Подходят ко мне, спрашивают:

— Можно ли на рынке вишню брать, не радиоактивная ли она?

— Можно, — говорю, — только осторожно! Чёрт его знает, откуда эта вишня, может, из самой Припяти. Приборы-то мы, — говорю, — в самолёте оставили. Так что лучше местной где-нибудь найти, спокойнее будет! — Ну, пилоты и побрели, унылые.

На следующий день радостные такие приходят:

— Вот, — говорят, — купили... у местных... Прямо на дерево лазали.

И громадные такие коробки показывают, вишней набитые.

А на следующий день начались разные «непонятки». Выяснилось, что поскольку один борт Невского ПГО уже над территорией летал, да ещё и «летуны» из ГИДРОМЕТА там на Украине работали, мы вроде бы как лишние. Так что, ребята, намыливай лыжи лыжной мазью и отлётывай восвояси. Всё поняли. От винта!

Не тут-то было. С юга на нас надвигался какой-то необычный по своим параметрам грозовой фронт. И заторчали мы по этому поводу в Кировограде ещё на три дня.

Время идёт, вишня течёт! Под каждой коробкой уже лужа сочная. Мухи, осы слетаются, нормальный сон предполётный не получается.

Пилоты переживают: пропадает добро, что-то надо делать! Вопросы всякие любознательные задают: радиоактивная ли вишня, вдруг не повезло? Да ещё и течь начала.

— Не бойсь, ребята, — говорю, — приедем в аэропорт, проверим! А если по-нормальному, то выбросьте вы её прямо в фотолук и дело с концом! Пусть произрастает на просторах нашей Родины.

А пилоты всё переживают, что вишня пропадает. Да из головы вопрос не уходит: радиоактивная ягода или нет?

Тогда-то у меня мысль и возникла: устроить с пилотами небольшую шутку.

Приезжаем в аэропорт, обстановка довольно напряжённая, но требуется улететь отсюда подальше. Туда, где вишня покислее и помельче, а обстановка попроще и побезопасней.

Экипаж пошёл представиться и получить разрешение на полёт, а мы стали готовить аппаратуру.

— Пора, ребята, готовить шутку, — говорю, — сейчас берём эталоны и запихиваем их в коробки с вишней!

Надо сказать, что эталоны для градуировки аппаратуры были не сильно радиоактивные, но СРП-2 на них реагировал прилично, зашкаливало все шкалы. На этом-то наши пилоты и попались.

Приходят с АДП и первым делом: давай радиацию мерить!

— Да вон прибор, сами и мерьте! Да не забудьте «ухо» надеть, мы тоже к полёту готовимся, так что сами!

Тут-то и началась наша хохма!

С сосредоточенным лицом старший по борту и всей миссии, водрузив на себя наушник, стал планомерно «прослушивать», одну за другой, коробки с вишней. Постепенно его лицо начало хмуриться, а потом и вообще приобрело скорбное выражение.

— Ну что там, есть радиация?

— Да, хреновато, все шкалы зашкаливает, блин!

— Ну, вот! Сейчас взлетим и посеем вишню по всему нашему маршруту. Пусть взойдёт аллея жадности и крохоборства.

— Чего смеяться? Может, это коробки грязные?

Продемонстрировали, что коробки чистые.

— Вон фотолук, посеем и ладно! Можно где-нибудь у нас по-севернее сбросить, там такой вишни не росло никогда, мичуринцами будете!

Авиаторы не сдаются: а есть ли способы эту ягоду дезактивировать, чтобы от нуклидов избавиться?

— Есть, — говорю, — пивная барда! Самое лучшее средство от радиации, только его не достать просто так. Да и вишня, пока достанешь, — вся испортится.

— А как ещё можно?

— Самый простой способ, — говорю, — это ПАВ, поверхностно-активные вещества, и наилучшее из них — стиральный порошок. Набираешь в ванну воды, двести граммов порошка на ванну, и туда вишню погружаешь. Прополоскать хорошенько пару раз, глядишь, радиация и смоеется, а самый толковый вариант — за борт её! Здоровье дороже!

На этом и прекратили дискуссию. Дальше летим. Догнали грозовой фронт в Сумах. Надо сказать, что город прекрасный, а девчонки там — вообще прелесть, смотришь — не насмотришься. О другом вообще нечего говорить. Пришлось ещё на день задержаться. Приходим в аэропорт, поднимаемся на борт, а в салоне вишнёвкой пахнет!

Как ни уговаривали пилотов, так они продукт и не сбросили, привезли в Ленинград.

А когда уже на Ржевке сели, то мы во всём и признались. Бурную тираду идиоматических выражений и эпитетов в наш адрес приводить не буду. Хоть и геологи мы, но всё же и читателя надо поберечь!

Ну а после мы, конечно, помирились, но вишнёвку пили уже позже, на Кавказе, но совсем уже с другими пилотами, правда, на закуску даже баранина была, шашлык называется!

Нарушитель границы

Каждый раз, пересекая государственную границу, томясь в очередях на контрольно-пропускных пунктах и проходя таможенный досмотр в аэропортах, я думаю: настанет ли такой день, когда в мире не будет границ, станут ненужными визы и люди смогут свободно ездить, куда захотят?

Однажды, находясь в США, я, сам того не желая, нарушил границу. В выходной день мой знакомый — профессор Миннесотского университета Рон Кейпл — пригласил меня на рыбалку на озеро Ганфлинт близ Канады. Я поймал две форели, у Рона клевало плохо. Порыбачив немного, мы причалили к берегу, поросшему лесом.

— А вот и граница, — сказал Рон, указав на вкопанный в землю низенький столбик на бетонном фундаменте.

На одной стороне столбика я увидел выпуклую надпись: UNITED STATES, на другой — CANADA. Ни колючей проволоки, ни нейтральной полосы, ни суровых пограничников. Мне стало не по себе: ведь из законопослушного гражданина я в одно мгновение превратился в преступника, злостного нарушителя границы: одна моя нога стояла в США, другая — в Канаде. Рон-то ничем не рисковал: в случае чего ему достаточно было бы показать пограничникам свои водительские права. А вот я оказался бы в щекотливом положении: загранпаспорта я с собой не захватил и ничем не смог бы удостоверить свою личность.

Рон успокоил меня:

— Не волнуйся, пограничников здесь нет.

Действительно, никто так и не появился. Погуляв немного по лесу, мы вернулись к своему катеру. Нарушение границы прошло безнаказанно. А у меня в голове родился стишок:

Ну, кто же так границу охраняет:
Ни вышек, ни «колючки», ни собак.
Что будет, если невзначай узнает
Об этом хитрый и коварный враг?

У нас границу перейдёшь едва ли,
Мышь не проскочит, крот не проползёт.
Однажды, правда, Руста прозевали,
Но это лишь досадный эпизод.

Нужна ли нам вообще теперь граница?
Людей ведь не удержишь всё равно,
И тот, кто так мечтал переселиться,
Уехал из России уж давно.

Русская мафия

Немец Харалд Дилл приехал в Петрозаводск не в духе: в Москве его, участника международной геологической конференции, никто не встретил, по-русски он не знал ни слова, и ему пришлось самостоятельно добираться из аэропорта «Шереметьево-2» до железнодорожного вокзала, чтобы попасть на поезд до Петрозаводска.

О московских таксистах Харалд говорил с возмущением:

— Шофёр содрал с меня 200 долларов. Это мафия! Почему власти не наводят порядок?

Впрочем, плохое настроение Харалда быстро улетучилось; на геологических объектах он усердно отбивал молотком образцы горных пород, так что к концу программы рюкзак его заметно потяжелел.

Вместе с Харалдом в Карелию в августе 2006 года приехала супружеская пара из Таиланда — исполнительный директор горнопромышленной компании «Ivanhoe Mines» Дуглас Кирвин и его жена Ю-лай.

Несколько дней мы жили на турбазе «Арсенал» (трудно придумать более нелепое название для базы отдыха: ведь арсе-

нал — это склад оружия и боеприпасов) на берегу озера Малое Янисъярви в Сортавальском районе. Гости были в восторге:

— Чудесное место! Условия здесь вполне соответствуют западным стандартам.

Местечко и впрямь живописное: озеро, лес, уютные коттеджи. К услугам отдыхающих — катера, рыболовные снасти, катание на водных «ватрушках».

Осталась довольна и Ю-лай. Игрушечный зверёк, поющий «Happy birthday to you!», — подарок от нашей группы ко дню её рождения — будет напоминать ей о поездке в Карелию.

Понравились гостям и экскурсии на острова Валаам и Кижы. Уезжали они с хорошим настроением, и о «русской мафии» Харалд больше не вспоминал. А я сочинил короткое стихотворение:

ХАРАЛД

Разочарован я. Ну, что это такое!
Приехал отдохнуть я к вам, как друг,
Но убедился: нет в Москве покоя,
Там всюду рэкет, мафия вокруг.

Таксист столичный — омерзительный детина —
Меня доставил на вокзал за полчаса
И двести долларов потребовал, скотина.
Жаль, я фамилии его не записал.

И вот ещё о чем теперь жалею
И в чём признаться неудобно, господа:
Что русским матом я пока что не владею,
Мне этот навык пригодился бы тогда.

Где ты, Агнета?

В мае 2009 года вместе с коллегами из Института геологии я ездил в Швецию для изучения некоторых геологических объектов. Когда поездка подошла к концу, наш гид — профессор Кристер Сундблад — сказал:

— А ведь мы проехали все города, связанные с именами членов шведского ансамбля «АББА». После распада группы Бенни, Бьерн и Фрида не ушли из мира музыки, а вот Агнета в 1987 году закончила музыкальную карьеру и уединилась на одном из отдалённых островов Швеции. Несколько лет она вела затворнический образ жизни, избегала обширных странств и толп людей, редко покидала свою виллу, не летала на самолётах. Психическое расстройство певицы — оборотная сторона всемирной славы «АББА».

Эх, Агнета, тебя бы к нам в Карелию. Месяц в нашем полевом отряде — и от твоей депрессии и «фобий» не осталось бы следа. Как это выглядело бы? Ну, примерно так.

ДОЛГО БУДЕТ КАРЕЛИЯ СНИТЬСЯ

Так уж вышло, что тем летом
Геологию поможем
Не сошлись наши пути.
На досуге изучить,
Где же ты теперь, Агнета?
Чтобы ты сумела тоже,
Как, скажи, тебя найти?
Кварц от гнейса отличить.

Хорошо бы нам собраться,
Ну, а ты бы культработу
Чаю с сушками попить,
Оживить нам помогла,
В ламбе синей искупаться,
Посоветовала б что-то,
По душам поговорить.
Мастер-класс бы провела.

В свой отряд тебя мы включим
На субботник выйдем с песней,
И палатку подберём,
Как на праздник трудовой.

Борщ густой варить научим,
До чего ж приятно вместе

В баню русскую сведём.
Поработать в выходной!

Под гармошку вместе спляшем,
Хорошо у нас тут летом:
У костра, в тени рябин,
То жара, то снег с дождём.
И споём в знак дружбы нашей
Ну, зачем грустить, Агнета?
Всем отрядом «Dancing Queen»*.
Ватник мы тебе найдём.

Проведём политбеседу.
Но придёт пора проститься,
Любопытно, как живут,
И отправиться домой.
Где проводят отпуск шведы,
Пусть же долго тебе снится
Что едят они, что пьют.
Край карельский, край лесной.

Полиглот

Как общаться с иностранцем, если вы не знаете ни английского, ни немецкого? А так, как герой моего шуточного стихотворения «Полиглот».

В зале шумно. Вход свободный.
Немцам память освежаю:
Речь чужая там и тут.
«Не забыли Сталинград?

Семинар международный —
Баха с Гёте уважаю,
Здесь проводит институт.
А вот Гитлер ваш был гад».

* Песня из репертуара ABBA.

А народ кругом солидный,
Я испанцев на банкете,
Я им: «Чё?» А мне: «Thank you».
За корриду пристыдил:
Вот культура! Сразу видно,
«Эх, amigos, шоу эти
Понимают речь мою.
Давно бы запретил».

Пусть я шведский слабо знаю,
Пред француженками, братцы,
И немецкий — кое-как,
Не могу не пофорсить:
Финский плохо понимаю,
Чтоб воспитанным казаться,
Но в общеньи я мастак.
Говорю «pardon», «merci».

Говорю, к примеру, шведу:
Но в политику не лезу.
«ABBA», «Volvo», «Absolut».
Симпатичной визави
Швед в экстазе, и беседа,
Я мурлычу «Марсельезу»,
Длится несколько минут.
И шепчу ей о любви.

С итальянцем объясниться
Я съедаю три салата,
Я легко могу на спор.
Набиваю мясом рот.
С ним о мафии и пицце
Как вы видите, ребята,
Заведу я разговор.
И в еде я ПОЛИГЛОТ.

Умом Россию не понять

С моим старым знакомым — канадским геологом профессором Филом Терстоном — вечно что-нибудь случается. Однажды он прилетел в Петрозаводск на сутки позже запланированного из-за неправильно оформленной визы. В другой раз опоздал из-за сбоя в энергосистеме Северной Америки; тогда он проторчал семь часов в аэропорту Торонто, прежде чем смог вылететь в Россию. Дважды он забывал у меня дома свою шляпу. А в полевом лагере в Лоухском районе его укусила собака. Впрочем, все свои приключения в России Фил воспринимает с юмором. Вот что он сам говорит:

О той собаке шрам теперь напоминает.
За палец цапнула зверюга, вот беда.
Что на уме у этих псов, никто не знает.
Я этот случай вспоминаю иногда.

В краю карельском я нисколько не скучаю:
В лес по грибы с девчатами хожу,
Породы горные усердно изучаю,
С друзьями вечером за рюмочкой сижую.

К грибам, признаться, отношусь я осторожно:
По-моему, сам чёрт не разберёт,
Где настоящий гриб, а где гриб ложный,
Съедобный он или наоборот.

Ещё загадка — слово русское «НОРМАЛЬНО».
НОРМАЛЬНЫЙ суп, НОРМАЛЬНОЕ кино.
Похоже, слово это здесь универсально,
Но смысл его понять мне не дано.

Мне совершенно непонятно и другое:
У многих женщин здесь мужские имена.
Живут, к примеру, двое — муж с женою,
И оба — Саши. Вот тебе и на!

Намедни в сельской бане тип косматый
Меня водою грязной окатил.
И сразу стало грустно мне, ребята:
Выходит, зря я за помывку заплатил.

Я не могу уснуть в своей палатке,
От этих дум меня бросает в дрожь.
Что за страна! Кругом одни загадки.
Умом Россию точно не поймёшь.

Визит к концу идёт, я скоро улетаю,
Но бородой своей торжественно клянусь,
Что я когда-нибудь Россию разгадаю,
А значит, я ещё сюда вернусь.

2009

А теперь побыстрее уё...

На каждый Новый год, на буровом участке в посёлке Великая Губа, кроме праздников для взрослых, устраивались и детские утренники. На них приходили не только дети с родителями, проживающие на базе участка, но и деревенские. Программа новогоднего утренника обычно включала в себя спектакль-сказку, концерт, хороводы вокруг ёлки, различные конкурсы, раздачу призов отличившимся в этих конкурсах и раздачу подарков всем детям. Ведущими на этих утренниках по традиции выступали Дед Мороз со Снегурочкой. Найти артистку на роль Снегурочки никогда не составляло труда. Талантливых артисток среди сотрудников бурого участка даже искать не надо было. Любая представительница прекрасного пола могла блестяще сыграть роль Снегурочки. Гораздо сложнее было подобрать кандидатуру на роль Деда Мороза, хотя различных талантов среди мужчин — буровиков, шахтёров, геологов, геофизиков — также хватало с избытком. Чаще всего роль Деда Мороза доставалась шахтёру по фамилии Перегуд. Он единственный, кто не мог отказать многочисленному женскому лобби, хотя хорошо знал, чем ему это грозит. Возможно, он просто очень любил детей. По своей фактуре Перегуд очень походил на сказочного новогоднего персонажа. Но у Паши Перегуда был один очень существенный недостаток. Разговаривать культурно, даже с детьми, у него не получалось. Для связки слов в предложениях он постоянно использовал ненормативную лексику. Проще говоря, был отъявленным матерщинником. Про таких людей один известный генерал и политик (А. Лебедь) в своё время сказал свою знаменитую фразу: «Мы матом не ругаемся,

мы матом разговариваем». Но выбирать кандидатуру на роль Деда Мороза больше было не из кого. Другие кандидаты на эту роль, под различными важными и не очень важными предложениями, сразу уходили в сторону от ответственности. Перегуда перед новогодним утренником тщательно инструктировали. Советовали ему не проявлять инициативы, поменьше открывать свой рот, а больше слушать Снегурочку. В крайнем случае, если Деду Морозу надо будет что-то сказать детям, то тщательно следить за каждым своим словом (т. е. «фильтровать базар»). Начинался детский утренник. Рядом с Дедом Морозом постоянно находились в полной боевой готовности пара сердобольных мамаш и Снегурочка. Они должны были контролировать речь Деда Мороза, чтобы нежные детские уши не услышали чего-нибудь им не предназначенного и чтобы дети не пополнили свой словарный запас нехорошими словами. Перегуд быстро забывал вводный инструктаж и тут же получал от одной из мамаш или Снегурочки тумак или удар по различным частям своего большого тела. Это заставляло его замолкнуть на полуслове и правильно скорректировать свою речь, исключив из неё матерные слова. Количество тычков и ударов в корпус Деда Мороза на протяжении всего утренника не поддавалось счету. Это очень веселило и забавляло взрослую публику. Можно сказать, что это было обязательным элементом новогоднего шоу. Дети не замечали таких мелочей (или делали вид, что не замечают). Заканчивался каждый новогодний праздник традиционно. Перегуд, весь избитый и в синяках, хотел отправить всех детей с их родителями как можно подальше и побыстрее. Дед Мороз спрашивал детей, понравился ли им праздник? «Да!» — дружно кричали довольные дети. «Понравились ли вам подарки?» «Да!» — опять дружно кричали дети. «Ну, а теперь побыстрее уё...» — и следовал молниеносный тычок в печень расслабившегося Деда Мороза от Снегурочки. После чего Дедушка Мороз культурно продолжал свою знаменитую заключительную фразу: «Уё... уё... уё... побыстрее у ёлочки потанцуйте и домой, домой, домой!».

АС

(Мне сверху видно всё...)

Эту историю я слышал сразу от нескольких человек в различных вариациях. Довольно хорошо зная её главного героя, нисколько не сомневаюсь, что всё это действительно происходило много лет назад. Сегодня наш герой, назовём его Юрий Валентинович Соколов, довольно хорошо разбирается в вопросах организации добычи щебня и различных типах дробилок. Ему довелось поработать директором и главным инженером на нескольких известных карельских горных предприятиях. В советские времена он был отличным военным лётчиком, служил в авиационном гвардейском истребительном полку командиром эскадрильи новейших СУ. Полк этот защищал северо-западные рубежи нашей страны и базировался в аэропорту Бесовец, под Петрозаводском. Как-то перед очередным празднованием Дня Победы из Москвы в полк поступил приказ выделить лучшую эскадрилью с самыми опытными лётчиками для подготовки и участие в параде Победы в Москве. Полетела готовиться к воздушному параду Победы над Красной площадью эскадрилья Юрия Валентиновича. Тренировки к параду у лётчиков нисколько не легче, чем у пехоты. Ежедневные многочасовые полёты и теоретические занятия, физподготовка, тренажёры. Причём всё это происходит в течение нескольких месяцев, без выходных, под неустанным наблюдением самого высокого авиационного начальства. Ведь на параде всё рассчитано до секунд и намеченная программа полётов должна выполняться на высшем уровне, без малейших погрешностей. Наблюдать за парадом будет не только высшее военное начальство, но и вся страна, да и весь мир по телевизору. За сутки до парада лётчикам дали время на отдых, чтобы восстановить свои силы, немножко отдохнуть и расслабиться. Но наши люди не умеют отдыхать и расслабляться понемногу, тем более, после длительных запредельных физических и моральных нагрузок. Лётчики— ребята заводные, отдыхать хорошо любят не меньше геологов или горняков. Вечером,

накануне парада, Юрий Валентинович отправился с друзьями «восстанавливаться» в местный ресторан. Там они очень не слабо погуляли, а в конце вечера что-то не поделили с другой компанией за соседними столиками (скорее всего, местных стюардесс). Как всегда бывает в таких случаях, слово за слово и разговор плавно перешёл в драку. Хотя драка была довольно многочисленной и бурной, сильно пострадавшим оказался всего один её участник — Юрий Валентинович. У него один глаз заплыл совсем, а второй был также сильно подбит и заплыл примерно наполовину. На следующий день утром, перед вылетом на Красную площадь, на аэродроме было построение личного состава, участвующего в воздушном параде. Спасло Юрия Валентиновича от наказания начальства и отстранения от полётов то, что пилоты были в лётной амуниции и гермошлемах. Никто из начальства не заметил его сильно пострадавшего лица и половины заплывшего глаза (второй глаз заплыл совсем и не открывался). Эскадрилья по команде дружно взмыла в небо. Во время пролёта над Красной площадью диктор по радио объявил на всю страну, что эскадрилью ведёт отличник боевой и политической подготовки, гвардии майор Соколов. Никто внизу и не догадывался, что наш ас ведёт свой самолёт почти вслепую (вполглаза) после вчерашнего дня «отдыха». После пролёта над Москвой командир эскадрильи дал команду взять прямой курс на Петрозаводск и увеличить скорость до максимальной (чтоб не успел заплывать и его второй глаз). Садиться ещё раз на тренировочном аэродроме под Москвой было небезопасно для его дальнейшей карьеры военного лётчика. Менее чем через час эскадрилья приземлилась на родном аэродроме в Карелии. Через несколько дней из Москвы от командования Военно-Воздушными Силами страны пришла благодарность в полк за высокую боевую подготовку личного состава и образцовое участие эскадрильи Соколова в параде Победы. С тех пор прошло много лет. Эту историю до сих пор с удовольствием вспоминают друзья и знакомые нашего героя. Юрий Валентинович такой же заводной и энергичный, галантный кавалер и шутник, любящий жизнь во всех её проявлениях.

На земле он себя чувствует так же уверенно, как и в воздухе. Все свои разговоры по телефону, независимо, с кем он говорит (мужчиной или женщиной, молодыми или старыми), он по-прежнему завершает своей коронной фразой: «Целую, Юра!».

«Клуб холостяков»

В 1983 году на базе 32-й экспедиции в п.Чебино произошёл демографический взрыв. Население геологического посёлка резко возросло. Большинство молодых мамаш уехало рожать и воспитывать маленьких детей в более цивилизованные и тёплые места к своим родственникам в большие города. Их мужья не могли бросить свою работу. Кому-то надо было зарабатывать деньги и кормить семью. Кроме молодых мамаш, некоторые семейные дамы уехали на защиту и сдачу отчётов в Питер. Таким образом, на базе экспедиции в это время оказалось несколько семейных мужчин, без женского присмотра, на относительно длительный срок. Мужиков организовать в коллектив по интересам уговаривать не надо. Тут же был создан мужской закрытый клуб, получивший позднее широко известное в узких кругах название — «клуб холостяков». Работал этот клуб ежедневно в вечернее и даже ночное время. Можно утверждать, что это был один из первых ночных игровых клубов в Советском Союзе. Заседания члены клуба проводили практически ежедневно в очередной дежурной квартире. Хозяин квартиры выступал в роли организатора вечера. В его обязанности входило приготовить на всех членов клуба «холостяков» праздничный ужин с благородными напитками, накрыть стол и вкусно накормить всех гостей, обеспечить их всем необходимым для приятной, вечерне-ночной игры в преферанс. При этом хозяин дежурной квартиры не имел в этот день права голоса и был обязан: беспрекословно выполнять все малейшие желания гостей, сносить их бесцеремонные шутки, насмешки и дружеские издевательства, обеспечить просмотр телепередач

и функциональную музыку, наполнять гостям бокалы и менять пепельницы по первому требованию игроков и гостей клуба во время игры в преферанс. Гости успешно соревновались между собой в количестве поставленных новых оригинальных задач для дежурного и остроумии. Короче говоря, дежурному по клубу было не позавидовать. Но уже на следующий день он мог отыграться на следующем дежурном и с огромным удовольствием это делал, возвращая долги друзьям сторичей. Попасты на заседания этого клуба мечтали практически все ИТР на базе экспедиции, умеющие играть в преферанс и желающие просто расслабиться в кругу друзей. Но Устав «клуба холостяков» и наличие рядом жён не позволяли им осуществить свою заветную мечту. Были отдельные робкие попытки попасть на очередное заседание «клуба холостяков» представительниц «прекрасного пола». Но они пресекались на корню. Клуб был закрытый и мужской. Удовлетворить своё любопытство дамам так и не удалось. К сожалению, просуществовал «клуб холостяков» недолго. Жёны начали возвращаться с детьми к своим мужьям из декретных отпусков и командировок. Заканчивался камеральный период. Пора было собираться в поля.

День рождения в «Президент-отеле»

В начале марта 2008 года в Москве проходил Первый Всероссийский смотр инвестиционных проектов. Проводилось это мероприятие под патронажем Правительства Москвы и московской ассоциации предпринимателей в выставочном зале на Новом Арбате (бывшее здание СЭВ). От Карелии туда попали восемь организаций, во главе с известным петрозаводским выставочным агентством «Еврофорум». Наша фирма представляла широкую палитру карельского облицовочного камня для потенциальных инвесторов и потребителей. Выставка шла в течение двух дней 4–5 марта с проведением «круглых столов» по различным темам и множества сопутствующих мероприя-

тий. Завершалась выставка торжественным подведением итогов и вручением дипломов участникам. В общем, всё как всегда на любых подобных выставках. На вручении дипломов, мы случайно узнали, что ещё будет большой банкет в «Президент-отеле» для руководителей делегаций от регионов-участников. Количество пригласительных билетов на это заключительное торжество было строго ограничено. Не знаю, сколько пригласительных выдали для нашей правительственной делегации, во главе с П. В. Черновым, но для непосредственных участников выставки от Карелии выделили всего три билета. Разумеется, их сразу «прихватизировали» представители «Еврофорума» как главного организатора поездки в Москву нашей делегации. Всем остальным участникам данной выставки от Карелии ничего не светило в плане приятного проведения вечера на банкете в «Президент-отеле». С такой явной несправедливостью надо было срочно что-то делать. Тем более, что у моего коллеги Алексея 5 марта был день рождения. Конечно, его можно было отметить и в любом другом месте, но почему-то ему захотелось исключительно в «Президент-отеле». Наверное, потому, что там мы ещё не бывали. Для удовлетворения очень скромного желания именинника пришлось приложить определённые усилия. Мне удалось отловить в укромном тёмном месте одного из главных организаторов выставки и популярно объяснить ему, что завершение выставки и день рождения мы вдвоём обязательно должны сегодня отпраздновать в «Президент-отеле». По-видимому, в своей короткой речи я был слишком убедителен, а у моего собеседника существовал небольшой НЗ пригласительных для экстренных случаев. Два пригласительных билета незамедлительно оказались в моих руках. Передача их произошла исключительно добровольно, в дружеской обстановке и на безвозмездной основе (т. е. даром). Через короткое время от выставочного зала, на специальных автобусах, участников банкета повезли в «Президент-отель». Мы с большим удовольствием присоединились к VIP-персонам. Прежде чем попасть на территорию отеля, пришлось преодолеть два кордона охраны. Внутри здания всё отделано по высшему разряду. Недаром

тут принимают президентов и премьеров различных стран, проходят регулярно международные форумы и конференции. Но самое интересное нас ждало впереди, в помещении ресторана. В этот же день и в то же время там проходило вручение ежегодных премий лучшим бизнес-леди России, в преддверии международного женского праздника 8 Марта. У этого мероприятия было множество известных спонсоров и шикарная концертная программа с участием звёзд эстрады. Сам зал ресторана поделён на две части: коктейльную небольшую зону и главную зону со столиками, эстрадой и танцполом. Наши хитрые и шустрые земляки с «Еврофорума» по своим пригласительным билетам оказались в скромной коктейльной зоне, а мы по своим пригласительным, как уважаемые и солидные люди, попали в главный зал, за один столик с официальной делегацией Краснодарского края. Мне приходилось бывать в ресторанах различного уровня во многих городах России и за рубежом. Но такого уровня сервиса я ещё нигде не встречал. Столы обильно уставлены различными аппетитными блюдами (на уровне произведений искусства) и благородными напитками в широком ассортименте. За спиной каждого посетителя ресторана стоит вышколенный официант, который мгновенно меняет блюда, наливает напитки, предугадывает любое ваше желание. От предложенного уровня сервиса и обилия столовых приборов перед каждым клиентом Алексей впал в глубокий ступор. Он не понимал, что можно делать с таким количеством вилок и ножей в принципе. Ведь в полевых условиях нам для трапезы из инструмента обычно хватает всего одной ложки. Пытаясь выйти из шокового состояния, Алексей схватил со стола бутылку французского коньяка, попытался её открыть чуть ли не зубами и наполнить рюмки всем своим соседям по столу. Пришлось его срочно привести в чувство, сильно толкнув локтём в бок и объяснив, что для этого есть официанты. Ведь мы находимся не в полевых условиях, а в ресторане «Президент-отеля». Моя краткая лекция для именинника о необходимости вести себя прилично за столом в компании солидных людей, да ещё с элементами силового воздействия, привела

к противоположному результату. Алексей опять впал в глубокий ступор. Изысканным манерам он ранее, в Парижах, не обучался, соответственно не знал, как себя вести в приличном обществе. Постепенно мы осваивались за столом в новой, слегка непривычной для нас обстановке. Огромный зал ресторана был забит до отказа, причём представительниц прекрасного пола в нем было не менее 95%. От шикарных нарядов российских бизнес-леди рябило в глазах, а от их бриллиантовых украшений всё сверкало вокруг (даже лучше, чем цветомузыка). Стойкий запах лучших французских духов проникал во все уголки зала. Такому обилию красивых и ухоженных дам, собранных в одном месте, мог бы позавидовать и гарем турецкого султана. Удивляло, что почти все дамы в ресторане были без своих спутников, в лучшем случае с охраной. Возможно, при занятии серьёзным бизнесом большинству из них некогда заниматься мужиками и своими семьями. Концертная программа вечера поднимала всем настроение. Между номерами конференсье не уставал шутить, поздравлять и награждать отличившихся бизнес-леди. Я незаметно выскользнул из-за стола и пошёл к эстраде. За кулисами я нашёл конференсье. Объяснил ему, что у нас тоже праздник, что только что закончилась выставка и имеется в наличии именинник мужского пола, которого не мешало бы при всех дамах поздравить. Конференсье задал несколько уточняющих вопросов, после чего согласился мне подыграть. Я вернулся за свой столик в зале. Соседи не заметили моего кратковременного отсутствия. Через несколько концертных номеров конференсье сказал всему залу в микрофон, что сегодня здесь собрались не только лучшие бизнес-леди России, но и участники только что завершившейся выставки и у одного из них сегодня день рождения. Алексея вызвали на сцену, вручили ему какой-то подарок и тепло поздравили от всех присутствующих. Попутно весь зал от конференсье узнал, что Алексей геолог, занимается разведкой месторождений полезных ископаемых, пишет стихи, рассказы, картины маслом и успешно решает демографические проблемы (имеет пять детей). Не знаю точно, что из достоинств именинника больше все-

го впечатлило присутствующих дам, но с этого момента Алексей стал самой яркой звездой вечера. Дамы стояли в очереди к нашему столику, чтобы пригласить именинника на очередной танец. Такого внимания к собственной скромной персоне Алексей явно не ожидал. Даже в годы своей «боевой молодости» он не пользовался такой бешеной популярностью у женского пола. Наиболее разогретые алкоголем и активные бизнес-леди не хотели ограничиваться только танцами. Они делали имениннику более заманчивые (по их мнению) и откровенные предложения. Пора было уносить отсюда ноги. Вероятность силового пленения на неопределённый срок (возможно, даже пожизненно) была слишком высокой. Спас нас от тяжких последствий интересного вечера звонок мобильного телефона. Звонила дочка Алексея, проживающая в Москве. Она приехала на своей машине к «Президент-отелю», чтобы забрать нас с банкета и продолжить празднование дня рождения в другом уютном ресторанчике, в более узком кругу. Объяснив наиболее активным дамам, что нам срочно надо выйти в туалет (типа — попудрить носик и подышать свежим никотином), мы по-английски (не прощаясь) покинули гостеприимный зал ресторана. Так в этот вечер Алексею удалось вырваться из цепких рук бизнес-леди и сохранить остатки своей невинности для жены. Зато празднование дня рождения в «Президент-отеле» запомнилось надолго. Такого огромного и ухоженного «цветника» из элитных бизнес-дам нам больше встречать не приходилось. Что и говорить, далеко не каждому в жизни выпадает случай отметить свой день рождения в ресторане «Президент-отеля», в компании лучших бизнес-леди страны.

Когда-то в Коми...

В начале и середине семидесятых молодым специалистом Невской экспедиции мне довелось несколько лет проработать в круглогодичной партии №8 в Коми АССР — в верховьях Печоры и на Тиманском кряже. Коллектив ИТР, буровой и механической служб в основном составляла молодёжь, и в тот период у нас сложилась дружная команда геологов, геофизиков, буровиков, водителей и других работников, которая продержалась не один десяток лет, пополняясь, дробясь, меняя дислокацию и «вывески».

Тогда, в семидесятые, геология была на подъёме, мы были молоды и набирались впечатлений и опыта. Климат и природа тех мест были суровы и своеобразны: длинная, снежная и морозная зима, мимолётные, почти незаметные осень и весна и календарное солнечное и тёплое лето. Каждое лето мы проводили в полевых отрядах, в палатках, среди лесов и болот; зимой камералили в базовом посёлке. Мир вокруг был обширен и разнообразен, как, впрочем, и сейчас. Всякое помнится.

Преисподняя на трассе

В октябре семьдесят второго года молодым специалистом Невской экспедиции я добирался к месту работы — на базу полевой партии № 8 в посёлок Верхняя Омра Троицко-Печорского района Коми АССР.

В отделе кадров мне объяснили: ехать поездом до Ухты, а там — на автобусе до Верхней Омры. Проще некуда. Мне представилось, как я из поезда сажусь в первый попавшийся автобус и он сразу довозит до базы партии где-нибудь в ближайшем пригороде. Всё — рукой подать.

В Ухту я приехал поздно вечером, почти ночью. Было холодно, лежал снег. Оказалось, что автовокзал в другой части города, а транспорт уже не ходит. Да и делать там нечего, автобусы начнут рейсы только утром, а зала ожидания нет, станция на ночь закрывается. Это меня смутило, но не сильно. Сразу же выяснилось, что, кроме вокзала, ночь коротать негде. Ладно, не впервой. Вокзал был переполнен. Не только все сидячие места, но и подоконники были заняты. Даже на полу не было места, люди спали на чемоданах и мешках. Кое-как мы ещё с одним путником выкроили себе кусочек подоконника и поочередно на нём сидя дремали.

С первым утренним транспортом я добрался до автовокзала, который уже был переполнен. Там я увидел схему автобусных маршрутов, и настроение испортилось. До Верхней Омры было 140 км, автобус маленький (ПАЗ), один рейс в день, билетов уже не было. Застрять в Ухте мне было никак нельзя.

С трудом я уговорил водителя взять меня без места, и в десять часов утра мы тронулись в путь. Как выяснилось, ехать до Омры пять часов: дорога грунтовая и из-за осенней распутицы очень разбитая. Мой багаж состоял из чемодана, рюкзака и гитары. Чемодан я использовал как сиденье, поставив его в проходе между кресел. После бессонной ночи сразу стал засыпать, но от тряски постоянно просыпался, стучаясь головой о спинки сидений. День был пасмурный, с тёмным серым небом.

Примерно через час-полтора, после очередного пробуждения, я увидел, что небо впереди уже не серое, а почти чёрное. Мы приближались к стене чёрного дыма, который стлался над самой землёй и поднимался выше деревьев, медленно перемещаясь поперёк дороги. Что-то горело, и сильно. Я такого дыма ещё не видел. Стало слегка жутковато: куда мы едем. А вдруг там не проехать, попадём в ловушку... Чёрная мгла надвигалась

на нас, стала затенять и без того тусклый свет. Меня удивляло равнодушие пассажиров; правда, почти все дремали. Но ведь всё же что-то горит, наверняка существует опасность! Мы уже въехали под тучу, стало совсем темно. На сиденьях кто-то негромко произнёс: «сажевый завод», — и опять тишина и странное спокойствие.

Тут я увидел в стороне от дороги источник этой чёрной тучи. Это было множество закопчённых жестяных домиков, маленьких, размером с геологическую палатку, без окон и дверей, стоящих длинными рядами, конца которым не было видно из-за чада. Они напоминали гигантское скопление жутких чёрных ульев. В каждом домике из всех щелей и из-под крыш струилась чёрная копоть, образующая сразу над крышами плотное чёрное облако, которое раздувалось и медленно перемещалось через дорогу, накрывая всю прилегающую территорию. Деревья и кусты стояли чёрные, трава и снег у дороги тоже были чёрными.

Невольно возникало ощущение, что в этих страшных чадящих коробках пытаются грешников и там бурно кипят котлы с чёрной смолой. Сразу вспомнились детские страшилки про «этот чёрный-чёрный дом» и что-то про всякую нечисть и преисподнюю. Усиливало впечатление отсутствие хоть какой-то живой души: ни людей, ни собак, ни птиц — мёртвая тьма. Казалось, что это находится не на нашей привычной земле, а в каком-то другом мире. Именно с преисподней ассоциировалась вся эта картина, и впоследствии она всегда производила такое же впечатление.

Тучу мы проехали быстро, но зрелище запомнилось. Со временем мы кое-что узнали о сажевом заводе. Это было предприятие по производству сажи для лакокрасочной, шинной, химической и других отраслей. Сажа здесь выжигалась из природного газа и отличалась высоким качеством. Большое количество здешней сажи шло на экспорт, принося стране валюту.

Мы думали, что там трудятся заключённые, приговорённые к высшей мере или просто пожизненные. Отнюдь. Оказывается, туда можно было устроиться только по большому благу. Говорили, что зарплаты там огромные и за шесть лет работы выра-

батывался полный трудовой и пенсионный стаж. Конечно, производство вредное, но попасть туда было почти невозможно. Из наших знакомых кто-то пытался устроиться — не удалось; я думаю, что оно и к лучшему.

Неподалёку от «чёрных ульев» располагались, как мы позднее разглядели, какие-то строения, тоже закопчённые: здание типа управления, с какими-то прибабасами, и что-то жилое — потому что однажды я видел там верёвку с сохнувшим бельём. Это меня поразило: а как же сажа? Видно, ловили момент и использовали благоприятное направление ветра. Пару раз довелось видеть людей, понуро бредущих по территории в чёрной закопчённой одежде, с чёрными закопчёнными масками на лицах. Какие-то безликие мрачные фигуры, как неприкаянные души грешников.

Несомненно, заработки там были неплохие и сажа хорошего качества, но всё остальное — настоящая преисподняя. Через эти дымовые ворота я въезжал в свою взрослую геологическую жизнь.

Мой друг Копчёный

Дело было зимой семьдесят третьего года. В зимний период у нас обычно бывали командировки в Ухту, в геологические фонды, для сбора геологической информации. Приезжали на одну или две недели, до двух–трёх раз за зиму, которая здесь тянулась с середины октября до конца апреля и отличалась тяжёлыми морозами и обилием снега. Селились в гостинице «Тиман», главной (если не единственной) тогда в городе; места в ней бронировали заранее. Как правило, жили в одноместных и двухместных номерах, стараясь не поселиться с посторонними, а проживать со своими или в одиночку. И не только потому, что за одну заездку у тебя могло смениться несколько соседей по койке и к каждому надо было приглядеться и привыкнуть, но ещё из-за очень пёстрого контингента приезжих — от боль-

ших «шишек» до всяческих прохиндеев и просто дебоширов и шпаны. Администрация кое-как пыталась сортировать гостей, разделяя по этажам и номерам, но больших различий, как теперь, в удобствах не было, и за мелкие доплаты разных люд перемешивался по всей гостинице. К твоему временному «попутчику» запросто могла привалить компашка корешей или временных знакомых для скоротания вечеров, а то и ночей, с застольем (а как же!) и карточной игрой, шумным базаром вплоть до мордобоя и табачным удушьем — понятно, что таких перспектив мы старались избегать. Тем более, что вечером, когда на улице мороз и темень, пойти было некуда; весь отдых и досуг проходил в гостиничном номере.

В этот приезд мне пришлось поселиться в двухместном номере с механиком по буровому оборудованию, степенным товарищем средних лет, в очках, полушубке и меховых сапогах. По вечерам он читал на кровати газеты и негромко делился новостями, которые мы коротко обсуждали. Мы даже сыграли с ним пару партий в шахматы; в общем, жили дружно и спокойно, хорошо спали и бодро расходились утром по делам. У него заканчивалась командировка, и я предвкушал какие-то дни пожить в привольном одиночестве. Всё складывалось неплохо...

Было время больших морозов, приезжие и проезжие, а также разные бродяги — все стремились где-то укрыться, и гостиница забивалась. Когда после отъезда механика я вернулся с работы, мне сказали, что ко мне подселили нового жильца. Без подробностей. Жилец так жилец, дело обычное. В номере никого не было, только у соседней кровати стояла дорожная сумка и на столе — бутылка пива. Перекусив в буфете, я улёгся на кровать и стал читать новую книжку.

Вскоре за дверью раздались шаркающие шаги и спорящие хриплые, скорее даже, силные голоса. Разговор шёл «по фене».

— Ладно, ты двигай, ждите там же, я сейчас подойду. Пусть никто не уходит и деньги готовьте! — кто-то пошаркал обратно, а в дверь зашёл мужичок среднего роста, тощий, немного сутулый, в несвежей белой рубахе, чёрных брюках и ботинках. Волосы чёрные, с проседью, зачёсаны назад, глаза серые,

с острым взглядом, как-то не соответствующие лицу. Лицо было худощавое и очень смуглое, почти коричневое, как будто он всё время пёкся на солнце; с небольшими чёрными усами. Что-то южное, но не кавказское или среднеазиатское, а турецко-одесское было в нем. Под мышкой он держал, как дрова, несколько бутылок шампанского. Одна из бутылок была замазана кровью, край правого рукава — тоже. Он широко улыбнулся южной улыбкой, поставил бутылки на стол и протянул мне руку.

— Я — Женя Копчёный, — сказал он. Выглядело это так, как будто каждый должен знать Женю Копчёного и радоваться такой встрече — надо же, удача выпала. Хотя, похоже, в их кругах так оно и было. Копчёным, я думаю, его прозвали за цвет лица, а фамилии его я не знаю. Вкратце он поведал, что сам из Одессы, но уже много лет мотает сроки по лагерям, а теперь опять освобожден, есть справка, и ему надо в течение месяца где-то стать на учёт и устроиться на работу. Это у них так положено, и органы за этим следят. Месяц уже кончается, осталось два дня, потом могут прижать. Но пока никуда не устроился, тусуются с корешами, играют в шахматы на деньги. Вот, хорошо выиграл, взял винца. Он открыл бутылку, стал угощать. На мой вежливый отказ (я не пью с незнакомыми) не обиделся, сказал только, что испачкал бутылку, потому что фраер стал выступать, пришлось бутылкой успокоить. Дежурная по этажу не хотела пропускать в таком виде; подарил ей две бутылки — и всё в порядке.

Когда он узнал, что я геолог, то пришёл в восторг. Да мы почти коллеги: бродяги, ни кола ни двора, нас жизнь забросила в дикую глушь, живём где придётся, оторванные от родни и т. д. и т. п. — в общем, сильно уважает. Как-то на удивление он этим проникся. Потом заторопился: ждут шахматы, народ ждёт; накинул куртку и исчез. Сказал, придёт поздно. Вот и хорошо, подумал я, полистал книгу и лёг спать.

Годами позже я понял, что в чем-то Копчёный был недалёк от истины. Здесь мы работали в тех же местах, где до нас, а кое-где и при нас, работали заключённые; мы жили в старых бараках, когда-то построенных и обжитых ими. В основном именно заключённые, среди которых были любые специалисты, в том

числе геологи, буровики и строители, осваивали здешние газо-нефтяные месторождения, строили дороги и посёлки. Они же работали и на Бадьельском рудопроявлении урана, которое теперь исследовали мы. Я изучал фонды: этим занималось 36-е Управление МВД. Начальником бурового отряда там был некий майор N. А кто работал на рудниках Сибири и Дальнего Востока в сороковые-пятидесятые годы... Возможно, Копчёный и сам как-то с этим был связан; а знакомые, отбывавшие сроки на рудниках, наверняка у него имелись.

Пришёл он далеко за полночь. Опять с шампанским, с кучей денег в карманах. Ему хотелось пообщаться, так что поспать мне не светило. Пришлось встать и выпить шампанского, чтоб контакт проходил легче. Оказалось, что у них шахматы — это на самом деле карты. К тому же почти всегда — краплёные. Не знаю, кого они там обдирали, но в карманах у него было полно красненьких десятирублёвок; он доставал их пучками и пытался что-то всунуть мне — так, в подарок, поделиться. Он стал показывать мне краплёные карты, объяснял, как их крапят: в уголках делают тонкие проколы, невидимые глазом, но ощутимые пальцем. Крапят не все, а определённые карты, каждую по своему. Показывал какие-то карточные фокусы и игровые трюки, убеждая, что это пригодится в жизни. Под утро он утомился, прилёг и уснул. Конечно, я не выспался и весь день маялся, а после работы лёг спать, благо Женя где-то играл в «шахматы».

Ночью всё повторилось. Он опять пришёл поздно и не дал мне спать. Шелестел деньгами, предлагая взять сколько угодно, потому что ему столько не нужно. Он говорил, что стоит только мне где-то сказать, что я жил в одном номере с Копчёным, то сразу мне будут почёт и всякая поддержка. Он предлагал где-то для меня похлопотать или замолвить — ведь он мне друг! — и ещё — что он пока нигде не оформился, а время вышло. И опять — про деньги, карты, помощь и наши похожие бродяжки судьбы.

На третью ночь он засобирился съезжать. Вернулся с тусовки раньше, озабоченный и притихший. Сказал, что у них там «на малине» кого-то порезали и теперь надо тихо и быстро смыться. Он ещё раз напомнил, чтоб в случае чего, если прижмут,

я сразу ссылался на него — мол, у меня друг — Женя Копчёный — и жалел, что за неимением не может оставить мне свой адрес. В номере было холодно, и поверх рубашки у Жени был надет свитер с высоким горлом, чёрно-красной расцветки, точно такой, как у меня; только мой лежал в сумке под кроватью, я приберегал его для самой холодрыги. А я сначала чуть не наехал на Женю, да вовремя смекнул: кто ж это стащит чужую вещь и будет расхаживать в ней при владельце... Утром Жени Копчёного в гостинице уже не было.

Мороз крепчал. Перед работой я решил утеплиться и с предвкушением комфорта раскрыл сумку с одеждой. Увы! От всех моих тёплых шерстяных вещей осталась маленькая холодная пустота. Вместе с тем самым чёрно-красным свитером они канули с Женей Копчёным в неизвестность. Больше всего мне было жаль толстых шерстяных носков, которые мне связала мама; я их даже ни разу не надевал. Я успокаивал себя мыслью, что носки мама мне ещё свяжет, а свитер был не новый. И всё же такого я не ожидал...

Может, мои шмотки как-нибудь выручили Копчёного в жизни — дай Бог. Как-то не верится, что он обчистил меня с холодным расчётом, как обычного постороннего «клиента». Мне кажется, что второпях, мимоходом, сработал воровской рефлекс не задумываясь прибираться к рукам, что приглянулось. Как у Вилли Токарева: «привычки вора удивительно сильны». Кто-нибудь посмеётся: да, зазевался парень, прощелкал момент. Не надо! Предупреждаю легкомысленных насмешников: у меня друг — Женя Копчёный, я жил с ним в одном номере.

Как мы голодали

В полевых партиях геологи и геофизики толстыми не бывают. Это статистически заверенный исторический факт. Особенно когда они ещё молодые специалисты. Мы были как раз такими.

Шёл семьдесят третий год. В Верхней Омре и окружающем её мире заканчивалось лето. Это значит, что в магазинах появились овощи и фрукты, которые в те времена только и бывали в конце августа и сентябре, когда созревал урожай на далёких совхозных полях и в садах; с мучениями кое-как собирался, и с ещё большими мучениями и потерями достигал удалённых посёлков наподобие нашего. В это же время в лесах пошли грибы и массовые ягоды: черника, брусника и на болотах подходила клюква. Наступала пора, когда наконец-то можно было расширить наше небогатое меню, напитать организм вкусными и сочными природными витаминами и на этом отвести душу на следующие десять консервно-макаронных месяцев, львиную долю которых занимала длиннющая суровая зима.

Это сейчас в магазинах есть всё и круглый год. А тогда в тех краях круглый год почти ничего не было, и только иногда появлялось кое-что. Полгода из-за морозов невозможно было доставить к нам и хранить в магазине никакие растительные продукты, а запастись до лета у многих не получалось. Бывало, сиживали без репчатого лука, без которого всё невкусно; но выживали.

И вот — конец лета! Приятно было видеть людей, несущих из магазина авоськи с помидорами, огурцами и всякой зеленью. Вечерами из окон разносился аромат жареных грибов, с картошкой и зелёным лучком. В воздухе витало предвкушение пира. Но судьба уготовила нам иной жребий. Нам — это троим геологам: мне; моему другу, однокурснику и коллеге Сныту (а по мирскому он Александр Сергеевич Снытко), и нашему другу, также коллеге и однокурснику Астафурову (Владимиру Астафурову). И всему виной — волшебная сила искусства, а конкретнее — литературы.

Тем летом по рукам ходила книжка Брегга «Голодание во имя здоровья». Думаю, она многим знакома. Потом появилось много подобного чтива и о голодании, и о водолечении, о всяких травах и диетах — не перечитаешь. Смысл простой: поешь того-то или не ешь ничего; или воды сырой пей, сколько сможешь — и станешь молодым, здоровым и красивым, поумнеешь

и, может быть, даже никогда не умрёшь. Со временем это набил оскомину, но тогда книжка на нас произвела впечатление. Главное, голодание там рекомендовалось всем: если ты не толстяк и не больной, а просто здоровый молодой парень, то тебе тем более полезно поголодать — впрок, для профилактики (понятно, что здоровому вреда от авантур бывает меньше, чем нездоровому). И ведь простой метод. Не надо доставать дорогих препаратов. Наоборот. Бесплатно ничего не ешь — ещё и экономия. Правда, голодать надо по-честному, совсем ни крошки, только чистая вода. И входить в полный голод постепенно, через соки, и так же выходить. И делать это надо под наблюдением врача, иначе опасно; и надо очень блюсти гигиену. Нам понравилась книга, мы всему поверили, и я решил иметь эти дела в виду когда-нибудь на будущее.

Но мои друзья Сныт и Астафур решили «ковать железо, не отходя от кассы». Мол, пока мы прочувствовали и под впечатлением, надо претворять в жизнь. У них были свои резоны. Ребята были крепкого сложения и далеко не тощие, а под тлетворным влиянием Брегга решили стать ещё лучше. Но Астафур вскорости собирался возвращаться в Питер; и книжку надо было отдавать, а без неё никак. И Сныт понимал, что без Астафура он не найдёт сторонников опыта. Да и ради Бога! Но они втянули и меня, чтоб я, как друг, поддержал их в этот сложный момент. Потому что трудно среди пирующих жизнерадостных товарищей соблюдать полную голодовку, нужна хоть маленькая, но команда. Бросить их я не мог. Я пытался отговорить их делать это именно сейчас, когда вокруг изобилие витаминов и деликатесов. Тщетно. Они знали: или сейчас, или никогда. И я отдал только что купленный кусок шпига по-венгерски геофизику Ромке Куропаткину, уезжающему в отряд, как сжигают мосты, чтоб уже не отступать.

Три переходных дня мы перебивались соками с сыром, просто соками и соками с водой. По правилам надо было для очистки ставить на третий день клизмы, но мы уже об этом забыли. Мы поняли, что всё гораздо хуже, чем просто есть мало и даже совсем не есть. Эти переходные дни привели нас в уныние.

Была надежда, что, по книге, на третий-четвёртый день чувство голода притупится и исчезнет. Но в книге ничего не говорилось про время. А время почти остановилось. Каждая минута превращалась в час, час — в сутки, сутки — страшно сказать. А мы наметили десять дней полной голодовки, это у Брэгга считался наиболее эффективным сроком.

Первый день полной голодовки я уже помню не очень хорошо. Помню, что в памяти всплыла фраза (кажется, Хемингуэй или кто-то ещё): «Он пошёл к воротам, длинный, как день без завтрака». Трудно придумать что-нибудь более длинное. Конечно, можно вот сейчас отвернуться от чая с бутербродом. Закрыть глаза на яичницу и даже (о нет!) на помидоры со сметаной. Сейчас. Вот стиснул зубы и не укусил. Молодец, ура. Но через минуту и через пять минут тебе опять надо вытерпеть и не укусить. Думать о чем-то другом, отвлечённом... Это как задерживаешь дыхание и считаешь секунды, и минута прошла, и надо вдыхать — а ты не вдыхаешь и продолжаешь считать, а секунды стоят. Ничего не болит, но ты не знаешь, как протянуть следующие минуты. До конца рабочего дня — вечность, и не хочется думать, что потом. Вот ребята обменялись парой фраз, а для меня за эти мгновенья как будто протянулся натошак длинный кусок пасмурного тоскливого дня в зале ожидания какого-нибудь захолустного вокзала.

После работы люди пошли кто в магазин, кто — в гости, а кто-то в лес за грибами. Мы запрятались в своём бараке и старались никого не видеть и не попадать на глаза. Читать и разговаривать не хотелось. Дозволенные глотки воды облегчали самочувствие на считанные секунды. Ничего не болело. Было чувство глубочайшей тоски и уныния и ощущение, что это никогда не кончится. Была уже уверенность, что несколько предстоящих дней — это временной барьер, который преодолеть невозможно. Мы не представляли себе, как быть, и пока просто терпели. В каком-то полузабытьи дотянули до ночи, а ночью получилось довольно сносно выспаться, хотя сны тоже были тоскливые и рваные.

Второй день напоминал первый, но был втрое длинней. Снами уже никто старался не разговаривать: люди знали о на-

шем «подвиге» и понимали, точнее, видели по нам, что трогать не надо. Помню, что два раза проходил мимо наш начальник. Я строил проектные разрезы и построил два или три варианта, выносил скважины на топоплан. Но всё это не убило и половины дня. После «обеда» ходил на базу за речкой, на склад и в kernоразборочную. Вернулся в камералку — день ещё не кончился. Можно было бы описать каждую минуту, но они были слишком длинные.

Тут мы вспомнили, что книга рекомендует при голодании прогуливаться и выполнять лёгкую физическую работу. И чтобы убить непослушное стоячее время, мы после работы решили побродить по лесу, собирая грибы — не закрывать же на них глаза и не ходить без смысла. Это предложил Сныт; и это была серьёзная провокация: грибы ведь кого хочешь соблазнят. Но мы решили, что терпеть — так уж терпеть. Грибы отдадим девчонкам, готовить не будем. Может, дальше станет легче.

Здесь в теории Брэгга оказалось слабое звено. Как-то он не подумал про воздействие физических нагрузок на свежем воздухе. А я подумал, но не стал никому ничего говорить. Наверное, мои друзья тоже о чем-то догадывались и решили — будь что будет. Так оно и вышло. Когда мы порознь приплелись из ближних лесов с полными вёдрами, вес которых натошак казался нам не меньше двух-трёх пудов, мы кое-как уместились на кухонных стульях и долго сидели молча, собираясь с последними силами и мыслями. Сил уже и не было, а мысли — были. Правильные мысли, которые я не сумел внушить ребятам чуть раньше, теперь внушила жизнь. Мы посмотрели друг на друга и ничего не стали говорить. Про Брэгга.

Сныт сказал про другое: где шпиг по-венгерски? К счастью, небольшой шмат нашёлся в нашем подполе с каких-то старых времён. Нашлись помидоры и яйца, изумительный подсохший хлеб и зелёный лук. Да разве может с этими яствами сравниться пусть даже самое хвалёное в мире чувство голода. Разве может принести пользу то, что заставляет страдать? Мы на эту тему как-то больше не философствовали. Пусть каждый думает сам. Хочет — ест, не хочет — ест нехотя. Шутка.

Грибной человек

Летом 1974 года лагерь нашего отряда располагался в долине реки Сойва, с разнокалиберным лиственным лесом и кустарниками по берегам и каменистыми перекатами в русле. К концу лета отряд был небольшой, геодезисты и рубщики перебрались на другой участок, а мы заканчивали здесь горные и геофизические работы. По вечерам любили посидеть у костра, попивали чай или чагу, разговаривали обо всём на свете. Конечно, что-то сооружали к чаю пожевать. Рацион в отрядах, да и не только, разнообразием не отличался. Консервы, крупы и макароны — и блюда из них. Вместо хлеба — чёрные морские сухари (надо сказать, отличные), а овощей и фруктов практически не видели, они и в магазинах были редкостью. Поэтому дары природы старались использовать, когда они появлялись. Надо сказать, что грибов в грибное время в тех краях было довольно много, а в августе их сезон уже был в разгаре. И мы с удовольствием дополняли ими своё меню. Делалось всё просто: после работы и ужина кто-нибудь один брал два ведра и уходил по склону долины на полчаса, после чего возвращался с полными ведрами подосиновиков. Надо сказать, что из других съедобных грибов встречались кое-где сыроежки и в определённое время в своих местах — маслята. Росли местами волнушки и другие солонухи, были и разные поганки. А жарили мы почти одни подосиновики, молоденькие и чистенькие. Для этой цели наш опытный, уже немолодой начальник отряда смастерил из жести огромный глубокий противень, куда как раз помещалось два ведра грибов. Обычно тот, кто собирал, сам мыл грибы в речке, резал и жарил, и потом все садились к противню и орудовали ложками так, что только шум стоял и за ушами трещало.

Каждый день по грибы ходили разные сборщики, никому было не в тягость, и мы исправно уплетали по два ведра в день перед сном, у костра, запивали чагой и под разные байки и страшилки шли смотреть сновидения, радуясь грибному изобилию.

Как раз в это время в отряд прибыл вместе с бульдозером новый тракторист, средних лет, родом с Украины, раньше на севере не работавший. Он должен был проходить бульдозерные траншеи на склонах, но в первый же выезд трактор «разулся» и встал на склоне грудой железа. Надо было ждать помощи, какие-то запчасти. Тракторист «завис» без дела. И очень пристрастился к жареным грибам: ещё бы, такая вкуснятина.

В один из дней, вероятно, слегка пресытившись грибами, мы не пошли на промысел. А может, устали; в общем, махнули рукой — ну их, не сегодня. Но тракторист как-то забеспокоился, не выдержал саботажа, взял вёдра и двинул в лес. Да и ладно. Заблудиться негде, пусть разомнётся. Вскоре он вернулся с полными вёдрами, промыл грибы в речке, порезал и стал жарить в противне на плите, как обычно. А когда поджарил, позвал всех перекусить. Хочешь не хочешь, а отказываться нехорошо, человек старался.

Привычная трапеза шла к завершению, когда я в очередной раз почувствовал горьковатый привкус и жестковатый хруст на зубах. Посмотрев внимательнее, я увидел кусочки зонтичной шляпки, но не сыроежки, а что-то вроде волнушки или чего-то ещё. Ну, думаю, гурман нашёлся: солонухи жарит. Конечно, стало любопытно, я и спросил: ты что, мол, и волнушки жаришь? Мало ли, думаю, у них там кухня своя, необычная, или любители всякие бывают.

А он посмотрел на меня с недоумением ясными глазами и выдаёт: да я не знаю, как они называются, я ведь в грибах совсем не разбираюсь... А противень уже почти очистили! Все примолкли. Ладно, думаем, от малой дозы мухомора или какого-нибудь ложного опёнка помереть не должны. Ну, может, сработает как слабительное. Нам повезло. Никто не умер, никаких отравлений и расстройств не произошло. Видно, бледные поганки на этом участке не водились. И слава Богу. Но с той поры к грибным яствам и прочему «подножному корму» мы стали относиться внимательнее. Вот уж и впрямь: нет худа без добра.

Взвесьте бутылку

Честно говоря, даже немного жаль раскрывать хоть и маленький, но всё-таки секрет или скорее просто малоизвестный факт — во всяком случае истина в этом деле практически для всех оказывалась несоответствующей их представлениям. Для меня и моего друга и коллеги Володи Пичугина познание этого вопроса выразилось в виде выигранных на спор бутылок шампанского — напитка, как мы все знаем, вкусного и полезного, особенно в далёкие молодые годы.

Дело было в середине семидесятых, осенью, в Верхней Омре. Мы все (геологи, геофизики, отрядные рабочие и др.) только что вернулись на базу, отдельными отрядами с различных полевых участков. Каждый год в любой геологической организации это был яркий отрезок жизни. Закончен нелёгкий полевой сезон, все устали; работы выполнены, собран большой объём материала для обработки, есть и уже готовые результаты — это понятно. Наконец-то все собирались вместе. Первые несколько дней ходили друг к другу в гости, тусовались, отмечали конец сезона, встречу и всё такое. В Верхней Омре уже начиналась зима, лежал снег, и мороз прихватывал за уши. Приятно было после осенних палаток сидеть в комнате у горячей печки и за разговорами потягивать глинтвейн или что-нибудь ещё.

В один из вечеров мы сидели с Пичугиным у меня за кухонным столом, возле окна, покрытого слоем льда и морозными узорами. На столе стояла пустая бутылка из-под шампанского, и мы как раз работали над второй. Мы бросали в бокалы кусочки шоколада и смотрели, как они циркулируют вниз — вверх в пузырьках газа. Настроение было философское, размышляли о том и о сём. Окружающий мир привлекал внимание.

Например, мы заметили, что у купленной нами куры три ноги. Для верности пересчитали. Три. А крыльев — два, как и положено. Стало не по себе. Я вспомнил повесть Шефнера, где один изобретатель мечтал вырастить кур с четырьмя ногами, как более деликатесных. Может, предположил я, это оттуда. Пичугин сказал, что кто ж его знает. На том и согласились. Решили

сварить какая есть. А когда запихивали в кастрюлю, мороженая тушка вдруг развалилась на две маленьких, у одной из которых не хватало обоих крыльев и ноги. И никакой мистики. Просто птичка побывала в опытных руках магазинного персонала, который частенько удалял у продуктов всё, что плохо торчит.

Тут закончилась вторая бутылка. Очень не вовремя. Много было ещё нетронутых вопросов бытия, вечер весь впереди. Покачивая в руке пустую бутылку, я обратил внимание, что она ненамного легче полной. Так мне показалось. Об этом я сказал Пичугину. Он сказал, что она легче на 0,7 кг, значит, когда пустая — лёгкая. Я не согласился, что она такая уж лёгкая. Призадумались, стали прикидывать — интересно, в самом деле, сколько она весит. Весов в доме не было. Путём сложных умозаключений пришли вот к чему: по мнению Пичугина, полная бутылка весила меньше 1,5 кг; по моему мнению — больше. Как полагается, поспорили. На шампанское. Оделись, пошли в магазин.

В маленьких посёлках продавцы и покупатели как правило более или менее знакомы. Нас тоже знали как вполне нормальных парней. Всё же продавщица слегка опешила, когда её попросили взвесить бутылку шампанского. Но заказ на весы поставила, с недоумением глядя на нас. А мы внимательно смотрели на шкалу: стрелка заехала за 1,8 кг. Не говоря ни слова, Пичугин вынул деньги и расплатился, и мы ушли, оставив за спиной немую сцену.

По дороге к дому нам встретился геофизик Ромка Куропаткин, опытный полевик и азартный игрок. Под впечатлением от эксперимента мы не могли удержаться и не спросить, сколько весит это самое... Ромка назвал какие-то мизерные значения, и как мы его ни отговаривали, поспорил, что ни в коем случае не потянет больше 1,3 кг, что у нас вышла ошибка. Через пять минут он присоединился к нам с проспороженным шампанским. При этом Рома быстро компенсировал свой промах, зайдя к другим геофизикам и мигом выпорив у них ещё одну бутылку. Весть о свойствах бутылок шампанского разнослась по посёлку мгновенно; но меня не покидает ощущение, что люди всё равно этому не верят. Так что спорьте и выигрывайте.

В каком-то журнале я читал, что бутылка «Советского шампанского» выдерживает давление гусениц проезжающего по ней трактора (не помню, какого).

А ещё я слышал от знающих людей, что «Советское шампанское» ценится в Индии и на этом даже кто-то делал деньги; а ценится оно из-за толстостенных зелёных бутылок, из которых ювелиры делают для туристов фальшивые изумруды и другие драгоценности. И если они продают их на караты, то значит, бутылки надо взвешивать.

Мозырская
ГЕОЛОГИЯ

Письмо другу

Привет, дружище! Сколько лет прошло,
Как мы с тобой последний раз встречались...
На головы нам снегу намело,
Но сами же мы прежними остались.
Не научила жизнь нас воровать,
Ни лицемерить и ни прогибаться,
И так же будем лбы мы разбивать
О хамство, бюрократию, коварство.
Мы вымираем, время не для нас,
И над такими чаще все смеются.
Но это наша жизнь и только раз
Нам полномочия для выбора даются.
Останемся такими же и впредь —
С открытой душой и верным сердцем.
Пусть ничего не будем мы иметь,
Но возле нас дадим другим согреться.
Переплавляя боль своих забот
В поддержку ближнего, внимание, участие,
Мы будем знать, что жизнь не зря пройдёт,
Раз мы кому-то подарили счастье.
Порадуемся искренне, мой друг,
Что мы имеем всё, что сердцу нужно:
Работу для ума, души и рук,
Любовь, детей, родителей и дружбу!

* * *

Я прощаю, конечно, прощаю.
Всех прощаю, прощаю за всё.
Впредь обид не копить обещаю
И не делать хмурым лицо.
Я прощаю, ах, это нетрудно,
Все обиды и зло, что прошла.
Пусть в душе своей, а не прилюдно,
Я желаю всем только добра!
Я прощаю не галочки ради —
Просто время, видно, пришло.
Из своей ситуации глядя,
Я прощаю сегодня — и всё!
Есть потребность — она проявилась,
И желание выход нашло.
Почему же, скажите на милость,
Так себя прощать тяжело.

На 50-летие «Невскгеологии»

В «Невскгеологии» сегодня торжество,
Достойная и памятная дата —
Полвека с основания прошло!
И слава тем, кто начинал когда-то
Сей важный и нелёгкий путь
По выявлению «неведомой» руды,
Кто смог в родные недра заглянуть,
Открыть месторожденья для страны!
Первопроходцы с фронтовых дорог
В маршруты поисков и знаний уходили,
Но также по-военному был строг
Приказа тон, который получили:
«Разведать площади, найти, обосновать...» —
И авангард в разведку тотчас двинут!

Никто из них не мог предполагать,
Каких масштабов поиски достигнут!
За 50 рабочих славных лет
Менялись вывески конторы и начальство...
Как много доблестных одержано побед,
И многие познали славы счастье.
Какие созданы великие труды!
От геологии таланты и титаны
Отмечены наградами страны
За выявление не только лишь урана.
Спасибо каждому, кто все эти года
Вносил свой вклад и душу в наше дело,
Не уступал кто трудностям всегда
И действовал решительно и смело!
Поздравить рады всех, кто к нам пришёл
На праздник. А кого нет с нами,
Мы вспомним обязательно и тост
За них поднимем в памятном молчанье.
«Истории»* написаны тома.
В них жизнь, работа, что велась годами...
В ком порох есть, надежда всё жива,
Тот трудный путь продолжит вместе с нами!

Декабрь 1997

На юбилей генерального директора

Сегодня юбилей у «генерала»
(известно ведь, что все Вас так зовут).
Как водится, гостей будет немало,
И тосты в Вашу честь произнесут.
Слова привета, лести и признанья

* «История создания и деятельности Северной экспедиции (1947) — «Невско-геологии» (1997), написанная ведущими работниками этой организации.

Вам, генералу, скажут в изобилие,
Но не забудьте, что на это званье
Из рядовых вы всё же выходили.
Всегда послушны Вашему приказу
Солдаты все, подразделения, роты —
Вас не подвёл никто из них ни разу,
Не завалил возложенной работы.
Ряды наши редуют. Пополнения
Всё не видать на смену ветеранам.
Пора переходить уж в наступление
Назло зияющим бюджетным ранам.
Ваш жизни путь не раз отмечен свыше
Наградами, медалью, орденами.
Час битвы до победы — он всё ближе.
Командуйте! А мы пойдём за Вами!
Чтоб Вами мы гордились все по праву,
Не уроните честь свою в бою.
Наш генерал, в солдатах Ваша слава —
Не растеряйте армию свою!

Весна

А в Летнем саду сжигают листву,
И стелется дым по Фонтанке,
Город стряхнул зимы черноту,
И на Михайловском замке
Скульптуры застыли в движенье немом —
Им плечи расправить бы впору.
Мечтают они о дожде проливном
И обновлении скором.
Машины по набережной пылят,
Огни светофоров мигают,
Деревья готовят весенний наряд,
И птицы покоя не знают.

Ветра весеннего тёплый порыв
Разгонит последние тучи,
Остатки зимы с собой прихватив,
Мир сделает чище и лучше.
Солнце начнёт неустанно трудиться,
Чтоб сделать красивым кого-то.
И заиграют улыбки на лицах,
На куполах — позолота.
И так каждый день и из века в век,
Покая не зная и сна,
Природа вершит свой стремительный бег —
И снова пришла весна!

* * *

Когда разводятся мосты,
То до тебя мне не добраться.
Я — на Васильевском, а ты —
Там, где хотела б оказаться.
Мосты сведут, но вот беда,
К тебе шаг сделать очень трудно,
И не приду я никогда
В твой мир, где шум и многолюдно.
Пора оставить все мечты
И вздорные отринуть мысли.
Соединяют нас мосты,
Но разделяет образ жизни.

О любви

О, сеньорита, извините!
Кабальеро опоздал чуть к месту встречи.
Говорите, говорите!
Я готов весь вечер слушать Ваши речи.
Это не бинт — поверьте мне, это... чалма!
Да, да, сейчас такие в моде.
Нет, нет! Какая ж это кровь?
Видать, один болван вином забрызгал... вроде...
Над Пиренеями — закат,
С горы открылся вид прекрасный,
И говорит Ваш строгий взгляд,
Что шёл сюда я не напрасно!
Над Пиренеями — заря,
Склонилось солнце над долиной.
Оно покинет Вас, но я —
Я до утра вас не покину...
Что там за шум? Кого несут? Что говорят?
Ого, какой большой мужчина!
О, эти злые языки... Я виноват?
Но ведь была на то причина.
Он, чванясь, ехал на коне, он перешёл дорогу мне,
Назвал Вас милой.
Он проиграл,
И те цветы, что он прислал,
Ему положим на могилу.
Над Пиренеями — закат,
С горы открылся вид прекрасный,

И говорит Ваш строгий взгляд,
Что шёл сюда я не напрасно!
Над Пиренеями — заря,
Склонилось солнце над долиной.
Оно покинет Вас, но я —
Я никогда Вас не покину!

Год Дракона

Вот опять за окном запуржило,
Закрутила зима хоровод,
Дед Мороз и Снегурка шутиливо
Зазывают в наш край Новый год!
А за ним Рождество чудной сказкой
Тихо-тихо вольётся в дома,
Всех оно примирит и прекрасной
Нежной музыкой тронет сердца.
Из воды пусть Дракон выплывает,
Чешуёй разноцветной блестя,
Пусть плохое он всё забирает,
Мудрость, счастье всем людям даря!
Пусть придут с Драконом здоровье,
Мир и радость да смех озорной.
Запустите их всех на подворье,
Разместите в домах на постой.
Пусть Ваш дом будет полная чаша,
И удача с успехом придут,
Пусть душа отогреется Ваша
И тревоги навечно уйдут!

28.12.2011

День геолога

Опять апрель капелью бурной
Бродяжье сердце вдаль манит
И первый выходной, как марш бравурный,
Волненьем душу бередит.
И в этот день, как и ведётся,
Мы славим путь «Ума и Молотка»,
Который выбран был не как придётся,
А выстрадан душой и сердцем на века!
Ну что ж, друзья, пора наполнить чарки
В сей светлый день не грех и пригубить,
Восславим мы поля, что были жарки,
И круг друзей, которых не забыть.
Пусть в этот праздник будут слышны тосты:
«За тех, кто в поле!» «... кто в пути!»
Мы знаем подлинно, как — ох! — непросто
Запасы скрытые в глубинах недр найти!
Здоровья, счастья вам и «горы золотые»!
Пусть фарт-удача не оставит вас,
Открытий новых вам, коллеги дорогие,
Что будут пополнять страны запас!!!

02.04.2011

К Дню геолога

Опять планета вторглась в секторы апреля,
И первый выходной уж не вдали,
И вновь бродячий люд и менестрели
Толкают тост: «За тех, кто в поле и в пути!»
Здоровья вам, коллеги дорогие,
Желаю всем, и юным и седым,
И чувствуйте себя, как боги молодые,

И путь пусть будет ваш благим!
Удачи всем и новых вам открытий
В горах, в тайге и в тундровых краях,
В текучке дня обыденных событий,
И в грозных дальних штормовых морях!
И пусть «усердие к служению Отечеству» вернётся
И будет ценно впредь на верхних этажах,
Тогда любовь «на пользу оного» привьётся
Средь молодых геологов на дальних рубежах.
Ну что ж, друзья, пора всем нам к салатам,
В сей светлый праздник наш «Ума и Молотка»
Наполним кружки, как и души, полевым азартом
И трижды браво грянем: «Геологии — ура!!!»

02.04.2010

Год Тигра

Вот опять Новый год наступает,
Вьюга снова поёт за окном,
И сугробы зима наметает
Укрывая всю землю плащом.
Лапы кризиса пусть разожмутся,
Пусть Тигриный приходит рассвет,
А Коровьи деньки не вернуться
И не вылезут больше на свет!
Пусть в канун Рождества непременно
Счастье, радость вольются в Ваш дом
И здоровье прибудет степенно,
И любовь, безусловно, потом.
Пусть мечты Ваши все воплотятся,
Пусть беда обойдёт стороной,
И детишки пускай наслаждаются
Новогодней чудесной порой.

Путь душа отогреется Ваша
От забот и мирской суеты,
И опять будет полная чаша
За труды, как подарок судьбы.
Пусть еловой запахнет смолою,
Мандариновым духом пахнет,
Оливье будет просто горою,
А затем и удача придёт!!!

30.12.2009

С Днём геолога!

Опять апрель бушует на Планете,
Журчат ручьи, звенит кругом капель,
И хочется куда-нибудь бежать, проснувшись на рассвете,
И песни складывать и петь, как юный менестрель.
И в эту, скажем, беспокойную декаду,
Все те, кто выбрал путь «Ума и Молотка»,
Сойдутся за столом, ведя приятную беседу
О том, как хорошо сидеть у полевого костерка.
За чаркой водки будут вспоминать они сезоны,
Когда работал каждый на пределе сил,
Когда не властны были даже жены:
Сезон — всех одержимых в поле уносил.
И не секрет, что сгнуло ребят немало,
В стремнинах рек, в горах, в теснинах скал,
Но место их младое племя занимало
И в закрома страны поток добра не иссякал.
Теперь у нас совсем другое время:
Ржавеет молоток, заброшен компас, сапоги.
Желанья нет поддерживать ресурсов бремя
У молодёжи необъятнейшей страны.
И всё же верю, времена ещё настанут

Когда Россия вся поднимется с колен.
Рвачи и дураки, как в замять, канут
И будет рудознатца труд достойно оценён!
Так пусть здоровья хватит в эту пору Мэтрам
Младых геологов поставить на крыло,
В тандеме с ними изучая Недра,
Передавать им знанья, мудрость, ремесло!
Ну что ж, друзья, поднимем выше кружки!
Пусть вся Россия слышит этот тост:
«За тех, кто в Поле, а не у Кормушки!
За тех, кто ещё держит геологии форпост!»

03.04.2009

Белову — 80!

Юбилейные эпиграммы-двустушия

— Юра, долго ли собираешься работать?
— До выноса.

Из давнего разговора

Белову восемьдесят лет,
А выноса всё нет и нет...

С утра на службу он идёт,
Там дел всегда невпроворот.

Усевшись за рабочий стол,
Полдня работает, как вол.

Ему за этот тяжкий труд
Потом зарплату выдают.

Получит тысячу пятьсот —
Живёт и дальше без забот.

Но вот беда, клешня болит,
Попорчен весь товарный вид.

Походка, как у моряка.
Идёт, качается слегка.

Но не за водкой в магазин.
Он пьёт лишь церебрализин.

Теперь так Юра и живёт.
Плодится рядом его род.

Дай Бог, чтобы хватило сил
И до праправнуков дожил.

Как говорят, ядрёна вошь,
Порадуйся, пока живёшь.

Стишки хоть изредка пиши,
А на свой вынос не спеши.

Юбилейное

*Вильяму Ивановичу Робонену,
патриарху геологической службы Карелии,
в день восьмидесятилетия*

Это не каждому дано,
Но все бы этого хотели,
Чтоб жил, как доброе вино,
Здоровый дух в здоровом теле.

А юбиляр наш полон сил,
Розовощёк, как кот в апреле.
Всё потому, что сохранил
Здоровый дух в здоровом теле.

Невзгоды были на пути:
То грязь распутиц, то метели.
Сквозь всё сумел он пронести
Здоровый дух в здоровом теле.

Ровесники — одни ушли,
Другие маются в постели.

Они сберечь так не смогли
Здоровый дух в здоровом теле.

Дни катаклизмов и разрух
Его нисколько не задели.
Знать, потому, что не потух
Здоровый дух в здоровом теле.

При всех режимах и властях
Жил, как младенец в колыбели,
Неся, словно победный стяг,
Здоровый дух в здоровом теле.

Давно пора бы на покой,
Но он всегда везде при деле.
Ведь каждодневно тянет в строй
Здоровый дух в здоровом теле.

И дальше пусть бегут года
Под птичек радостные трели.
И чтобы мощно жил всегда
Здоровый дух в здоровом теле.

Карельской экспедиции — 50 лет

Для экспедиции полсотни лет
Не так уж велика и дата.
Быть может, даже маловата.
Лишь бы вдали сиял просвет.

Мы начинали всё ещё тогда,
Когда жила романтика традиций,
Когда кострами экспедиций
Пылали юные года.

Хоть нас съедали тучи комаров,
Из года в год тянуло в поле,
Как перелётных птиц на волю,
Где много солнца и ветров.

От нас всегда далёко был прогресс.
Но если уж какая заваруха,
На выручку спешила к нам «шавруха»,
Как Божий дар, свалившийся с небес.

Везде оставили свой след,
Вскрывали в недрах кладовые —
Свои родные, дорогие,
Как жизни нашей амулет.

А рядом среди глухой тайги
Вздыхались стройки, города, заводы.
Геологи отборнейшей породы
Торили в будущее твёрдые шаги.

Потом пришли иные времена.
И в одночасье все наши народы
Утратили леса и недра-воды.
В капитализм вошла страна.

Наш труд подешевел, престиж упал.
Геологи теперь копают грядки,
Ругают новые порядки,
Но сохраняют свой запал.

Я экспедиции желаю лишь добра.
Способности идти своей дорогой,
Наперекор политике убогой,
Которая объявлена вчера.

Я предлагаю помянуть друзей,
Почивших к сроку и до срока.

Боюсь, нам не извлечь урока
Из всех несчастий и смертей.

Я поднимаю тост за юбилей,
Чтобы, не глядя на разруху,
Ещё не раз хватило духу
И выпить, и налить полней.

В судьбу я верю

В судьбу я верю. Видно, суждено
Бродить мне по лесам и по болотам.
И вот брожу, причём уже давно,
И жизнь свою менять мне неохота.

Всплывают в памяти минувшие года:
Маршруты пешие, ночёвки и привалы.
И пусть комфорта не хватало иногда,
Зато романтики на всех вполне хватало.

Вот по вулкану мы гуляем взад-вперёд.
Потух он и, надеюсь, не проснётся.
Но если вдруг случайно оживёт,
То плохо нам тогда придётся.

На обнажениях дискуссии идут.
В жару и я не прочь бы обнажиться,
Но комары уже давно нас ждут,
И от клещей в лесу нигде не скрыться.

Чужую речь я целый день перевожу,
Лишь за обедом ненадолго умолкаю.
Все термины я в памяти держу
И, когда нужно, их оттуда извлекаю.

Здесь каждый термин смысл имеет свой.
Вот, скажем, КРОВЛЯ. Но она не протекает.

ПОДОШВЕ-толще не страшны ни дождь, ни зной,
К такой подошве ничего не прилипает.

О ПРОЯВЛЕНЬИ чувств скажу. И вновь
Приходит мне на ум сравнение:
Хотя не чужда и геологам любовь,
Им все ж милее РУДОпроявления.

От ЗНАКОВ РЯБИ у меня в глазах рябит.
Я волоку рюкзак по СКЛАДКЕ ВОЛОЧЕНЬЯ.
Но надо двигаться, уже торопит гид,
И для меня не будет исключенья.

На ужин — в лагерь. С нами прибыли сюда
Французы, шведы, финны, итальянцы.
И мы друг друга понимаем без труда:
Они такие же, как мы, но иностранцы.

А после ужина — беседа у костра,
И в кружках булькает забористое виски.
За мир и дружбу выпить нам пора
И освежить наш бытовой английский.

Я с геологией пока что не на «ты»
(Ведь этому нас в школе не учили),
Хотя порой с утра до темноты
Я слышу: «лавы», «дайки» и «лапилли».

Я уяснил, что вертится Земля
(И после виски это чувствую немножко)
И что её магнитные поля —
Не те, где я трудился «на картошке».

Погас костёр, во тьме мерцают угольки,
Наш лагерь постепенно затихает.
Ночной прохладой веет от реки,
Да где-то далеко собака лает.

Я засыпаю, наконец, под шум листвы.
А завтра — новый день, всё повторится:
Лесные тропы, аромат травы...
А, может, мне уже всё это снится.

2008

Баллада о раке

Ехал Грека через реку...

Рыбаки ловили рыбу, а поймали рака...

Судьба играет человеком.
Пойми, кто друг — тебе, кто — враг.
Вот Грека... ехал через реку,
Но появился в реке рак.
В богами избранной Элладе
Да завелась такая тварь
И слово «рак» и «раком» (сзади)
Мгновенно занесли в словарь.
А рыбаки ловили рыбу,
Одежды скинув, без порток.
Они рубахи снять могли бы,
Да солнце жарило чуток.
Когда же, знойное в зените,
Устало солнышко висеть,
Артельный крикнул им: тяните,
Пора проверить нашу сеть!
Тут рыбаки, прибавив пылу,
На берег сеть поволокли.
Но окромя пустых бутылок,
В сетях лишь пук травы нашли.
А в той траве, вращая глазом
И громко клацая клешней,
Скрывался рак. Рыбак не сразу
Сумел понять, кто там такой.
Забыв про всё, из любопытства

В кружок собрались рыбаки.
И их природное бесстыдство
Могли все видеть у реки.
Впервой увидев в жизни рака,
С упорством стали изучать,
Но где у чудо-зверя срака,
И за день не смогли понять.
Когда же солнце шло к закату,
Рябой, занюханный нахал
Схватил замученного рака
И в сраку палец запихал.
От дикой ярости и боли
Скотина встала на дыбы.
И рыбачок, собой доволен,
Не стал испытывать судьбы,
А, вперив взгляд в речные волны,
Он пнул животное ногой.
И рачий свист, обиды полный,
Всю ночь носился над рекой.
К утру, зализывая раны,
Зарылся рак в прибрежный ил.
Но, опозорен и изранен,
Обиду в сердце затаил...
А между тем безвинный Грека
Через реку стал переплывать.
Он ехал в центр, в библиотеку
Про раков книгу почитать.
На дне узрев знакомый образ,
Он руку в реку опустил.
И в это время рак, опомнясь,
Клешнёю кисть перекусил.
Кто ищет в басне сей морали,
Тот, право, истинный чудака.
Я вам писал, а вы читали.
И не пойму, при чём тут рак.

Апрель 1996 г.

Карелия

Память ледника —
Бараны каменные
Мхами заросли.
Падает река —
Каскады, вплавленные
В заросли земли.
Озеро течёт
Сквозь можжевёловые
Рыжие леса.
Время-звездочёт,
Не пошевеливаясь,
Смотрит в небеса.

* * *

Старинные карельские дома
Украшены резьбой и двухэтажны —
Где длинная и мерзкая зима,
Комфорт и красота особо важны.
Здесь не было ни крайней нищеты,
Ни чёрного холопского позора,
И люди были нравственно чисты,
Трудились на земле, не пряча взора,
Трудились на воде или в дому,
Питая душу песней или шуткой...
Теперь я понимаю, почему:
Был создан этот мир когда-то... уткой.

* * *

Онего-озеро везде, на много миль,
И с той и с этой стороны дороги.
Здесь ледника доисторического стиль
Объединил болота и пороги
Проток и речек (божеский каприз!)
И сотворил, талантлив и коварен,
Неимоверный летний парадиз
Для перелётных — птиц и прочих тварей.

* * *

Деликатно стоят трое умных нечёсанных псов
Посреди аскетично стерильного зала столовой.
Намекают всем видом своим от хвоста до усов,
Никому не сказав никакого собачьего слова.
Никакого движения, будто бы им всё равно,
Лишь глаза надрываются песнею проникновенной.
На земную идиллию озеро смотрит в окно,
И другое глядит благосклонно с картины настенной.

* * *

Кантеле звенит печально,
Переливно, многострунно...
«Калевала» изначально,
Вековечно, древнерунно...
Руны означали камень,
Воздух, озеро и ели...
Руны у людей веками,
Разговаривая, пели...

* * *

Над просторами Киж-острова
Длится северная заря.
Благодать царит над погостами —
Человек был создан не зря...
Свечи-маковки крестоносные
Серебрятся издалека.
Ты играй, звонарь! — прямо к Господу
Облака плывут, облака.

* * *

Страна валунов и воды,
Трясин и полян вересковых,
Дорог каменистых, крутых,
Дорог непролазных, рисковых.
Мне светит теперь по весне
Во славу твою и во имя
Летать над тобою во сне,
Дышать облаками твоими.

2006 г.

Медведи

Туман пожрал обрыв, и вроде
Совсем, совсем недалеке
Косматые медведи бродят,
Медведи плещутся в реке.

Швыряют камни, хулиганы:
Такая есть у них игра.
И страшно смотрят из тумана —
Кто это ходит у костра.

Они плывут и тянут лапы,
В густом тумане ждут, пока
Усну в палатке, чтобы сцапать
И схрупать прямо из мешка.

Мошкара

Когда бы не кусачие злодеи,
Какая жизнь была бы — благодать!
Упасть бы в мох, в багульник погустее
И дивным воздухом дышать, дышать.

Когда бы не кишели кровососы —
Без упаковки, чуть не нагишом
Ходила б я в маршруты, на откосы
Отчётливо взлетала бы стрижом.

Когда б не надоеды-людоеды —
Работали б мы чудно, просто всласть,
С достоинством вели бы мы беседы
И ели бы степенно, не машась.

Не лезли бы они в глаза и уши!
Как славно, на липучую их сеть
Не отвлекаясь, полноценно слушать
И без истерики смотреть, смотреть!

Огонь и вода

Плывут по свету облака,
Недвижим, спит тяжёлый камень,
Костёр играет угольками,
Играет в камешки река.

Картинка из преданий древних!
Как это вечно для людей —
Под облаками, на камнях,
К огню поближе и к воде.

Не прихоть праздная, не страсть,
А генетическая память —
В струю реки смотреть и в пламя
В ночи горящего костра.

И слух людской ласкает пенье
Проникновенных голосов:
Реки холодное кипенье,
Костра горячий хриплый зов.

Про катагенез

...А я еду, а я еду за туманом,
За туманом и за запахом тайги
Юрий Кукин

Может, кто-нибудь сочтёт невероятным,
Но — не сказка, а фактическая быль,
Что была когда-то морем необъятным
Наша Западная залита Сибирь.
В этом море благодатном
В изобилии приятном
Организмы благоденствовали, но —
Отмахав дорогу жизни безвозвратно,
На эвксинное откладывались дно.

Опочившая органика лежала,
Погребённая на долгие века
Под кластическим растущим одеялом —
Потому что разрушались берега.

И по прихоти природы
Запечатана в породу
Эта жирная остаточная смесь
Пропадала бы без пользы для народа,
Если б не существовал катагенез.

Понимаете, росла температура
И процесс термokatализа притом
Изменял молекулярную структуру
В направлении устойчивости форм.
Незаметные для глаза
Капли жидкости и газа
Переполнили породу, и она,
Погружаясь, наконец, достигла фазы
Нефтяного продуктивного окна.

Вот такая получается картина
Приблизительно, вчерне, без лишних схем.
А чтоб тонкости просечь — необходимо
Изучать в катагенезе кероген.
Так восславим же учёных,
Фанатично увлечённых,
В микроскоп глядящих, с грантами и без,
И самой своей природой обречённых
Для народа изучать катагенез.

Май 2005

Про нефть

Снег, снег, снег, снег,
Снег над палаткой кружится...

Александр Городницкий

Снег серебристый кварталы занёс,
Город накрыла зима.
В этот жестокий сибирский мороз
Что согревает дома?
Нет, не из лесу дровишки —
Там, где буянит борей,
Это ажурные вышки,
Пьют они без передышки
Солнце подземных морей.

Нефть, нефть, нефть, нефть,
Нефть под землёю таится —
Нам постигать её суть нынче и впредь.
Нефть, нефть, нефть, нефть
Будет фонтанами литься,
Чтоб города осветить, обогреть —
Нефть, нефть, нефть.

Нынче весьма тяжелы, далеки
Наши земные пути.
Через моря, ледники и пески
Точно пешком не дойти.
Но даже в песнях поётся:
Хоть сквозь космический мрак
Тот, кому очень неймётся,
К цели всегда доберётся,
Если залит бензобак.

Нефть, нефть, нефть, нефть,
Нефть под землёю таится —
Нам постигать её суть нынче и впредь.

Нефть, нефть, нефть, нефть
Будет фонтанами литься,
Чтобы нам ехать и плыть и лететь —
Нефть, нефть, нефть.

Январь 2004

Про пиролиз

Виноградную косточку в тёплую землю зарю...

Булат Окуджава

Я возьму образцы углеродистых толщ мезозоя
И докембрий возьму, и ордовик, и палеоген —
И отдам на Сорг, на пиролиз я душу настрою,
Потому что экспрессно хочу изучить кероген.

И когда на рабочем столе разложу пирограммы,
И замерю на них S1, и S2, и S3,
Посчитаю, сравню, алгоритм сочиню для программы,
А иначе — зачем на Земле существуют НИИ?

Соберу информацию всю по разрезу и в плане,
Разберусь, что реально творит нефтяное окно,
И проверю физически и покажу на экране,
А иначе — зачем на Земле существует кино?

И когда кероген заклокочет в окне монитора,
Измученный народ наблюдает пускай наяву
За природным процессом в условиях лабораторных,
А иначе — зачем на Земле этой вечной живу?

Февраль 2007

Скоро домой

Золотеют берёзы в прохладные ночи,
Светел вечер ещё, а уж выполз туман,
Из-за мыса выносит лохматые клочья,
Вверх по речке течёт их седая кайма.

Вот совсем загустел, левый берег завесил,
Ближний лес и палатки и лодки украл.
Мы сидим и по радио слушаем песни
У дымящего едко ночного костра.

Между песен пестрят аргументы и факты,
Сообщают погоду и время, и проч.,
И пора уже спать, но не хочется как-то.
Обещает холодною быть эта ночь.

Ледяное дыханье клубит у порога,
Но не просится внутрь, опасаясь свечи.
Погашу. Заходи же, туман, ради Бога,
Серебристого бисера щедро смечи.

И вливает туман внутрь открытой палатки,
Все поверхности кутая в капельный слой —
Всё, небрежно разбросанное в беспорядке.
Ночь холодная нынче, и скоро домой.

Памятник

Я памятник себе придумывать не буду:
Он есть. Он ест и пьёт, печатает следы.
Из зеркала он мне подмигивает всюду,
Похожий на меня, как два ведра воды.

Учёные твердят, что брэнно только тело;
Душа умчится ввысь и тленья убежит.
И с этой верой жить — совсем другое дело.
А без неё — не то. Нельзя без веры жить.

Порой зудит в мозгу: а что там, на скрижалях,
Начертано про нас и что от жизни ждём?
Не зная ничего, мы давим на педали
И крутим карусель, и мокнем под дождём.

Давным-давно без нас Америку открыли.
На что велосипед — и тот изобрели...
Зато среди болот, где только волки выли,
Достали мы руду из матушки-земли.

На сердце положи мозолистую руку
И не кривя душой, не стану сильно врать:
Не Ломоносов я, хоть признаю науку,
И в глубине души, простите, не Сократ.

Слух обо мне дойти до каждого способен,
Кому pošлю письмо иль просто позвоню.

Но что-то не звоню. Болтаюсь по сугробам,
Где чахнут от тоски деревья на корню.

Любезен быть могу и я в своём народе:
Советов никому заумных не давал,
Не строил пирамид, Мавродиянавроде,
Хочу построить дом. А лучше даже — два.

Не страшно мне, ведь я — не Лермонтов, не Пушкин.
С ножом не ждёт Дантес, когда иду домой.
Каракули мои не липнут людям в уши,
И спит спокойным сном «румяный критик мой».

Желаю счастья всем от мала до велика!
И если я не прав, покажут мне язык
И «новый» внук славян, и ставший ныне диким,
Но всё ещё живой российский наш мужик.

Надёжный пьедестал — планета под ногами.
Мы все на ней летим неведомо куда...
Давайте в тесный круг усядемся с друзьями —
Пусть катятся к чертям и горе, и беда!

1999 г.

На юбилей главного геолога ГРЭ-32 Петрова Ю. В.

Машина времени бежит,
Её мотор не знает сбоя.
И пролетает наша жизнь,
Похожая на поле боя.

Там проходили мы не раз
Траншеи и шурфы-окопы
И выходили по утрам
В маршрутах на медвежьих тропы.

И, глядя пристально вокруг,
Уже не всех мы рядом видим.
Судьба ведёт свою игру,
Но на неё мы не в обиде.

Немало пройдено дорог,
Открытий сделано немало.
А отдых Ваш — ещё далёк,
За тридесатым перевалом...

Мы все, кто держится в строю,
Желаем Вам в такую дату
Попасть в счастливую струю
И быть здоровым и богатым!

Машина времени бежит,
Петля Млечными путями...
И нужно сто с лихвой прожить,
И оставаться рядом с нами!

2008 г.

Баллада о советской женщине

Есть женщины в наших посёлках —
Куда ж им уехать, уйти?
Они новогодней ёлкой
Способны для вас расцвести.

Советская женщина может
Бульдозер на трассе обуть
И мужа беспутного тоже
Наставит на истинный путь.

В горячей избе хладнокровно
Детишкам блины разведёт,
А после с дыханием ровным
В студёную воду войдёт.

И в стужу бельё прополощет,
Под утро уляжется спать.
А утром пойдёт через площадь
На службе рубли добывать.

Всё может. И всё же, однако,
Не всё она может, увы:
Не может поехать в Монако,
Не смеет терять головы.

В Париже вдоль утренней Сены
Не может на шпильках пройтись...
Давайте же как-то изменим
Свою непутёвую жизнь!

Конец 1980-х

На юбилей Кондакова С. Н. (нач. геолог. отдела НПО)

Ну кто теперь не знает Кондакова?!
Таких в стране один на миллион.
Он может кулаком убить любого,
Кто слабо в геологии силён.

Недаром сибиряк он по рождению,
Чей мозг не уступает силе рук.
Как семечки трещат месторожденья:
Не фунт изюма — кандидат наук!

Когда бывает он в подразделениях,
То раздаётся голос, словно гром:
«Не будет вам пощады и прощенья,
Опять не здесь вы провели разлом!»

Войну мы знаем от отцов и дедов,
А он понюхал пороху вполне:
Медали за отвагу и победу
Он лично получил на той войне.

И мы когда пешком под стол ходили
Иль были лишь задуманы в мечтах,
Он по горам шагами мерил мили,
Таская аномалии в мешках.

А вообще он жизнелюб отменный,
Ценитель женщин, водки и машин,
Охотник, рыболов, поклонник сцены,
К тому же — он не курит анаши!

И втихаря, пока враги не слышат,
Мы скажем напрямик, без дураков:
Есть, кто о нас историю напишет:
Конечно, это будет Кондаков.

И мы ему сердечно пожелаем
На долгие и добрые века,
Чтоб жизнь была широкая, без края,
И так же высока и глубока!

1993 г.

Тучи

Ничего не слышат люди,
Каждый по себе.
Голубая кошка блудит
Вечером в избе.

Неспроста зачахла липа,
Снова выпал снег.
Ты лечил её от гриппа,
Добрый человек.

И умчатся чьи-то кони
С кем-то на спине,
Кто-то, может быть, утонет
В выпитом вине.

Притаились за горами
Давние грома,
И остались между нами
Холод и туман.

Далеко умчала осень
Летнее тепло,
Разбросала между сосен,
А сама — в дупло.

Ни к чему бросать окурки
В чистый водопад.
Мы с тобой играем в жмурки
Много лет подряд.

Странный ветер снова воет
За глухой стеной,
И тебя уносит поезд
Дальней стороной.
Гнутся тоненькие ветки
На моём пути.
Значит, выхода из клетки
Больше не найти.

Старый клён уткнулся в небо
Жёлтой головой.
Где-то был я, где-то не был,
Где чужой, где свой...

Всё смешалось, всё смешалось
В белый хоровод.
Видно, я ошибся малость —
Всё наоборот.

Плачут тучи, даже тучи,
И несутся прочь...
Может, это — крайний случай,
А совсем не дождь.

1971 г.

Ностальгия

Мне весну нагадали синоптики.
Только где она, эта весна?
В телевизоре тычут эротику.
Без тебя на хрена мне она?

Дай вернуться мне в юность забытую.
Дай мне к чистым припасть родникам
Там, где был я бродяжьей элитой,
Там, где верил сердцам и рукам.

Где лыжня на карельский Вокнаволок,
Где брусничкой порос Таловейс,
Где синее дев северных паволок,
Где озера нисходят с небес.

А ещё там, где кручи Витимские,
Где Синильга — дитя праотцов,
Где друзья и родные и близкие,
Где контрфорсы суровых гольцов.

И ещё там, где сопки саянские.
Там, где Мана с Тубилем текут.
Там, где песни мы пели босяцкие,
Нарушая покой и уют.

Там, где с хлебом рюкзак для товарищей.
Там, где флагом грядущих побед

Полыхает осенним пожарищем
Красивейший таёжный рассвет.

А ещё там, где солнце с бокалами —
Словно путь из спасения в рай.
Где крутыми щетинится скалами
Снежно-белый скуластый Домбай.

И везде там, где мари таёжные
Или горных хребтов белизна.
Где оставил следы осторожные,
Где работа, что людям нужна.

Где слагал свою песнь не по правилам —
Словно внукам готовил рассказ.
Где удача меня не оставила
И судьба, что спасала не раз.

02.04.2011

Донецк

Монолог

Я — Владимир Высоцкий,
Я — поэт и пророк.
Я, обличьем неброский,
Жить иначе не мог.
То, что не был удобным,
Что не съел меня быт,
Даже бронза надгробья
Вам о том говорит.
Не машин и сберкнижек
Золотой пьедестал —
Просто жил полной грудью,

Я озоном дышал.
Просто словно в пожарищ
Благородном дыму
Каждый был мне товарищ —
Счастья надо ему.

Но душа разрывалась
От обилия чувств,
И слова вырывались
Неизящных искусств.
Пусть войны не бывало,
Но я порохом пах —
Правда века звучала
В этих хриплых словах.

На хрипящем жаргоне
Я тревогу трубил,
И за правдой в погоне
ЧЕЛОВЕКОМ я был.
Пусть негромким ударом,
Пусть врагами распят,
Но звучала гитара,
Как российский набат.

Просто так получилось,
Я и сам не пойму:
Десять жизней вместилось
В небольшую одну.
Пусть короткая повесть,
То как был я — и нет.
Я — кипящая совесть!
Я — российский ПОЭТ!

Но врагам на потеху
Я не буду забыт,
Вновь Россия ПОЭТА

В горьких муках родит.
Встанут сотни хрипящих,
Пусть от разных причин,
Прямо в души кричащих
Настоящих мужчин.

Вот аккордов удары,
Может быть, невпопад —
По России гитары,
Как набаты, звучат.
Песня вновь раздаётся —
Это бардов семья.
И в наследство даётся
Им гитара моя.

26.07.1987

Донецк

Карелы

НАС тысячи, а может быть, нас были миллионы?
Но наших ратников земля не помнит злых и пьяных.
И наши не топтали легионы
Ни пашен, ни полей в заморских странах.

Ведь мы не разрушали Карфагена,
Не мы так дружно разгромили Трою,
Не помнят нас Париж и Сарагоса
Хмельных победой лёгкой и войною.

Мы издавна охотниками были
И жили тихо, мирно, в страхе божьем,
А если где тихонько и грешили,
То не в масштабах мира, не с оружием.

Но гордости хватало в наших душах,
Когда надменным шведским генералам
Со стен Корелы показали кукиш,
И кое-что похуже показали.

И не летят отравленные стрелы.
Нас бы побольше и войны б не стало!
Элита расы норда мы — карелы.
И эмешкойни, почему нас мало?

1977

Костомукша

Восьмидесятилетие КГРТ

1. ОДНОКАШНИКИ (17.09.2010)

Когда толпа весёлая друзей
У входа нас объятъями согрела,
На сердце стало будто веселей
И на душе намного потеплело.
Обнявшись, так и ходим по двору,
Разглядывая обшарпанные стены,
Играя в позабытую игру:
А помнишь? И встают живые тени
Тех юных лет. Улыбки навсегда
Ушедших в юность по весне, как в замять.
Богатство — не прожитые года.
Богатство — совесть и богатство — память.
По кругу тост. Расскажем о себе,
Где добывали ордена и шрамы.
Попроще — расскажите о судьбе.
Без резких выражений. С нами дамы.
Мишаня, ты как будто меньше стал.

Да знаю — рюкзаки сгибают плечи.
Я сам немало проб перетаскал,
Но вширь несёт, и крыть мне больше нечем.
А Раечка? Твоя густая бровь
Нас, мужичков, доныне соблазняет.
И истину ты подтверждаешь вновь —
Что яркое в природе не линяет.
А Димка вроде выбился в князья,
Но сам всю жизнь характер не меняет.
Такого парня изменить нельзя —
По пьянке часто он дурным бывает.
А Боре что хотелось пожелать?
Не будет пожеланье невозможным:
Так для других науки преподавать,
Как нас учили. Это очень сложно.
Я Олечку сегодня не узнал.
Прости меня, ведь мы отнюдь не боги.
Нас рок сегодня памятью связал.
Ты помнишь те саянские отроги?
Светлана — ты солидна и строга,
Традиции в ученье продолжая
Тех, что ушли, раздвинув берега
Для нашей жизни, незабвенной стаей.
Коляня, ты совсем-совсем седой —
Вот в этом мы с тобой родные братья.
А так подвижный, словно молодой.
Ты опоздал? Держи мои объятия!

И Слава нынче бодр и моложав,
Грудь колесом, в бородке ни сединки.
Я б снял тебя, имея больше прав,
На постер — на рекламную картинку.
И два Володи из того ж гнезда,
Из тех же стен казённой той квартиры —
На год постарше, значит, навсегда
Нам добрые отцы и командиры.

Вот встретились в начале именин.
За техникум, за доброе то имя!
Друзья, не прячьте от меня своих морщин —
Я помню вас и вижу молодыми!
Долой улыбки! Встанем поскорей,
Добром и чаркой павших поминая:
Вас — Катя, Галка, Нина и Сергей,
Два Славы, Толик! Вспомним Николая!
Каких ребят забрали небеса —
Во многом были первыми, как знамя!
Вы в душах наших живы навсегда,
Пока дрожит скупой слезою память.
Теперь за тех, кто по вине причин
Неодолимых не сумел быть с нами.
Здоровья вам! Все встанем, как один,
И чокнемся. И мы душою с вами!
Сомкнём ряды, пересчитаем строй
И выйдем в ночь, в приветный тёплый Киев.
Не хочется прощаться, боже мой!
Да только просят отдыха седины.
В метровагоне через Днепр скользя,
Я голову склоню, как древний витязь.
Я заклинаю: други и друзья!
Те, что ещё не найдены, найдитесь!

17.09.2010 – 10.10.2010

Киев – Донецк

2. ПРОЩАНИЕ (18.09.2010)

Наливайте пивка на прощание!
На вокзал нас уводит стезя.
Кто-то в ночь, кто-то гулкою ранью
Уезжают сегодня друзья.
От забот чуть виднее морщины.
Ждут нас грядки, работа, уют.

Только в горле першит без причины,
Но заботы рыдать не дают.
И природа в созвучии с нами,
Замыкаясь на круге своём,
С ликом матери под образами
Плачет первым осенним дождём.
На перроне простимся, как люди.
НЕ ТЕРЯЙТЕ друг друга, друзья!
Сколько раз уезжали отсюда,
Но теперь нам теряться нельзя.
Нет. Прощаясь, скулим, как подранки,
Разбегаясь по норам своим.
Ждут столицы нас и полустанки,
Адреса мы у сердца храним.
Только некуда слать мне гостинцы,
И они — не решенье проблем.
Лишь в Инете остались торгинцы,
Стал легендою Ичувеем.
Я уеду ещё ближе к лету,
А в далёких краях идёт снег.
Там сегодня друзей моих нету —
Скоро станет безлюдным Певек.
Жить на свете потомкам не скучно,
Но потомка спрошу без затей:
— Я тебе подарил Костомукшу.
Ты так глупо поступишь и с ней?
Поезд лихо стрижёт полустанки,
Убегая вперед и вперед.
Мне прощание Нашей Славянки
До рассвета уснуть не даёт.
А колеса считают минуты:
Не беда! Не беда! Не беда?
И поврозь снова наши маршруты. —
Мы куда? На года? Навсегда?

18.09.2010 – 09.10.2010 г.

Киев – Донецк

Баллада о спирте

Замёрзнешь, устанешь лихо
(В тайге не особый флирт),
Но есть в нашей жизни дикой
Одно утешенье — спирт.

Такая простая жидкость,
А сколько в ней доброты.
Лишь только её увидишь,
То станешь сильнее ты.

И быть веселее будет —
Не каждый же пьяный тих.
А если друзья забудут,
Забудем и мы о них.

Спирт очень универсален.
Нельзя его не любить.
Ведь спиртом любую радость
И горе могу залить.

Надеюсь, ругать не станут
Меня за неверный стих,
А женщины нас обманут,
То дважды обманем их.

Но будут у нас подружки —
Такая уж штука — жизнь.
Давай же поднимем кружки!
Смотри , друг, не обожгись!

14.07.1966
р. Амга

* * *

Эй, трепещи, традиция! Ввергая нас в прострацию,
Шагает геология путём феминизации.
Эх, рудознатцы милые, куда мы с вами катимся?
Коль так пойдёт, так вскорости исчезнем и растратимся.
Гипотезы в амбиции и старые традиции,
Чубы в пыли взмокревшие и лысины вспотевшие,
Блистая эрудицией, набычив в споре шеи,
Научные концепции рождают корифеи.
А вам месторождение откроет, например,
Обычная красавица — Динара Гелевер.
И в базе той, воздвигнутой по крохам, по слагаемым
Есть монацит Лукониной, алмазы Попугаевой.
В любой лаборатории шеренгами-окопами
Сидят рядами дружными девчата с микроскопами.
И стройные и знойные, они на зависть нам
В навырост сшитых курточках шагают по полям.
Их велико терпение, нелёгок славный труд,
Но все ж пуды камениев упрямо волокут.
Отращиваю бороду, закуриваю трубку
(А если со спецурою вдруг выдадут мне юбку?),
Иль дама-демография опять хвостом вильнёт —
По одному оставят хотя бы на развод?
Я стискиваю зубы, невесело смеюсь.
Ужель с феминизацией так просто я смирюсь?

1.04.1986

Донецк

Содержание

От автора-составителя	3
ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ	5
ЮРИЙ ПЕТРОВ	
Рудная Горка	7
ВИТАЛИЙ МОРОЗОВ	
«Геологическая» картошка	14
«Боинг-747» (Рассказ свидетеля ЧП)	19
Щёлка	26
Шпион	29
Неутомимый	41
АЛЕКСАНДР БУЛАВИН	
О работе.	45
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОЛОГИЯ	
<i>(байки карельских геологов)</i>	<i>55</i>
ИГОРЬ ГЛАСС	
Борьба с пьянством	57
Случай с кассиром	59
ЯКОВ ГРЕЙБЕРГ	
Начало большого пути	61
Начало большого пути-2, или приключения «чайника»	64
«Вспышки памяти»	69
История про амазонитовую жилу, дикого кота Васю, бродячего аспиранта Андрюшу и многое другое	73
Как я был браконьером.	80
Тореадоры	83

СЕРГЕЙ КИРЮШКИН	
Медвежий склад	87
СЕРГЕЙ САБАНОВ	
Детство в Якутии	90
Кот-рыболов	90
Наш шалаш	91
Оружие.	93
Перелётные птицы	94
Каприз погоды	96
Костерок	97
Крылатая фраза	98
Свердловск.	100
Театр	100
Подмосковье.	101
Политика партии.	101
Трудовые рубли	103
Москва.	104
«Made in Japan».	104
Первый день весны (юмористический рассказ)	107
Приморье.	108
Случай на берегу.	108
Монголия	109
Откачка.	109
Ленинград	113
Удачный полёт	113
Архангельск	115
Из жизни индейцев	115
Кольский	116
Волшебная лампа	116
АЛЕКСАНДР СНЫТКО	
Керноскоп	118
Пахота и мода	121
Цезий и вишни	122
ГРИГОРИЙ СОКОЛОВ	
Нарушитель границы	127
Русская мафия.	128
Где ты, Агнета?.	129
Полиглот	131
Умом Россию не понять.	133

ПАВЕЛ СТРАНСКИЙ	
А теперь побыстрее уё...	135
АС (<i>Мне сверху видно всё...</i>)	137
«Клуб холостяков»	139
День рождения в «Президент-отеле»	140
ВЛАДИМИР ТИХОНОВ	
Когда-то в Коми...	145
Преисподняя на трассе	145
Мой друг Копчѐный	148
Как мы голодали	152
Грибной человек	157
Взвесьте бутылку	159
ПОЭТИЧЕСКАЯ ГЕОЛОГИЯ	163
ЕЛИЗАВЕТА БОРОДУШКИНА	
Письмо другу	165
«Я прощаю, конечно, прощаю...»	166
На 50-летие «Невскгеологии»	166
На юбилей генерального директора	167
Весна	168
АЛЕКСАНДР БУЛАВИН	
О любви	170
ПАВЕЛ КОВТУНОВИЧ	
Год Дракона	172
День геолога	173
К Дню геолога	173
Год Тигра	174
С Днём геолога!	175
ВИТАЛИЙ МОРОЗОВ	
Белову — 80!	177
Юбилейное	178
Карельской экспедиции — 50 лет	179
ГРИГОРИЙ СОКОЛОВ	
В судьбу я верю	182
АЛЕКСАНДР СНЫТКО	
Баллада о раке	185

ИРИНА ТИМОШИНА

Карелия	187
«Старинные карельские дома...»	187
«Онего-озеро везде...»	188
«Деликатно стоят трое умных нечёсанных псов...»	188
«Кантеле звенит печально...»	188
«Над просторами Кижии-острова...»	189
«Страна валунов и воды...»	189
Медведи	189
Мошкара	190
Огонь и вода	190
Про катагенез	191
Про нефть	193
Про пиролиз	194
Скоро домой	195

ВЛАДИМИР ТИХОНОВ

Памятник	196
На юбилей главного геолога ГРЭ-32 Петрова Ю. В.	198
Баллада о советской женщине	199
На юбилей Кондакова С. Н. (нач. геолог. отдела НПГО)	200
Тучи	201

ГЕННАДИЙ ШРАМКО

Ностальгия	203
Монолог	204
Карелы	206
Восьмидесятилетие КГРТ	207
1. Однокашники (17.09.2010)	207
2. Прощанье (18.09.2010)	209
Баллада о спирте	211
«Эй, трепещи, традиция!»	212

НЕСЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ-4

Сборник

Автор-составитель *Странский П. В.*

Подписано в печать 23.03.2012. Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,55. Тираж 500 экз. Зак. 271.

Отпечатано в ООО «Версо».

185031, г. Петрозаводск, наб. Варкауса, 1а.

